66.61/2/8

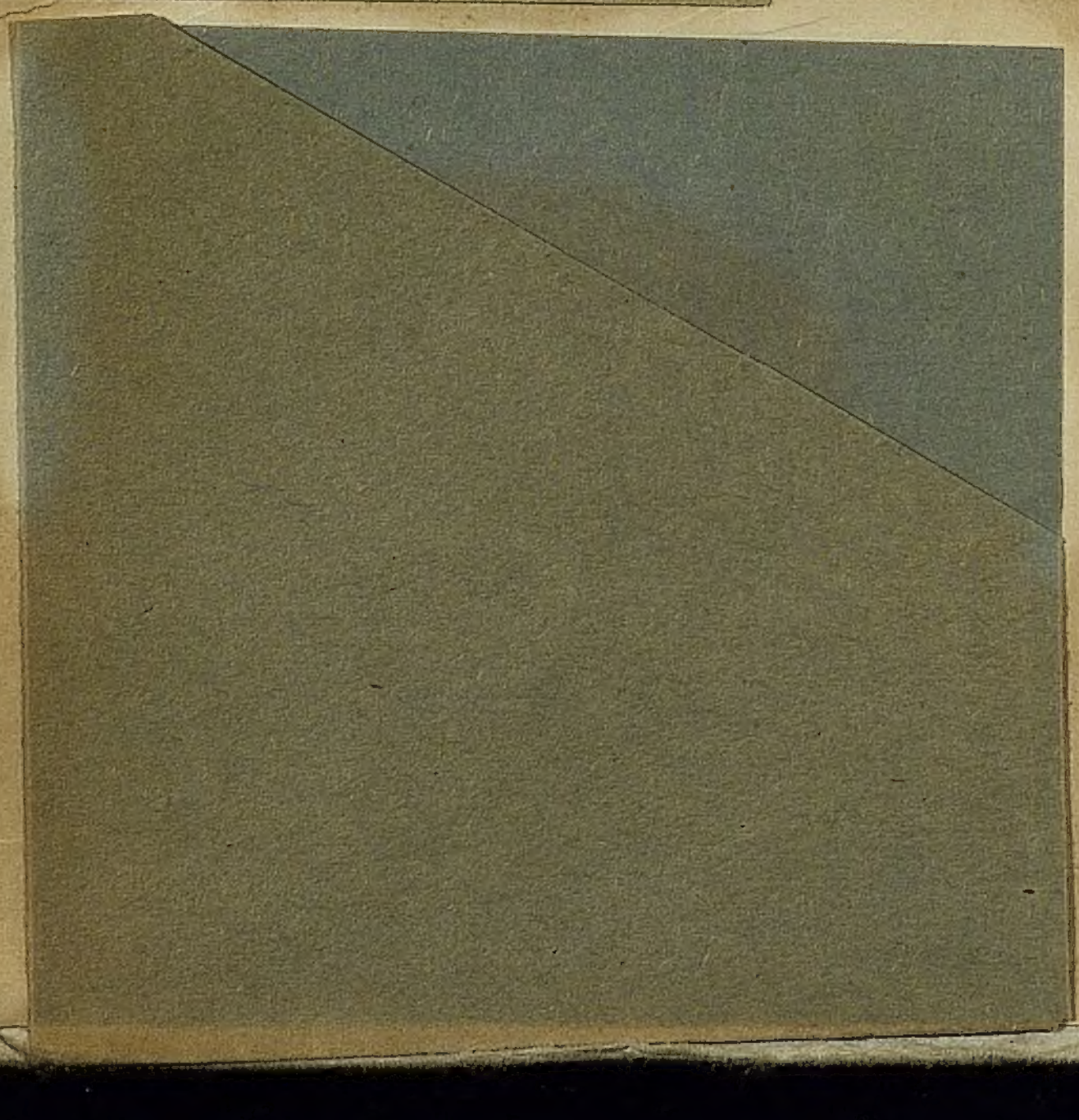
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

БАУМАН

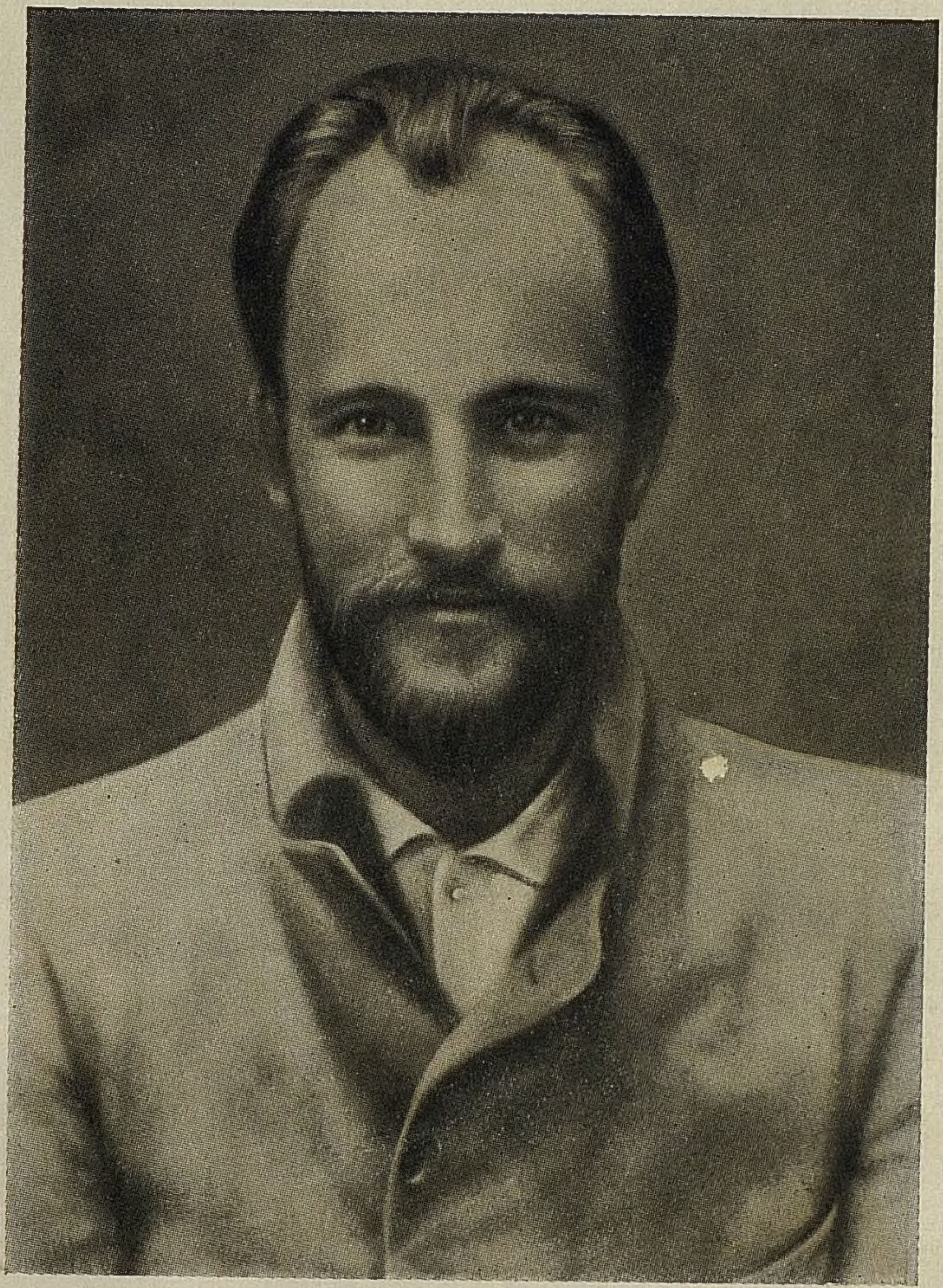
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач

21/V 776
23 VIII - 1579 -
10/IV
7/X - 9332



ЖЗЛ



Николай Бауман

66.61(2)8
Н 76

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. НОВОСЕЛОВ

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН

1873—1905

Издание второе, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1955

I. ПАМЯТНИК БОЛЬШЕВИКУ

На одной из площадей Москвы возвышается гранитный памятник. На высоком постаменте в стремительном движении вперед застыл стройный, с открытым лицом, скромно одетый человек... Он прижимает к груди пачку номеров нелегальной большевистской «Искры». У него смелый, проницательный взгляд. Чуть заметная улыбка освещает спокойное, мужественное лицо.

На граните постамента высечена надпись:

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ
БАУМАН

1873—1905

И чуть пониже — слова из некролога, написанного Владимиром Ильичем Лениным на смерть Н. Э. Баумана:

«Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!»

В постамент памятника вмонтированы три бронзовых барельефа. На одном из них изображена камера-одиночка в Петропавловской крепости. У маленького, узенького, забранного решеткой окна в глубокой задумчивости стоит заключенный. Двадцать два месяца провел Н. Э. Бауман в сырых крепостных казематах, но тюрьма не сломила его волю и уверенность в побе-

де пролетариата. Он остался таким же твердым, убежденным революционером.

На втором барельефе запечатлен побег десяти заключенных-искровцев из Киевского тюремного замка, организованный Николаем Бауманом. Узники поднимаются по веревочной лестнице на высокую стену.

На третьем барельефе — трагическое убийство Н. Э. Баумана 18 октября[1] 1905 года в Москве, на Немецкой улице, когда он вместе со своими товарищами большевиками шел освобождать из Таганской тюрьмы политических заключенных...

Внизу, под барельефами, гневные, разоблачающие царизм слова Ленина:

«Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, что царский манифест 17 октября был ловушкой... Чего стоят все эти обещанные свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства?»

Весной у подножья памятника расцветают ярко-красные тюльпаны и маки. На фоне черного гранита пламенеют огненные канны и гвоздики. Все лето одни цветы сменяются другими. По славной традиции их выращивают пионеры из Дома пионеров Бауманского района.

В дни революционных праздников — 1 Мая и 7 ноября — под громкие звуки оркестров, под победный шелест алых полотнищ движутся колонны трудящихся мимо памятника большевику, отдавшему свою жизнь борьбе за победу пролетариата. Девизом этого отважного борца за счастье и свободу трудящихся было:

«Желать — значит сделать!..»

---

[1] Все даты в книге — по старому стилю.

II. НА ПРОСТОРАХ ПОВОЛЖЬЯ

В одном из больших поволжских городов — в Казани, с конца шестидесятых годов жила семья ремесленника Эрнеста (Евграфа) Андреевича Баумана. Он переселился в Казань из Прибалтики (из Курляндской губернии) и открыл здесь небольшую столярную мастерскую. Эрнест Андреевич был искусным мастером: он выполнял очень сложные заказы, даже вытачивал бильярдные шары и различные украшения из кости.

Его жена Мина Карловна вела домашнее хозяйство. Она следила за чистотой в небольшой, но уютной квартире, заготавливала на зиму овощи, мочила яблоки, которые особенно любили дети, присматривала за ученьем сыновей. Семья Баумана была работящей, дружной: каждый старался помочь другому.

У Эрнеста Андреевича и Мины Карловны было четыре сына — Александр, Николай, Эрнест и Петр — и дочь Эльза. Николай Эрнестович Бауман родился 17 мая 1873 года в Казани в доме № 13/14 на углу Петропавловской и Малой Проломной улиц. (После Октябрьской революции они переименованы в Банковскую и Профсоюзную улицы.)

Напротив дома, где жили Бауманы, возвышался старинный Петропавловский собор, а вокруг ютились мастерские кустарей и мелкие лавчонки. Неподалеку находился «толчок» — рынок. Здесь всегда можно было встретить представителей самых разнообразных

профессий, национальностей и сословий: рыбаков с «низовья» — из Астрахани и Царицына, калмыков из закаспийских степей, бурлаков из Мордовии и Чувашии, бойких ярославских и владимирских кустарей. Здесь можно было услышать много рассказов о житье-бытье в далеких кочевьях, деревнях и посадах.

Широкая, шумная жизнь, бившая ключом неподалеку от дома Бауманов, повлияла на развитие любознательности и интереса к окружающему у Коли.

С самого раннего детства Коля любил бывать в мастерской отца. Он часами не отходил от токарного станка. Старый мастер резчик по дереву и по кости Нефедыч (Крылов) вытачивал замечательные блестящие шары, которые потом так проворно бегали по зеленому бильярдному сукну. Мальчик нередко просил Нефедыча «покатать колесо» и со звонким смехом бегал за юрким бильярдным шаром. С интересом следил мальчик и за чудесным превращением куска мертвой кости в изящные резные вещицы: в маленьких слонов, в замысловатые цветы и брошки. Иногда ему удавалось упросить кого-нибудь из взрослых склеить «змея-горыныча покрасивее». В мастерской было вдоволь клея, дранок и плотной обойной бумаги, и змей получался замечательный: со всевозможными украшениями, замысловатыми трещотками, с разноцветными с бахромой хвостами. Даже взрослые останавливались и долго следили за большим, чуть ли не сажень в длину, воздушным кораблем, со сдержанным гуденьем уплывавшим в бездонную синь неба.

Колю влекли широкие волжские просторы, где веет над неоглядными лугами ласковый, теплый ветер... Куда ни глянь — чистые, как хрусталь, озера и реки, словно осколки громадного зеркала — Волги.

Много лет спустя, в тюрьме и в ссылке, в памяти Баумана не раз оживали золотые, залитые полуденным солнцем берега Волги и прохладные, ласковые струи воды.

Мальчик рано научился плавать и нырять. Вместе со своими сверстниками — детьми ремесленников, мещан и мелких чиновников — Коля тайком от Мины

Карловны, которая боялась пускать сына на Волгу, удирал из дому и мчался к рыбакам. Не раз мальчики оставались в рыбацкой ватаге до рассвета, когда рыбаки на больших лодках объезжают и осматривают поставленные на ночь переметы и сети. Далеко за полночь горит на берегу костер рыбаков. Огни мерцают и на воде. По самой середине величавой реки тянутся плоты, медленно плывут беляны [1] и тяжело груженные баржи.

Как и все волжские ребята, Коля любил бывать в порту. Тут всегда было шумно и оживленно. Через Казанский порт шли вверх по Волге — до Твери и Рыбинска и вниз — к далекому Каспию — пароходы, груженные различными товарами. На пристани сотни грузчиков, одетых в рваные кацавейки, выцветшие халаты и выгоревшие на солнце зипуны, надрываясь, перетаскивали с пароходов на склады тяжелые тюки, объемистые кипы и крепко сколоченные ящики. На тюках, кипах и ящиках пестрели разноцветные ярлыки известных во всем Поволжье кожевенных, мануфактурных и мыловаренных заводов и фабрик.

Истинным мученьем для грузчиков была перегрузка ящиков с металлическими изделиями уральских медеплавильных и металлургических заводов, привозимых в Казань по Белой и Каме. После десяти-пятнадцати ходов с парохода на склад даже самые крепкие и привычные к тяжестям грузчики останавливались у причала, едва переводя дыхание и озираясь вокруг воспаленными, покрасневшими от натуги глазами.

Коля однажды видел, как обессилевший старик грузчик, не выдержав двенадцатичасового адского труда, упал под тяжестью десятка продолговатых ящиков, в которых по всей стране рассылалось из Казани мыло и свечи завода Крестовникова.

— Э-э, сбился с кону, — равнодушно промолвил старшой артели и приказал одному из молодых грузчиков заменить старика.

---

[1] Беляна — плоскодонное несмоленое судно для сплава лесных материалов, которое обычно по прибытии на место разбирается на дрова.

Эти тяжелые впечатления оставляли глубокий след в душе Коли.

Коля рос крепким, физически развитым и закаленным. К осени он так загорал и «выветривался», что сверстники с полным основанием называли его «белобрысым индейцем».

По воскресным дням ребята устраивали на берегу реки Казанки «маневры» и «парады», копируя летние маневры казанского гарнизона. Среди ребят выделялся своей смелостью худенький проворный Саша Петров. С ним-то и подружился Коля Бауман. С семи лет Саша узнал, что такое труд: он собирал на свалках тряпки, старое железо, кости и относил их в мелкие лавчонки пригорода. Зарабатывал он три-четыре копейки в день, и лишь в редкие счастливые дни, когда мальчику удавалось найти на свалке старую медную кастрюлю или таз, заработок его достигал пяти копеек. Отец Саши получал одиннадцать рублей в месяц, а семья Петровых состояла из девяти человек. Вскоре Саша поступил на казанский пороховой завод, где ему пришлось чистить песком банки из-под пороха. Заработок его поднялся до трех рублей в месяц, но работать мальчику приходилось целыми днями. Лишь в воскресенье он прибегал к Коле, и они вместе уходили на берег Казанки...

Коля не прочь был и пошалить и даже подраться с мальчишками из-за бабок или из-за очереди в лапту или в «чижика». Но и в детских играх он проявлял решительность, храбрость, умел найти выход из затруднительного положения.

Однажды дети играли на берегу озера в «татар и казаков». Восьмилетний Коля предводительствовал отрядом «казаков», скрывавшихся от «татар» в густых прибрежных камышах. Впопыхах, заботясь о том, чтобы лучше спрятать своих товарищей, сам Коля оказался на открытом берегу довольно глубокого озера. «Татары» оцепили озеро полукругом, скрыться от них было уже невозможно. Тогда Коля принял смелое решение: он взял в рот полую камышинку и погрузился на дно озера. Дышать было трудно, но мальчик твердо решил не выплывать, чтобы не попасть в плен.

«Татары» осмотрели озеро и хотели уже было двинуться дальше. Но вода проникла в камышинку, и Коля начал захлебываться. Всплывшие на поверхность пузыри выдыхаемого Колей воздуха привлекли внимание «татар». Они сообразили, где скрывается «казак», и направились к Коле. Когда «татары» вплавь добрались до Коли и вытащили его на берег, мальчик совсем выбился из сил. Но, отдышавшись, он шопотом сказал:

— А все-таки... все-таки я не сдался!..

* * *

Незаметно проходили годы детства.

Когда мальчик подрос, он увлекся верховой ездой. Лошадь отца вряд ли могла считаться резвой. Она добросовестно трусила в дрожках, возила Мину Карловну за провизией на базар, доставляла отремонтированную мебель заказчикам. Но Коля, начитавшись Майн-Рида и Фенимора Купера и подражая «всаднику без головы», стал совершать довольно рискованные прогулки по волжским кручам на «скакуне» отца. Несколько поездок прошли благополучно, но однажды последователь Майн-Рида пустил лошадь во весь опор, она сбросила неопытного всадника. Коля сильно ушибся, но скрыл это от родителей. В другой раз катанье окончилось тем, что лошадь ударила мальчика копытом в лицо. К счастью, удар был не очень сильным, но все же шрам на переносице Николая остался на всю жизнь. По мнению друзей Баумана, он, пожалуй, даже шел к его энергичному, открытому лицу.

С наступлением зимы Коля вооружался самодельными деревянными коньками, искусно выточенными старым мастером, и отправлялся на озеро. Крепко сплетенными бечевками Коля прикреплял коньки к валенкам и с увлечением чертил на гладком льду замысловатые восьмерки и двойные знаки вопроса.

Когда мать купила ему настоящие стальные коньки с загнутыми носами, восторгу мальчика не было

предела. Он часами носился по блестящему ледяному полю и, не довольствуясь маленьким городским катком, убегал на приволжские озера и реку Казанку.

Кроме катанья на коньках, зима приносила и другие удовольствия. Что может быть лучше стремительного спуска с горы на вертящейся ледянке! Любил Коля и лыжные прогулки, но в то время среди зимних развлечений его сверстников коньки явно преобладали. Молодежь каталась с гор на ледянках, взапуски носилась на коньках или с увлечением играла в «осаду Севастополя». Ребята сооружали из снега брустверы и траншеи и поливали их водой. Снежки заменяли им гранаты и бомбы.

Наступило и время ученья. Отличавшийся большой любознательностью, Коля еще дома научился хорошо читать и писать и без труда поступил в первый класс второй Казанской гимназии.

В Казани в то время было две гимназии. В первой гимназии, носившей громкое название «императорской», принимали не всех, обычно там учились дети привилегированных сословий: дворян, крупных землевладельцев, именитого купечества. Во второй же, более скромной гимназии учились сыновья тех, кто с большим трудом мог дать своим детям недешево стоящее образование, куда ученики приходили на занятия пешком или в крайнем случае, в непогоду, приезжали на дешевом извозчике, а не подкатывали на тысячных рысаках в санях с медвежьей полостью.

Эрнесту Андреевичу из своих скромных средств было тяжело платить за обучение Коли в гимназии, но он надеялся, что хоть один из его сыновей выйдет «на широкую дорогу», закончив гимназию, а затем и университет.

Вторая гимназия находилась недалеко от улицы, где жили Бауманы, на Булаке-канаве, соединяющей озеро Кабан с рекой Казанкой.

Владимир Сущинский, друг и одноклассник Коли Баумана, позднее вспоминал, что их гимназия славилась дисциплиной и была строго «классической»: латынь и греческий язык «изучали свирепо». На пере-

менах и после занятий, устав от утомительной зубрежки греческих и латинских глаголов, гимназисты устраивали «Седанскую битву». В то время были живы впечатления недавней войны Франции с Германией в 1870 году, и дети с увлечением играли в «осаду Парижа». Симпатии всех были на стороне побежденных французов, и почти всегда «французы» одолевали противников — «немцев».

Одноклассники Коли Баумана рассказывали, что увлечения его часто менялись, — брали верх то игры, то рыбалка, то верховая езда, то коньки. Во втором и третьем классах Коля и Сущинский безустали играли в войну и «в индейцев». А в пятом, шестом классах появилось новое увлечение — танцы. По воспоминаниям брата Коли, Эрнеста Эрнестовича, мать не успевала чистить замшевые перчатки: покупать лайковые у юного Баумана не было средств. Коля танцевал с увлечением и, по отзывам его сверстников, обладал несомненным талантом и в искусстве вальса в три па и в мазурке.

— Вот это — за вальс! Это — за падекатр! А эти три — за мазурку! — показывал Коля братьям и сестре, вернувшись с какой-нибудь вечеринки, вырезанные из позолоченного картона «медали», «ордена» и «звезды» самых оригинальных форм — призы, выданные Коле как лучшему танцору.

Однако «танцевальная горячка», как впоследствии называл это свое увлечение Николай Эрнестович, продолжалась недолго.

Он все больше стал увлекаться чтением. Учился Коля посредственно: он ненавидел мертвящую зубрежку классической гимназии. Колю, с детства полюбившего природу, красоту густых лесов и поемных волжских лугов, привлекали естественные науки. Но эти науки, во избежание «заразы дарвинизма», были в крайнем загоне, в гимназии на них отводилось в четыре раза меньше времени, чем на изучение латинского, греческого и церковнославянского языков. Классицизм — увлечение древними языками — умерщвлял всякую попытку учеников к самостоятельной работе и живой мысли. Математика тоже была

ущемлена по сравнению с бесконечными переводами с русского на древние языки и заучиванием наизусть больших отрывков на латинском языке о походах Юлия Цезаря. Физику преподавали по очень сжатой программе, и изучение ее ограничивалось только словесным методом. На уроках не рекомендовалось проводить даже самые обычные опыты, «ибо, — как писал один из попечителей учебных округов, — они не содействуют укреплению принятых основ богословия, а, наоборот, оные опыты могут повергнуть молодые умы в сомнение...»

Соратник Н. Э. Баумана по революционной работе в подпольных рабочих кружках П. Н. Лепешинский так характеризует гимназические нравы в те времена:

«Известно, что представляла гимназия 80-х годов... мракобесие классных наставников и их свирепая расправа с любителями чтения, не удовлетворявшимися гимназической библиотекой и получавшими книги из городской публичной библиотеки; внезапное посещение теми же воспитателями квартир учеников, причем горе тому несчастному, у которого на столе или в шкафу оказалась бы во время таких посещений запретная литература, вроде, например, Щедрина или Белинского, не говоря уже о Добролюбове, Писареве или Чернышевском; бесконечные формы издевательства над личностью ученика и т. д. и т. д. — обо всем этом много уже писалось и много может порассказать любой из современников, сам испытавший в свое время прелести гимназической муштры в период наиболее свирепой общественной реакции в России»[1].

Бауман оживал лишь на уроках русского языка и литературы. Произведения великих писателей — борцов за счастье народное — поражали увлекающегося юношу своей поэтической красотой и силой жизненной правды. Программа гимназии включала далеко не все произведения писателей, интересовавшие демократически настроенную молодежь. Даже Пушкина изучали только «в рамках программы». Но Бауману все же

---

[1] П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 8—9.

удалось прочесть и «Деревню», и сатирические эпиграммы, и «Историю пугачевского бунта». Познакомился он и с произведениями Радищева, и Чернышевского, с выдержками из «Колокола» Герцена.

Товарищи Николая Эрнестовича по гимназии вспоминают, что они с тринадцати-четырнадцати лет уже начали тянуться к серьезной «духовной пище». Студенты, приезжавшие в Казань на каникулы, привозили строжайше запрещенные сочинения Добролюбова, Писарева, Чернышевского. «Эта плеяда великих критиков осветила нам, еще подросткам, путь так же, как осенью на безоблачном небе ярко горят созвездья Большой и Малой Медведицы», — вспоминал десятки лет спустя профессор Н. Н. Богданов, один из товарищей Н. Э. Баумана.

С увлечением молодежь перечитывала Некрасова, пела на вечеринках «Назови мне такую обитель», «Душно без счастья и воли»... Большим успехом у молодежи пользовались «Один в поле не воин» Шпильгагена и «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. Молодежь увлекалась Герценом, бичующими сатирами Салтыкова-Щедрина, но достать в провинции эти книги в то время было почти невозможно. Книга «Что делать?» Чернышевского переходила из рук в руки, ее изношенные страницы были аккуратно подклеены и многие переписаны от руки. Поля книги были исписаны взволнованными заметками восхищенных читателей.

Однажды, выходя из гимназии вместе с Сущинским, Коля, сдерживая довольную усмешку, многозначительно посмотрел на друга.

— Удачно? — тихо спросил Сущинский.

Коля утвердительно кивнул головой.

— И надолго?

— До утра. Поклялся, что завтра ровно в восемь часов утра верну, — ответил Бауман.

Вечером на антресолях старого дома, где отец Сущинского снимал маленькую квартирку, собрались Бауман, Богданов и Сущинский. Гимназисты заперлись в тесной каморке, где они всегда вполголоса читали самые увлекательные и дорогие сердцу книги.

На этот раз Коля с нескрываемым торжеством вынул из ранца вырезанную из журнала и тщательно переплетенную в отдельную брошюру статью Писарева.

Она сразу увлекла слушателей. Два раза молодой хозяин менял свечи в подсвечниках, пока за окнами не стали вырисовываться контуры домов, укрытые инеем деревья.

Ночь пролетела незаметно, словно в беседе с любимым, задушевным другом.

Такие чтения повторялись нередко. Читали юноши очень много, хотя и без строгой системы. Сильное впечатление произвела на Баумана известная работа Писарева «Прогресс в мире животных и растений» — талантливейшая популяризация идей Дарвина. Не гимназические учебники, а увлекательные статьи великих русских критиков, навек запоминающиеся произведения писателей-демократов учили юношей жить, пробуждали в них лучшие человеческие чувства.

По свидетельству Владимира Сущинского, эти запрещенные книги доставляли им радость первых самостоятельных мыслей, первых осознанных целей, заставляли искать выхода из окружавшего их мещанского благополучия, из тисков сложившейся веками обывательской жизни.

Но не только книги были друзьями Коли. Живой, общительный, склонный к шалости и «к дерзкому неуважению» гимназического начальства, он никогда не замыкался в рамки одного лишь книжного изучения жизни. Он твердо усвоил точку зрения Писарева: «Мыслящий реалист не только мыслит по книгам, но и сам узнает жизнь». Эта идея была широко распространена среди молодежи семидесятых и восьмидесятых годов.

Коля с первых же лет ученья попал в тесную и дружную товарищескую среду. Благодаря своему веселому, открытому характеру он легко сходился с товарищами. Некоторые из них стали его друзьями на всю жизнь. Особенно его привлекал Володя Сущинский: оба они страстно любили чтение, увлекались долгими прогулками и походами в Заволжье.

Юноши мечтали о служении народу, чьи тяготы, заботы и нужды они хорошо знали. Стоило лишь войти в мастерскую отца, чтобы вплотную столкнуться с народом. Старый Нефедыч, сам испытавший гяжесть крепостного права, отлично знал уклад деревенской жизни, деревенские обычаи, любил старинные волжские песни, помнил немало сказок и прибауток. Работая в городах, научился грамоте, полюбил чтение. Он наизусть читал молодым друзьям большие отрывки из Некрасова и Кольцова, рассказывал о своих молодых годах, когда бурлачил на низовьях Волги. Откинув назад падавшие на лоб густые, тронутые сединой волосы, перехваченные на лбу ремешком, старик, не торопясь, проникновенно читал стихи своего любимого поэта:

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал, —
Хрипя, «дубинушку» стонал...

Или вспоминал горькую жалобу другого народного поэта:

— Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой...
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал, —
Так узнаешь о жизни тяжелой!..

Задушевные беседы и чтение стихов «певца горя и гнева народного» чередовались с рассказами о недавних, еще свежих в памяти казанских крестьян трагических событиях в селе Бездна.

Крестьяне этого села, обманутые манифестом 1861 года, давшим помещикам право свободно распоряжаться крестьянской землей, восстали. Тысячная толпа, под предводительством их односельчанина Антона Петрова, потребовала прочитать «настоящий, с царскими орлами» манифест. Как на крыльях, полетела вниз и вверх по Волге весть о том, что «баре волю скрыли», что в церквах читают подложный, барский манифест. Крестьяне верили, что в подлинном

манифесте «вся земля к крестьянам отходит». К бездненским крестьянам примкнули крестьяне многих сел и деревень Спасского, Лаишевского и Чистопольского уездов Казанской губернии и даже Самарской и Симбирской губерний. Более месяца бунтовали крестьяне, пока правительство не заглушило мятеж, выслав на подавление восстания войска.

В рассказах Нефедыча перед молодыми, впечатлительными слушателями оживала трагедия крестьянской жизни, разыгравшаяся неподалеку от Казани. Нефедыч точно передавал речи Антона Петрова, говорил о чаяниях и надеждах крестьянства. С большой силой рисовал он картину расстрела царскими войсками безоружных крестьян.

Эти рассказы запечатлелись в памяти Коли, на всю жизнь запомнил он призыв Некрасова, прочитанный Нефедычем:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

Нефедыч рассказывал и о том, как казанские мастеровые и рабочие обратились с жалобами на свое невыносимое положение к самому царю:

— Думали мы, беднота деревенская да рабочие городские, что правда до царя все-таки когда-нибудь дойдет. Суконщики из Суконной слободки еще при царице Екатерине не раз пытались пожаловаться на каторжную свою работу: уж больно их хозяева фабрики притесняли, прямо житья не было! Работали от зари до зари, а зарабатывали кошке на харчи, — взрослому прокормиться никак нельзя было. Вот они и порешили, когда Николай I в Казань приехал, самому царю просьбу подать. Полиция не смогла остановить толпу, и она хлынула навстречу царскому экипажу. Все верили, что царь прикажет расследовать все да правду на свет божий выведет. А на деле... на

деле оказалось совсем другое. Как закричит царь: «Бунт!.. Самоуправство!..» Да вместо разбора слезной просьбы народа приказал особую следственную комиссию нарядить, подстрекателей-бунтовщиков сыскать и наказать примерно, другим на вечную острастку...

— Батюшки, что тут поднялось! — восклицал Нефедыч. — Хватали всех без разбора, и правого, и виноватого... четверых рабочих, которые с хлебом-солью да с прошением шли, комиссия приговорила сквозь строй прогнать... Забили их, сердечных, солдатскими палками до смерти... Немало рабочих в дальние сибирские города в солдаты отдали... Вот тебе и царская правда!..

Однажды, взяв с друзей клятву о молчании, Нефедыч дал юношам популярную в то время нелегальную брошюру «Хитрая механика». Притворив поплотнее дверь мастерской, Нефедыч вполголоса рассказывал подросткам, как боролись народовольцы с царем, как удалось им убить Александра II.

В. Г. Сущинский вспоминал, что из рассказов Нефедыча они черпали первые сведения о жизни крестьян и рабочих, о классовой борьбе.

Коля беседовал и с другими рабочими об их полуголодной жизни, о притеснениях помещиками их родных в деревнях.

Эти яркие, живые картины жизни трудящихся были для Коли первыми «впечатлениями бытия».

Жадно приглядываясь к окружающему его рабочему, ремесленному люду, Коля думал о причинах, доводивших этих трудолюбивых людей до ужасающей нищеты и бесправия...

* * *

Молодежь того времени читала о героической борьбе гладиаторов, восставших в древнем Риме против своих вековых поработителей, о французской революции 1789—1793 годов.

Впоследствии, будучи уже зрелым, сложившимся революционером, агентом ленинской «Искры», Николай Эрнестович в беседах с товарищами по подпольной работе не раз вспоминал, какое огромное впе-

чатление произвел на него роман о восстании Спартака, книга, которой увлекались многие поколения:

— Помнится, я не мог спать несколько ночей... Прочитал я книжку залпом, чуть ли не в один вечер... а вот думать о прочитанном, так живо представляя себе условия борьбы рабов за свою жизнь, пришлось долго-долго... Книга эта на всю юность сделалась моим верным другом.

Эти суровые, правдивые книги формировали сознание будущего агитатора и пропагандиста марксизма.

Николай Бауман вновь и вновь перечитывал Некрасова, Златовратского, Засодимского, доставал брошюрки народнического направления о положении крестьянства, жадно ища правды, или, как он говорил, «разыскивая, как Диоген с фонарем, хоть один-единственный огонек в потемках окружающей нас действительности».

По отзывам и воспоминаниям своих сверстников, он уже в то время был хорошо знаком с жизнью рабочих Алафузовского и Крестовниковского заводов и многочисленных лесопилок, с жизнью простых матросов, плотогонов и рыбаков. Долгие часы общения с рыбаками на тонях, ночевки у костра на берегу Волги не прошли бесследно: уже в тринадцать-четырнадцать лет Николай ясно представлял себе, в каких условиях живут рабочие. Большинство из них получали от подрядчика-лесосплавщика семь-восемь рублей в месяц жалованья. На эти деньги кормилась семья из пяти-шести человек.

Он видел, как живут гимназисты, дети мелких ремесленников и разночинцев, в «кое-как прикрытой, искусно заштопанной бедности». Об этой «заштопанной бедности» тружеников и выставленной напоказ роскоши казанских капиталистов-заводовладельцев и крупных помещиков не раз говорили молодые друзья — Бауман и Сущинский, запершись в маленькой комнатке или уединившись на чердаке, под предлогом подготовки к экзаменам.

На формирование характера Николая большое влияние оказали студенческие волнения в Казанском университете и ветеринарном институте в 1887 году.

Он следил за глухими сообщениями местных газет об аресте более ста студентов, интересовался их дальнейшей судьбой. Незадолго до этого были казнены пять народовольцев, покушавшихся на Александра III 1 марта 1887 года (Александр Ильич Ульянов и его товарищи). Это трагическое событие оставило неизгладимый след в душе подростка. Сверстники Николая вспоминают, как он взволнованно воспринимал все попытки сопротивления существующему строю. Он буквально ловил каждое слово, выискивал и перечитывал каждую строчку о студенческой демонстрации 4 декабря 1887 года, о репрессиях напуганного правительства.

«Поиски правды», как впоследствии метко определил свое душевное состояние в эти годы сам Николай Эрнестович, содействовали развитию в его характере самостоятельности и твердости. Мальчик не любил над собой опеки родителей, которые мечтали об обеспеченной дороге для него в будущем.

Когда Николай учился в третьем-четвертом классе гимназии, все ощутимее становились разногласия между ним и его родителями. Отец и мать корили сына за его «вольное» поведение в гимназии, за привязанность к таким же, как и он, «своевольным» одноклассникам. Коля сильно любил родителей, пытался искренне объяснить им свои поступки, свои еще не совсем оформившиеся мысли. Но общего языка с родителями юноша не нашел...

В шестом классе гимназии кружок гимназистов, группировавшихся вокруг Николая, решил издавать рукописный журнал.

— Давайте, друзья, попытаем свои силы, — предложил Николай своим одноклассникам, интересовавшимся литературой.

Он наметил план первого номера журнала и предложил название его — «Юные всходы». Наряду с литературным и критическим отделами в журнале намечались отделы исторический, естественный и раздел «Наша жизнь», в котором должны были помещаться сатирические стихотворения, рисунки и карикатуры на темы из гимназической жизни.

— Пусть каждый из нас даст в этот раздел только по одному, по два обыденных факта нашей ученической жизни, и раздел этот станет самым интересным в журнале, — говорил Николай друзьям, обсуждая с ними содержание «Юных всходов».

Журнал получился небольшой. Но с какой любовью относились гимназисты к нему!

В первом номере «Юных всходов» досталось и директору гимназии, и классным надзирателям, делавшим обыски на квартирах учеников, и учителям, заставлявшим гимназистов зубрить до изнеможения. Несколько остроумных, злых карикатур украшали первый номер журнала. Классный наставник пришел в ужас, услышав о содержании статей и о карикатурах в «Юных всходах». Директор приказал во что бы то ни стало разыскать и «доставить ему на стол» зловредный журнал гимназистов. Но это нелегко было сделать: ученики, все как один, отговаривались полным неведением и утверждали, что никакого журнала в их классе не существует.

Много горячих споров возникало в редакции журнала по поводу предлагаемых статей. Часто в этих спорах затрагивались не только узколитературные темы. Вскоре классному наставнику и директору гимназии стало известно, что Бауман и Сущинский беседуют с товарищами о народовольцах, о положении крестьянства... Директор несколько раз вызывал к себе «для соответствующего внушения» Эрнеста Андреевича, грозил исключить из гимназии его «непокорного» сына, если Николай не перестанет «тлетворно влиять на товарищей». Угроза исключения из гимназии нависла и над Сущинским.

Эрнеста Андреевича директорские внушения очень расстраивали. Он увещевал и всячески убеждал сына прекратить знакомство с «опасными людьми», запретил ему бывать у Сущинского. Еще больше расстроился он, когда узнал, что Коля вместе с Сущинским вели «крамольные» разговоры и в мастерской с подмастерьями. Старик категорически потребовал от сына прекращения этих бесед.

Тогда Бауман и Сущинский решили без согласия

родителей уйти из гимназии. Они подали заявление о приеме в ветеринарный институт, пользуясь тем, что для поступления в это учебное заведение не требовалось окончания полного курса гимназии.

— Единственно верный, честный путь в жизни — это приобрести профессию, наиболее полезную народу, — с увлечением говорил Коля. — Народу нужны врачи; облегчать страдания людей — благородно и увлекательно. Но для поступления на медицинский факультет необходимо закончить полный курс гимназии... Можно уехать в другой город и поступить в земледельческую академию: агрономы также нужны крестьянству. Ветеринарный врач тоже приносит немалую пользу. Испробуем этот путь, — решил Коля.

Родители Коли пытались «образумить» сына. Но он ушел из родительского дома. Поселившись вместе с Сущинским на окраине города, Коля стал жить уроками и случайными заработками. Осенью 1891 года их зачислили в ветеринарный институт.

Друзья вышли на новую дорогу...

III. В ПОДПОЛЬНЫХ КРУЖКАХ КАЗАНИ

В восьмидесятых и девяностых годах прошлого столетия Казань была одним из центров революционного подпольного движения.

Здесь начал свою деятельность великий вождь российского пролетариата Владимир Ильич Ленин. В 1888—1889 годах в Казани работал в первых подпольных кружках Николай Евграфович Федосеев, пионер революционного марксизма в России.

Казань была крупным городом, с достаточно развитой по тому времени промышленностью. В официальных материалах начала девяностых годов XIX века отмечается, что в Казани «фабрично-заводская и торговая промышленность весьма развита благодаря географическому положению города, значительному числу промышленного татарского населения и дешевизне рабочих рук, вследствие невозможности для местных крестьян обеспечить себя одними сельскохозяйственными занятиями».

Сюда приходили толпы татар, мордвы, чувашей, искавших хоть какого-нибудь заработка в большом городе. Партии рабочих поступали на беляны и баржи, «сплывали на Низ»: так в Казани называли города Нижнего Поволжья — Царицын и Астрахань. Многие шли работать на большой льнопрядильный завод Алафузова или на стеарино-мыловаренный завод Крестовникова. Из года в год росли заводы и фабрики, расширялись существующие предприятия, открывались

Памятник Н. Э. Бауману в Москве на площади имени Баумана.

Н. Е. Федосеев.

новые цехи, капиталисты нанимали все больше и больше рабочих. В 1893 году в Казани было свыше шести тысяч квалифицированных рабочих.

Условия работы на казанских заводах и фабриках были крайне тяжелыми. Работали не меньше двенадцати-тринадцати часов. На многих предприятиях рабочий день длился четырнадцать, пятнадцать и даже шестнадцать часов. Часто хозяин приказывал работать еще сверхурочно полтора-два часа, так что рабочему оставалось на еду и на отдых всего лишь восемь, а иногда и шесть часов в сутки.

Тяжелым бременем на плечи рабочих ложились штрафы, пожиравшие почти половину их заработка.

Рабочего, неодобрительно отзывавшегося о действиях администрации, заводское начальство брало на заметку и при первом удобном случае увольняло или переводило на хуже оплачиваемую работу.

До нас дошли воспоминания одного старого казанского рабочего. Они рисуют безотрадную картину жизни трудового люда, работавшего в сернокислотных заведениях.

«Вставали в четыре часа утра и сразу же шли на работу. В семь часов завтракали (хлеб с квасом), в двенадцать часов обедали. Кончали работу в восемь часов вечера. После такой работы не оставалось никаких сил. В глазах зеленело, руки висели, как подвешенные палки, ноги тяжелели. Придя в казарму, многие, не поевши, даже не раздеваясь, валились на голые нары и засыпали как убитые» [1].

В Казани было много ремесленников, условия их труда были не лучше, чем на крупных заводах и фабриках.

Для работы революционно настроенной молодежи казанского университета, ветеринарного института и других учебных заведений была благодарная почва. Бауман и его молодые друзья тесно общались с трудовым населением, с рабочими больших заводов и фабрик.

---

[1] А. М. Валеев. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952, стр. 10.

* * *

В конце восьмидесятых годов казанские студенты были возмущены новым университетским уставом, который получил название драконовского. По этому уставу к занятию профессорской кафедры допускались лишь лица, «особо себя зарекомендовавшие в религиозно-нравственном отношении». Такой же надзор устанавливался и над всеми желающими поступить в высшие учебные заведения. По распоряжению министра просвещения директора гимназий и реальных училищ должны были представлять попечителям учебных округов особые ведомости на всех оканчивающих средние учебные заведения. В этих ведомостях подробно сообщалось «об образе мыслей и направлении кончающих среднюю школу молодых людей, об их склонностях, условиях материального быта и общественной среды, к коей принадлежат родители».

Естественно, что подобного рода режим вызвал резкий отпор студентов.

В волнениях казанских студентов деятельно участвовал Владимир Ильич Ульянов. Он подготавливал коллективный протест против реакционных распоряжений администрации на основании нового университетского устава.

4 декабря 1887 года в ветеринарном институте была намечена защита диссертации; директор «из предосторожности» не разрешил присутствовать на защите студентам. Студенты все же проникли на заседание совета института и заявили директору резкий протест против ограничения прав студенчества. Они потребовали, чтобы директор принял и обсудил на совете «студенческую петицию».

Испуганный директор прервал заседание совета и отправился к попечителю учебного округа, а затем — в полицию, за помощью. А в это время большая толпа студентов ветеринарного института двинулась к университету, где в этот день была организована демонстрация протеста.

Студенты потребовали университетской автономии, отмены реакционных параграфов «драконовского

устава», учреждения студенческой кассы взаимопомощи и т. п.

После этой демонстрации из университета было исключено сорок пять студентов, из ветеринарного института — двадцать два. Многие были арестованы. Студент К. Алексеев, который во время бурных прений на сходке дал пощечину ненавистному всем инспектору университета, известному мракобесу и реакционеру, по приказу министра просвещения Делянова был отдан на три года в дисциплинарный батальон. В ночь с 4 на 5 декабря был арестован и В. И. Ленин.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена, — сказал Ленину пристав, сопровождавший его в тюрьму.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится, — ответил Ленин.

Один из студентов, арестованный вместе с В. И. Лениным, вспоминал об этом первом заключении Владимира Ильича:

«В ночь с 4 на 5 декабря арестовано было более ста казанских студентов (из восьмисот), среди них, конечно, и студент Ульянов — за участие в сходке. Сначала некоторых из нас рассадили по одиночкам, затем, перед сортировкой и высылкой, — в общую камеру пересыльной тюрьмы, именовавшуюся тогда «крепостью»... здесь же вместе с нами оказался и Владимир Ильич» [1]. Студенты спрашивали друг друга, кто что думает делать после высылки из Казани. «Спросили Владимира Ильича: — «Ну, а ты, Ульянов, что думаешь делать потом?» Он после некоторой паузы, как бы очнувшись от задумчивости, слегка улыбнувшись, сказал, что перед ним одна дорога — дорога революционной борьбы» [2].

В. И. Ленин принимал участие в одном из марксистских кружков, организованных Федосеевым.

Владимир Ильич высоко ценил марксистско-пропагандистскую работу Федосеева. В статье «Не-

---

[1] Б. Волин. В. И. Ленин в революционном движении студентов в Казани (1887 г.). «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 28.

[2] Там же.

сколько слов о Н. Е. Федосееве», написанной в 1922 году, Ленин отмечает, что «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском Богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым» [1].

Ленин пытался встретиться с Федосеевым во Владимире, куда он приехал с надеждой, что Н. Е. Федосееву удастся выйти из тюрьмы. В заключение Ленин пишет:

«Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» [2].

Ленин придавал большое значение первым росткам марксизма в России, деятельности кружков:

«В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России» [3].

Один из таких кружков собирался на квартире Федосеева. В декабре 1887 года Н. Е. Федосеев за «вредное направление мыслей и чтение недозволенных книг» был исключен из гимназии.

Восемнадцатилетний юноша (Федосеев родился 27 апреля 1869 года в городе Нолинске) жадно стре-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414.
[2] Там же, стр. 415.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 89.

мился решить проклятые, запутанные вопросы жизни.

«Наступил период страшного душевного кризиса, — писал об этих годах сам Н. Е. Федосеев в письме к товарищу, — когда надо было во что бы то ни стало выработать взгляды, а выработка эта не давалась. Читал я тогда много и жадно. Успенского читать не мог: и без того тяжело, а он те же раны растравляет, углубляет те же вопросы и, выставив их во всей логической ясности, так и оставляет нерешенными... я мучился душевным недугом — выработкой взглядов (ох, как это трудно достается, — выработка убеждений, без разумной педагогики, при противодействии всего окружающего!..)».

Спасеньем оказался кружок: здесь в тесном общении с друзьями Н. Е. Федосеев выработал свое мировоззрение. Прежде всего члены кружка решили определить свое отношение к программам существовавших партий, в особенности к народовольцам.

Так как Н. Е. Федосеев был самым теоретически образованным членом кружка, то выработку основных программных положений поручили ему. Было решено заняться сбором средств для помощи ссыльным и приступить к издательской деятельности. Для издания отредактировали брошюру «Политическая Россия» и подготовили конспект первого тома «Капитала» К. Маркса.

В кружке изучали «русскую действительность», рабочий вопрос, политическую экономию, читали Лассаля, серьезно штудировали «Капитал» К. Маркса. Недостаток марксистской литературы на русском языке заставил членов кружка взяться за перевод с немецкого сочинений Маркса, Энгельса, Каутского. Федосееву и его товарищам по кружку удалось напечатать на гектографе переведенную ими на русский язык работу Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

Студент университета Санин, хорошо знавший немецкий язык, перевел книгу Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», намереваясь взяться затем за перевод «Нищеты философии» К. Маркса и «Про-

исхождения семьи, частной собственности и государства». Ф. Энгельса.

Члены федосеевского кружка работали также над переводами на русский язык важнейших сочинений французских социалистов.

Для того чтобы собрать денежные средства, необходимые кружкам, и помочь ссыльным, было устроено несколько платных студенческих вечеров. Вскоре кружок напечатал на гектографе шестнадцать экземпляров брошюры «Политическая Россия».

С Н. Е. Федосеевым был знаком и М. Горький. В 1887 году они оба присутствовали на подпольном собрании, где народники яростно нападали на «еретиков-марксистов». «Правоверные», как иронически называли тогда народников, возводили самые фантастические обвинения на марксистов, и в частности на автора брошюры «Наши разногласия» Плеханова.

Собрание происходило в августе 1887 года, за городом. «В кромешной тьме чувствуется присутствие многих людей, слышен шорох одежд и ног, тихий кашель, шопот...

Юноша, наклонясь с подоконника, спрашивает меня:

— Вы — Пешков, булочник? Я — Федосеев. Нам надо бы познакомиться...

О Федосееве я уже слышал как об организаторе очень серьезного кружка молодежи, и мне понравилось его бледное, нервное лицо с глубокими глазами» [1].

На обратном пути Федосеев и Горький долго беседовали. Но вскоре Горький уехал из Казани, и ему не удалось принять непосредственное участие в работе федосеевского кружка [2].

«В 1888—89 годах в Казани существовало уже несколько кружков... при центральном кружке имелась

---

[1] М. Горький. Соч., т. 13, стр. 565, 566. М., 1951.

[2] Н. Е. Федосеев в скором времени был арестован и много лет находился в тюрьмах и ссылке. 6 октября 1896 года он был сослан на пять лет в Верхоленск Иркутской губернии под гласный надзор полиции и в 1898 году застрелился, будучи не в силах вынести тяжелые условия ссылки.

библиотека нелегальных и неразрешенных книг, а с весны (1889 года. — *М. Н.*) стала налаживаться техника для воспроизведения местных изданий и для перепечатки редких нелегальных», — пишет в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова.

* * *

В начале девяностых годов в Казани возникли новые социал-демократические кружки. В них работали молодые революционеры, впоследствии ставшие членами партии большевиков (А. М. Стопани и др.). Таким образом, Н. Э. Бауман и В. Г. Сущинский на первых порах своей студенческой жизни оказались в окружении революционно настроенной молодежи. Их славные предшественники уже положили начало марксистской пропаганде среди казанских рабочих. Это был нелегкий труд. В Казани работало на мелких заводах и фабриках, на лесосплаве, лесопилках много крестьян, пришедших из глухих деревень, где жило немало татар, мордвы, удмуртов, чувашей, особенно притесняемых царским правительством.

Пропагандистам подпольных рабочих кружков приходилось вести углубленную разъяснительную работу, доходчиво и ярко вскрывая на простых, жизненных примерах и хитрую механику экономического закабаления крестьян и чудовищную эксплуатацию рабочих фабрикантами и промышленниками. Лучшей наградой для первых пропагандистов марксизма было видеть, как у членов подпольных рабочих кружков формируется новое сознание, меняется отношение к жизни.

Учась на первом курсе, Бауман завязал тесные связи с рабочими Алафузовского и Крестовниковского заводов. Зимними вечерами, лишь только закончатся занятия в ветеринарном институте, молодой пропагандист уходил к своим новым знакомым в отдаленные слободки.

В то время Казань была окружена кольцом рабочих слободок, расположенных далеко за городской чертой. Так, например, Алафузовский завод был в Ягодной слободе, в трех верстах от города, Порохо-

вая слобода и пороховой завод — в четырех верстах от города и только завод Крестовникова был ближе, в слободе Плетени. Вокруг него к северу и западу расположились Старо-Татарская и Ново-Татарская слободы, а к востоку, за озером Ближний Кабан, — Суконная слобода. Рабочий и ремесленный люд жил на южных и западных окраинах города.

Пропагандисты затрачивали немало времени и сил на ходьбу в окрестные рабочие слободки для установления связей с рабочими, организации и ведения занятий в подпольных кружках. Трудность заключалась еще в том, что всякий новый человек в слободках привлекал внимание местного полицейского надзирателя и сыщиков. Пропагандисты соблюдали большую осторожность, чтобы не попасть на глаза полицейским. Но один из первых организаторов марксистских рабочих кружков в Казани, А. М. Стопани, друг и соратник Н. Э. Баумана, мог вести работу более свободно: он жил у отца, в Пороховой слободе. Его квартира сделалась своего рода штабом для приходивших и приезжавших из города социал-демократов.

Бауману же приходилось итти на занятия рабочих кружков за несколько верст. Но его не страшили ни слежка полиции, ни большие расстояния. До позднего вечера беседовал он с рабочими, читал им нелегальную литературу, обсуждал положение на их фабриках и заводах.

Так шли занятия зимой. А летом, во время каникул, возможность встречи с рабочими облегчалась значительно.

По воспоминаниям В. Сущинского, по праздникам Бауман отправлялся с рабочими на прогулку на Зилантову гору или на рыбалку к устью Казанки и горячо и убежденно объяснял рабочим, как им нужно бороться с хозяевами, излагал основные принципы марксизма.

«Евграфыч» (так частенько называли рабочие Баумана), — рассказывал другой соратник Баумана, — часто любил повторять:

На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

и нередко спорил целыми часами с местными «столпами» народничества, которых, конечно, и в Казани было немало; Бауман требовал четкого ответа: что надо делать революционеру в рабочей среде, чтобы не ограничиваться только словами, а действовать, организовывать эту массу рабочего люда для открытой борьбы за свои политические права...»

Поводов к столкновениям и яростным спорам с местными «теоретиками народничества» у горячей, ищущей молодежи было в то время немало. В особенности интересовали молодежь вопросы о сельской общине, об объединении рабочих, о проникновении капитализма в промышленность и в сельское хозяйство.

В народнических кружках толковали о «непреоборимости святой русской общины капитализмом», о «спасительной силе общинных порядков» и т. п., но эти народнические «истины» не могли удовлетворить чутко прислушивающуюся к реальной жизни молодежь. И Бауман, хорошо знавший еще с детства жизнь ремесленного и рабочего люда, все глубже и яснее видел беспомощность убеждений народников.

«Хождение в народ» не дало и не могло дать серьезных результатов. Народники не представляли себе истинного положения крестьянства, не понимали, что в условиях развивающегося капитализма крестьянство расслаивается.

Переход народников к методам индивидуального террора против царя и членов правительства окончательно завел их в тупик. Народнические иллюзии потерпели полное крушение.

Бауман все более ясно видел, что народнические взгляды не могут помочь ему в революционной борьбе. Отсюда его страстные поиски новых идеалов, нового пути для живой, практической работы.

А. М. Стопани вспоминает:

«Мы, молодняк, были предоставлены только самим себе; пожалуй, что для той стадии казанского революционного движения было даже и к лучшему, ибо революционное самоопределение пошло у нас куда скорее, не будучи размагничиваемо этими уже вполне

сложившимися и чуравшимися всего здорового, революционного «героями нашего времени». Мы с тов. Бауманом, два желторотых студента (он — ветеринарного института, я — университета), переживали мучительно отсутствие ответа на стоящие перед нами «проклятые вопросы»; помнится, прежде всего, что́ считать первоосновой: политику, и в частности террор, или путь экономической борьбы?.. Как относиться к капитализму и общине (кажется, в то время появилась известная книга на эту тему Николая — она [1]).

Мы решили потребовать категорически ясного ответа на все эти вопросы от наших казанских лидеров... Обходили их, приставая, как с ножом к горлу. Живо помню, насколько неистовствовал в требовании ответа обычно спокойный и уравновешенный тов. Бауман... Да и стоило неистовствовать, ибо, кроме полнейшего разочарования, ничего наши быстростремительные набеги на наших орадикалившихся лидеров нам не дали. Настроение у нас было настолько мучительно беспокойное, потребность в установлении пути развития революции настолько сильна, что если бы не марксизм, начало которого вскоре стало пускать в Казани крепкие корни, вероятно, кончили бы мы оба плохо...» [2]

Не сразу освободился молодой Бауман от влияния народничества. Формированию его мировоззрения в начале девяностых годов помогла марксистская литература по истории политической экономии и общей истории. Литературу «на специальные темы» (так называл Бауман нелегальную и полулегальную литературу) привозили из Петербурга и Москвы студенты, приезжавшие в Казань на каникулы.

Весной 1891 года на все лето в Казань приехал брат Владимира Сущинского — Михаил Сущинский, студент Петербургской военно-медицинской академии.

У М. Сущинского уже был опыт по созданию под-

---

[1] Николай — он, Ник — он или Н — он — псевдоним Н. Ф. Даниельсона — одного из идеологов либерального народничества восьмидесятых-девяностых годов XIX века.

[2] А. М. Степани. На заре социал-демократии в Казани. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 583.

польных революционных кружков в Петербурге[1], хотя кружки эти были еще народнического направления.

Бауман взялся распространить привезенную Михаилом Сущинским подпольную литературу по своим кружкам. Сам он усердно читал работы Лассаля, изучал положение рабочего класса в Германии, Франции, Англии.

Осенью Михаил Сущинский вернулся в Петербург и поддерживал с братом и Бауманом оживленную переписку. Он подсказывал им «круг чтения», держал по возможности в курсе событий студенческой столичной жизни. Но в конце зимы 1891/92 года его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Это был большой удар для молодых казанских студентов. Они уже и на собственном опыте убедились в том, как жестоко преследует царское правительство всех, кто встает на защиту угнетенного народа.

Однако арест Михаила Сущинского не ослабил стойкости и упорства молодого революционера.

Товарищи Баумана по ветеринарному институту говорят о нем, как об энергичном, волевом человеке, организаторе решительных студенческих выступлений.

Заслуженный деятель науки профессор Д. М. Автократов вспоминал о том, как Бауман предложил ему выступить с речью на похоронах студента Аполлонова, умершего от туберкулеза. Этот студент до поступления в институт долго работал народным учителем и за свою деятельность получил от крестьян в знак благодарности серебряные часы. Бауман и его друзья решили превратить похороны Аполлонова в демонстрацию, — они хотели публично выразить симпатии и уважение учащейся молодежи к «памяти скромного труженика на ниве народного просвещения». Директор института Ланге, узнав о готовившихся речах, категорически запретил произносить их на кладбище. И все же, несмотря на запрещение, Бауман организовал ряд выступлений: кроме Д. М. Автократова, короткие, но сильные речи произнесли еще три студента. Демонстра-

---

[1] М. Сущинский в начале девятисотых годов перешел к анархистам.

ция на похоронах народного учителя получилась внушительной.

Д. М. Автократов всегда подчеркивал [1], что «с первых же слов разговора с Николаем Эрнестовичем собеседника охватывало чувство доверия и уважения, хотя Бауману в то время было всего двадцать лет».

По инициативе Баумана был изгнан из студенческой среды недобросовестный студент, обманувший профессора химии, читавшего лекции в ветеринарном институте. Профессор предложил студентам тему на золотую медаль. По ходу работы надо было проделать немало лабораторных анализов. Но студент, директорский любимец, с удивительным проворством подогнал цифры к заранее намеченным выводам и быстро закончил работу, не обременяя себя длительными исследованиями. Подлог вскрылся, и студенты, по предложению Баумана, потребовали исключения из института недобросовестного претендента на золотую медаль. Любимец директора с апломбом заявил было, что «по правилам для студентов он является отдельной единицей и не обязан давать объяснения целому курсу». В ответ на это студенты объявили, что «курс считает себя в целом коллективной единицей и не желает иметь никакого дела с отдельной единицей».

Несмотря на все попытки директора выгородить своего ставленника, Бауман и его товарищи добились того, что «отдельная единица» подала прошение об уходе из института «по собственному желанию».

Эта общественная деятельность в стенах института была, конечно, далеко не главной целью жизни молодого студента. Главное было рядом, в рабочих слободках.

Бауман был стойким и убежденным пропагандистом. Формы и методы его деятельности были разнообразны. Он умел воспользоваться и воскресной поездкой группы рабочих на Волгу или на окрестные озера, и сборищем рабочих в трактире или харчевне где-нибудь на окраине города, в Адмиралтейской или Суконной слободке. Здесь же, в Адмиралтейской слободке,

---

[1] В беседах с автором.

на небольшом острове близ Зилантова монастыря, была проведена первая в жизни Баумана маевка.

Чтобы не привлекать внимания посторонних к сборищу на острове, участники маевки расселись небольшими компаниями, как и полагается хорошим друзьям, приехавшим провести весенний денек на лоне природы.

Но повсюду: и в центре острова, на небольшой поляне, и в кустах по берегам — раздавались речи о значении первомайского праздника, о необходимости объединения рабочих. Кое-где запели революционные песни, а над одной из групп демонстрантов появился небольшой плакат: «Долой самодержавие!»

Не раз, вспоминая эту маевку, Бауман говорил: «Впечатление от этого первого рабочего праздника осталось у меня на всю жизнь».

Хорошим предлогом для бесед с рабочими-кружковцами были поездки на воскресные рыбалки. В лодках иногда помещалось до сорока-пятидесяти рабочих; вместо рыбы под корзинками с немудреной закуской лежали пачки брошюр.

Бауман с увлечением играл в городки (рюхи) с рабочими парнями, вызывая своими меткими и сильными ударами одобрение и более пожилых любителей этой старинной русской игры. Николай Эрнестович мог одним ударом выбить «навынос» самую сложную фигуру игры, вроде «лягушки» или «железной дороги», умел тремя битками «распечатать» навынос «письмо», то-есть сбить пять рюх, расставленных по кону. Очень любил Бауман и национальные празднества татарской молодежи. В особенности ему нравился сабан — весенний праздник, на котором молодежь состязалась в силе, смелости и выносливости.

Молодые кружковцы и их руководитель нередко упражнялись на Зилантовой горе или за Волгой в борьбе и беге. Бауман выходил победителем, беря если не силой, то ловкостью и сноровкой. Победа в любом деле, даже в борьбе, была для него целью, которой он стремился достичь во что бы то ни стало.

— Ничего не могу делать наполовину!.. — говорил, тяжело дыша и отирая пот с лица, веселый и ожив-

ленный Бауман. — Такова уж у меня душа с детства: задумано — сделано, как ни трудно!..

Неистощимая энергия и физическая ловкость не раз впоследствии, в годы суровых революционных испытаний, выручали Баумана.

Товарищи Николая Эрнестовича по подпольной работе вспоминают, что его любимой поговоркой было:

— Желать — значит сделать!

Во всем: и в спорах с товарищами, и в подпольной работе, и в уменье быстро и хорошо законспектировать запрещенную книгу — сказывалась большая выдержка и целеустремленность.

Бауман жил в маленькой комнатке — мезонине. К нему часто приходили и засиживались до поздней ночи В. Г. Сущинский, Д. М. Автократов, Н. Н. Богданов. Готовясь к трудному экзамену по анатомии или гистологии, студенты нередко прерывали занятия, увлеченные каким-нибудь метким сравнением или остроумным замечанием Баумана.

Его товарищи уверяли, что он умел «освещением одного лишь факта, одного события показать широкую российскую действительность». Спорил Николай Эрнестович умело и доказательно: чувствовалось, что за каждым его утверждением стоит сама жизнь, личные наблюдения, накопленный жизненный опыт. «Природным организатором» нередко называли Баумана его друзья и товарищи.

* * *

Современники Баумана вспоминают, что весной 1893 года Николай Эрнестович регулярно два-три раза в месяц, а иногда и чаще, проводил занятия в кружке татарской рабочей молодежи у озера Нижний Кабан. Другой кружок, в который входили ремесленники кожевенных и обувных кустарных мастерских, был создан Бауманом в северо-восточной части города, неподалеку от Сибирского тракта.

А. М. Стопани в своих воспоминаниях отметил, что в 1893—1894 годах казанские марксисты довольно резко делились на «пассивных» (сторонников организации рабочих кружков исключительно в целях самообразо-

вания) и «активных», ставивших главной задачей кружковой деятельности политическую пропаганду. Бауман и Стопани принадлежали к числу самых решительных «активных».

По воспоминаниям Стопани, «стройной системы пропаганды тогда еще не было. Первое время рабочих старались развить в общеобразовательном отношении, читали им лекции по русской истории, географии, астрономии, естественной истории и т. д.». Большое внимание уделялось художественной литературе, подобранной, как тогда говорили, «с направлением»: читали Эркмана-Шатриана «Историю одного крестьянина», Беллами «Через сто лет», Шпильгагена «Один в поле не воин», Золя «Углекопы». Пользовался успехом роман одного из сподвижников Лассаля, Швейцера, «Эмма».

Пропагандисты читали популярные брошюры или книги (вроде «Семеро с ложкой, один с сошкой») о положении крестьян, о притеснении рабочих на фабриках. Руководитель кружка вызывал слушателей на беседу об условиях работы на их заводе или в мастерской. Так протягивалась крепкая нить от повести об «общей доле» крестьян и рабочих к конкретным случаям, происшедшим на казанских заводах. Преследование мастером молодой неопытной девушки-работницы, пришедшей за сотню верст в город на заработки; беспощадные штрафы за малейшую оплошность и даже просто по подозрению в строптивости; неправильные расчеты купца-лесосплавщика с бурлаками и грузчиками — все эти случаи из рабочей жизни горячо обсуждались в кружках. Особенно оживленно проходили занятия в кружке рабочих Алафузовского завода, организованном в 1893 году Стопани и Бауманом. На заводе Алафузова жестоко эксплуатировался детский труд: восьмилетние дети работали наравне со взрослыми по двенадцать-тринадцать часов в день, но получали за свой каторжный труд всего-навсего... восемь копеек в день. Грубо и нагло обращались мастера и администрация с девушками и женщинами. Все это Николай Эрнестович обсуждал на занятиях кружка. Кружковцы чаще всего собирались в субботу вечером

или утром в воскресенье. Они заранее, еще до начала занятий, уговаривались со своим руководителем о часе и дне следующего собрания кружка и об условном знаке, который будет выставлен в окне или нарисован углем или мелом на стене какого-либо сарая неподалеку от места сбора в подтверждение того, что все благополучно. Пожилые рабочие также приходили на занятия кружка и принимали участие в обсуждении заводской жизни, с интересом слушали рассказ молодого руководителя кружка о том, что на белом свете делается.

На одном из занятий Бауман рассказал кружковцам о решении правительства и местных земских властей оказать помощь голодающим путем организации «трудовой поддержки», так как в начале девяностых годов в Казанской и ряде других губерний были сильные неурожаи. Трудовая поддержка должна была выразиться в постройке дороги от пристани к центру города и в устройстве новых причалов на пристани. Он разъяснил своим слушателям, что эта дорога нужна тем, чьи товары будут доставляться в город с пристаней, а не голодающим крестьянам, и показал, как ничтожно мала кучка фабрикантов и заводчиков, которым принадлежит промышленность. Он расспрашивал кружковцев, давно ли они получали весточку от своих оставшихся в деревне родных и как сейчас живется в деревне, как они рассчитывают провести сев, хватит ли семян и денег на плату помещику за арендованную землю и т. п.

Рабочие доставали из-за пазухи письма родных, подробно и обстоятельно рассказывали о тяжелой деревенской жизни.

Затем Бауман обращался к вопросу об условиях труда на фабриках и заводах. Молодой пропагандист показывал слушателям, как различны и тонки порой способы эксплуатации рабочих капиталистами. Все острее и ярче перед слушателями вставал вопрос: почему так получилось, что громадное большинство людей изо дня в день трудится, а плоды их труда присваивают те, кто совсем не работает?

Бауман читал отрывки из популярной брошюры

Дикштейна «Кто чем живет», в которой рассказывалось о тщательно скрываемых фабрикантами и заводчиками способах получения прибавочной стоимости.

— «Рабочие трудятся на себя только половину дня, — читал Бауман, — а другую половину — на фабриканта. Полжизни рабочие работают для себя, для своей семьи, для своих, а другая половина жизни идет на то, чтобы фабрикант мог иметь доход от своей хлопчатой бумаги, чтобы он мог получить прибавочную стоимость...»

Молодой пропагандист разъяснял кружковцам, что рабочая сила — товар особого рода, покупая который фабрикант получает прибавочную стоимость, и на конкретных примерах показывал, что прибавочная стоимость является результатом неоплаченного труда рабочего.

— «Как же, могли бы сказать работники фабрики, ты заставляешь нас работать дольше, — читал Бауман, — а ведь всякий из нас уже отработал свою плату; мы ведь уже доложили к хлопчатой бумаге столько стоимости, сколько стоит наша рабочая сила.

— Я вашу рабочую силу купил на целый день, а не на шесть часов и могу пользоваться вашим трудом целый день, — отвечает фабрикант».

Выяснив способы присвоения добавочного труда рабочих, Бауман подводил слушателей к мысли о том, что фабрики и заводы должны принадлежать тем, кто трудится на них.

— Как же, товарищи, сделать так, — спрашивал Николай Эрнестович, — чтобы на труде рабочих не наживались владельцы средств производства, владельцы фабрик и заводов? Давайте прочтем дальше:

«Надо отобрать орудия труда у тех, у которых их слишком много, и отдать их на пользу трудящемуся люду... Пусть фабрики и вся земля принадлежат всем работникам, всем крестьянам, пусть то будет их общая (государственная) собственность. Пусть работают они сообща, но не на фабрикантов, а на себя».

— Верно! До последней точки верно! — одобрительно отзывались кружковцы.

На собраниях кружка читали брошюру «Рабочий день», изданную в Женеве, нелегальные книжки о политических процессах в России восьмидесятых годов, брошюру «Чего хотят социал-демократы» с предисловием и примечаниями Г. В. Плеханова, изданную в 1888 году в Женеве. Изучали «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Проект программы русских социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда». Эти боевые, убедительные работы основоположников марксизма оказывали на рабочих огромное влияние.

Среди кружковцев выделялись рабочие Ефим Панкратьевич Табейкин и Александр Карпович Петров.

По воспоминаниям членов подпольных кружков, Е. П. Табейкин был хорошим организатором, умел хорошо конспирировать занятия рабочих кружков. Хотя он и был малограмотным, но очень любил чтение. Свою жизнь он посвятил партийной работе, которая прерывалась только тюремными заключениями и ссылками. До конца своей жизни (умер он в 1910 году) Табейкин продолжал революционную деятельность. Своих сыновей он воспитал такими же упорными, последовательными революционерами.

Радостно было работать Бауману с такими товарищами, как Табейкин, он видел, что семена марксизма падают на благодатную почву. Слушатели и руководитель занимались с увлечением по нескольку часов подряд.

Большое впечатление на членов кружка производили выступления рабочих в местной печати по поводу тех или иных вопиющих безобразий на казанских заводах и фабриках. Пропагандисты помогали рабочим писать эти заметки и, пользуясь тем, что в редакции «Волжского вестника» были сочувствующие революционному движению сотрудники, добивались помещения этих обличительных заметок в газете.

Так, в 1895 году в «Волжском вестнике» была напечатана заметка рабочего М. Аргакова о возмутительном случае, происшедшем на одном из заводов. На этом заводе обычно всех уходящих домой рабочих обыскивали. В тесной проходной, где скапливались

сотни рабочих, была притиснута к стене и задавлена молодая работница. Заметка вызвала исключительное возмущение среди рабочих. Заводская администрация испугалась и должна была пойти на некоторые уступки.

По воспоминаниям рабочего Петрова, кружковцы переписывали нелегальные листовки, в кружках подготавливались пропагандисты из рабочих. Так, рабочий Галеев вел кружок среди рабочих-мусульман, успешно пропагандируя необходимость стачечной борьбы. Рабочий Тихонов объединил вокруг себя около двух десятков рабочей молодежи, а выделенные кружками Баумана и Стопани пропагандисты вели с ними занятия.

Бауман всегда умел поддержать бодрое настроение у кружковцев. Нередко, если позволяли условия, занятия кружка заканчивались хоровой песней. Хотя Бауман сам признавался, что «в оперу его все равно бы не приняли», он с воодушевлением запевал:

Есть на Во-олге утес... —

и кружковцы подхватывали песню.

Н. Э. Бауман вел пропаганду не только среди рабочих, но и среди учащейся молодежи. Казанское студенчество уже в течение ряда лет проявляло свое недовольство.

Одной из наиболее распространенных форм студенческих выступлений была организация вечеров в университете или ветеринарном институте в пользу голодающих. Посетители этих вечеров знали, что часть сбора поступает в студенческую кассу взаимопомощи и используется не только для материальной помощи бедным студентам, но и для пополнения библиотеки нелегальной литературой, для помощи сосланным студентам и т. п. Поэтому либерально настроенная интеллигенция — адвокаты, учителя, врачи — охотно посещала студенческие вечера. На этих вечерах нередко пели запрещенные песни, декламировали стихи Некрасова и даже тургеневский «Порог». Впрочем, эта попытка всегда вызывала вмешательство «недреманного ока» — полицейского пристава, наблюдавшего за выступавшими артистами и студентами. Публика отве-

чала на это непрошенное вмешательство неистовым шумом, свистом, и полиция требовала закрытия вечера... Нередко вечера оканчивались арестом десятка-двух «нарушавших тишину и порядок» студентов.

Бауман искал новые формы пропаганды. Он организовал кружок, члены которого изучали марксистскую литературу не только на русском языке, но и переводили с немецкого языка привозимые из Петербурга книги по политической экономии. В то время в Казани, как и в других городах России, молодежь, объединенная в подпольные кружки, изучала политическую экономию, экономическую историю России. В спорах и дебатах со сходившим с исторической сцены народничеством молодежь выковывала марксистское теоретическое оружие.

Укреплению Баумана на позициях марксизма послужило следующее событие.

В январе 1894 года в Москве произошел диспут между вожаком либерального народничества писателем-врачом Воронцовым («В. В.») и молодым марксистом В. И. Ульяновым.

Воронцов сделал доклад на одной из нелегальных вечеринок, в котором повторял старые утверждения о невозможности развития капитализма в России, о «святой роли русской общины» и т. д. Владимир Ильич выступил с возражениями и разбил все «теоретические» выводы и положения народничества.

Весть об этом поражении теоретика народников разнеслась по городам центральной России и Поволжья. Бауман и его товарищи узнали об этом от студента, присутствовавшего на диспуте. С огромным интересом расспрашивал Бауман очевидца о подробностях сокрушительного выступления В. И. Ульянова.

Хорошо зная немецкий язык, Бауман переводил привозимые из столицы новинки на русский язык. Николай Эрнестович положил немало труда для того, чтобы раздобыть шапирограф, на котором печатали листовки о положении рабочих на заводах Крестовникова и Алафузова и первые прокламации. Эта «типография» находилась в комнате Николая Эрнестовича. Прокламации, распространенные членами кружка в рабочих

слободках, привлекли внимание властей. В сентябре 1894 года департамент полиции сообщил начальнику казанского губернского жандармского управления о том, что из переписки фельдшерицы Н. Земляницыной можно предположить о «наличии в Казани некоего кружка...». Департамент требовал установить круг знакомых Земляницыной и характер деятельности кружка.

Полковник Марк, начальник казанского жандармского управления, ответил департаменту полиции, что круг знакомых Земляницыной «состоит из состоящих под негласным надзором студентов, уже известных департаменту: Сущинского, Баумана и др.». Жандармский полковник добавлял, что «наблюдениями за Спориусом (фельдшер, ведший переписку с Земляницыной. — *М. Н.*) и его знакомыми добыты данные, на основании коих можно предположить, что все эти лица и составляют означенный кружок... общего между этими знакомыми, кроме антиправительственной деятельности, повидимому, ничего быть не может» [1].

Полиция и жандармерия, державшие на примете наиболее активных студентов университета и ветеринарного института, получили от своих филеров сведения о существовании среди студенческой молодежи «некоего сообщества, имеющего регулярные собрания, недозволенные законом». Вскоре властям сделались известны места собраний и фамилии некоторых участников. Чаще всего сходки происходили в квартире ученицы повивального училища З. Г. Борецкой на Поповой горе или на Соколиной улице, в квартире студента Московского университета Агафонова, прибывшего в конце 1894 года в Казань, как значилось в делах полиции, «по своим делам». Знали они и о нелегальном собрании в Собачьем переулке, где проживали студенты ветеринарного института, «благонадежностью не отличающиеся».

Казанский губернатор донес об этом собрании министру внутренних дел, приложив к своему донесению

---

[1] Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), фонд департамента полиции, особый отдел, дело № 813 — «О розыске лиц по данным политического характера». Фамилия Баумана в деле подчеркнута.

список участвовавших на вечеринке-сходке студентов (тридцать три студента университета и четыре ветеринарного института, среди которых был и Н. Э. Бауман).

Подобного рода вечеринки-собрания революционно настроенных студентов не были редкостью. Официальным предлогом для собраний, на которых иногда присутствовало шестьдесят-восемьдесят и более человек, были по большей части дни рождения, именины и т. п. По предложению Баумана зимой 1894 года было проведено конспиративное собрание студентов под предлогом... помолвки.

Бауману и его друзьям пришлось много хлопотать, чтобы придать собранию вид настоящего предсвадебного торжества.

На этой «помолвке» обсуждались важные вопросы студенческой жизни: требование автономии высшей школы, ослабление университетского драконовского устава.

Пение и танцы перемежались тостами за новую, свободную жизнь, за равноправие и братство.

Об этой многочисленной сходке тоже стало известно властям. Вот что сообщал 2 декабря 1894 года попечитель Казанского учебного округа в секретном отношении директору ветеринарного института: «По полученным мною сведениям, 29 минувшего ноября на Поповой горе, в доме Копылова, в квартире З. Г. Борецкой... была устроена сходка учащихся, на которой присутствовало до восьмидесяти человек. Из числа участников сходки, между прочим, замечены студенты ветеринарного института Николай Эрнестов Бауман и Владимир Гаврилов Сущинский...»

Попечитель сообщил об этом директору института «для сведения и надлежащих мер»; в заключение он просил «о последующем его уведомить».

Директор поспешил вызвать к себе Баумана «на строжайшее внушение». Но студент держался твердо и независимо; в ответе попечителю казанского учебного округа 7 декабря 1894 года директор института вынужден был сообщить: «При дознании выяснилось, что Бауман и Сущинский действительно присут-

ствовали на сказанном сборище, но на предложенные мною вопросы, по чьему приглашению он, Бауман, явился на сборище, по какому поводу состоялось оно и что обсуждалось и были ли там другие студенты института, — на все эти и подобные вопросы Бауман отказался дать определенные ответы».

Несколько ранее, 31 октября 1894 года, начальник казанского губернского жандармского управления в секретном порядке «покорнейше просил» господина директора Казанского ветеринарного института «не отказать, по встретившейся надобности, в препровождении мне фотографических карточек студентов вверенного вам института: Николая Баумана... Владимира Сущинского (следуют еще десять фамилий студентов ветеринарного института и две фамилии учеников ветеринарной фельдшерской школы. — *М. Н.*)... каковые карточки по миновении надобности будут немедленно возвращены».

Конечно, институтское начальство поспешило выслать фотографии Баумана и Сущинского. Таким образом, зимой 1894 года Бауман оказался «в поле зрения» жандармов. Молодой пропагандист подпольных рабочих кружков догадался о грозящей ему опасности по некоторым косвенным признакам: институтокое начальство стало проявлять к нему излишнюю любезность, все чаще стали появляться во дворе дома, где он квартировал, подозрительные люди. На окраинах города, где подпольные кружки собирались, произошли аресты. Арестовали нескольких членов кружка татарской молодежи. Друзья предупредили Баумана, что сыщики пытаются дознаться, кто ведет собрания кружков...

Зимой 1893/94 года Сущинский предложил Бауману съездить вместе с ним на каникулы к его матери. Мать Сущинского жила в селе Ромодан Спасского уезда, в ста двадцати верстах от Казани. Николай Эрнестович с радостью согласился: он никогда не упускал случая «войти в гущу народную». Поехали по-студенчески, на простых розвальнях, заплатив возчику пять рублей. Друзья радовались возможности провести несколько недель среди чудесной зимней природы.

Но вскоре холод заставил легко одетого Баумана бежать вприпрыжку за розвальнями, чтобы хоть немного согреться.

Зато в селе Ромодан студенты провели время с большой пользой: они убедились, что даже в этих отдаленных лесных уголках крестьяне выражают свое недовольство помещиками и что вера в «царя-батюшку» в значительной степени уже разрушена.

Бауман был очень доволен поездкой в Ромодан и длительными беседами с крестьянами. Особенно подружился он с крестьянином Зотом Павловым, у которого прожил все каникулы. Бауман неустанно повторял:

— Зарево революции расширяется!

* * *

На летние каникулы Бауман и Сущинский опять отправились в Ромодан. Решили до пристани Спасский Затон доехать пароходом, а оттуда около шестидесяти пяти верст пройти пешком.

По дороге студенты заходили в селения Куралово, Пичкасы, Бураково, Гурьевку, где они были зимой, и беседовали с крестьянами. Крестьяне встречали их как знакомых, с полным доверием. Путешествие это заняло немало времени, но еще более обогатило студентов знанием деревенской жизни.

Однако вскоре после отъезда сына и его друга к матери Сущинского явился местный исправник. Появление не станового пристава, а самого исправника свидетельствовало о серьезной причине этого визита. Исправник потребовал, чтобы впредь ее сын со своим товарищем избрали себе иное место отдыха, иначе он «прикажет немедленно доставить лошадей и отвезти их в Казань на казенный счет».

Оказывается, начальство узнало о беседах студентов по дороге в Ромодан. Друзьям грозил арест. Можно было ожидать, что директор института, напуганный запросом попечителя учебного округа, предложит Бауману и Сущинскому подать прошение об увольнении из института «по собственному желанию» в то время,

как до окончания курса оставалось всего около полугода. По совету друзей Бауман усилил конспирацию, реже стал появляться в рабочих слободках и начал готовиться к приближающимся выпускным экзаменам.

У Баумана была превосходная память и недюжинные способности. В институте он учился хорошо и весной 1895 года окончил его с отличием. Николай Эрнестович мечтал о широком поле деятельности, которое развернется перед ним, когда он станет сельским ветеринарным врачом. Избегая государственной службы, Бауман подал просьбу о зачислении в саратовское земство. Председатель земской управы согласился до утверждения Баумана начальством назначить молодого ветеринара в одно из сел Саратовской губернии.

Саратовский губернатор, получив просьбу председателя губернской земской управы об утверждении Баумана и Сущинского врачами в ветеринарных пунктах Саратовской губернии, запросил мнение казанского губернатора. Тот, в свою очередь, обратился в казанское жандармское управление, справляясь о политической благонадежности молодых ветеринарных врачей. Дело дошло до департамента полиции, который 21 августа 1895 года ответил казанскому губернатору: «...к определению окончившего курс в Казанском ветеринарном институте Николая Эрнестова Баумана на службу в Саратовское губернское земство препятствий со стороны второго департамента не встречается». Отношение это подписал вице-директор Зволянский, сделав на копии отношения пометку: «Завести дело».

Пока шла эта переписка, Николай Эрнестович готовился выехать к месту своей службы.

IV. ЗНАМЯ НАД ПАШНЕЙ

Перед отъездом в Саратовскую губернию Бауман, пользуясь праздниками, отправился со своими кружковцами на целых два дня на рыбалку...

— Здесь ведь не так далеко, я и из Саратова буду держать с вами связь, — говорил он молодым рабочим при расставании.

Бауман зашел проститься к родным. Все годы ученья в институте он отказывался от помощи родителей.

Но, несмотря на уход из дому и самостоятельное существование, Бауман был в курсе всех домашних дел. Его очень беспокоило здоровье Эрнеста Андреевича, уже тогда чувствовавшего первые признаки сердечной болезни, которая впоследствии свела его в могилу.

На следующий день оба друга на пароходе отправились в Саратов. В Саратове Николай Эрнестович пробыл более недели. У него были адреса, данные ему казанскими социал-демократами; и прежде чем отправиться к месту службы, в село Новые Бурасы, он установил связь с саратовскими революционерами, тяготевшими к марксизму. В Саратове в то время, так же как и в Казани, уже существовали подпольные социал-демократические кружки.

Саратовская губерния привлекала Баумана тем, что в то время там целый ряд уездов был охвачен революционными выступлениями крестьян. То в одном, то в другом, а иногда и в трех-четырех уездах одновремен-

но крестьяне жгли помещичьи усадьбы, рубили леса, избивали управляющих.

Тяжелая экономическая зависимость саратовских крестьян от помещиков осложнялась наступлением на деревенскую бедноту кулачества. Кулаки захватывали у «мира» лучшие луга, снимали за бесценок в долголетнюю аренду мирские просорушки и маслобойки. Эти «знамения времени» живо обсуждались в саратовских революционных кругах. Молодежь, жаждавшая «самоопределиться», переживавшая «кризис мысли», который уже пережили и разрешили для себя Бауман и Сущинский, жадно воспринимала новые, марксистские идеи и методы массовой борьбы.

Между марксистами и народовольцами происходили ожесточенные споры и дискуссии. Представители различных идейных направлений сходились на нелегальных вечеринках и яростно спорили, обсуждая рефераты на самые животрепещущие темы: о роли крестьянства и рабочих в грядущей революции, о наступлении капитала на город и деревню, о допустимости и целесообразности террористических методов в борьбе с царским правительством. В Саратове страстно обсуждались те же вопросы, которые так волновали казанских революционеров.

В воспоминаниях современников рисуется картина безысходной нужды «освобожденных» крестьян центрально-промышленного и центрально-земледельческого района в восьмидесятых годах:

«По утрам дымился жалкий дымок над соломенными крышами, а к весне и дымки становились редки. Нечем было топить и нечего было стряпать; из пятишести изб сносили в одну горшочки с кашей для ребят, а взрослые ели только хлеб, запивая его водой, квас варили в редких избах. Молоко шло только для ребят. Считался зажиточным тот двор, где своего хлеба хватало до великого поста, а большинство с «зимнего Николы» (6 декабря. — *М. Н.*), с рождества (25 декабря. — *М. Н.*) начинали прикупать хлеб.

Округа бунтовала во время объявления воли, не приняла землю, и вышла на «нищенский» надел, по

четверти десятины на душу. Кругом залегали помещичьи земли, и бились люди, как в паутине, и нельзя было не снимать помещичьей земли, не отрабатывать за выгон для своего скудного скота»[1].

Это воспоминания сельского врача из Рязанской губернии. Но и в Саратовской губернии была та же картина. Бауману приходилось по работе часто бывать в окрестных с Новыми Бурасами деревнях и селах, и он видел, что представляет собой на деле реформа 19 февраля.

В Поволжье помещики при размежевании земель по реформе 1861 года применили «поправку» князя Гагарина, согласно которой три четверти надельных земель оставалось у помещиков и лишь четверть (так называемые «гагаринские» или «дарственные» наделы) переходила к «освобожденным» крестьянам.

Исключительно яркий пример бедственного положения крестьян привел в 1903 году В. И. Ленин в своей речи при обсуждении аграрной программы на II съезде РСДРП:

«...я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600 000 десятин, т. е. $^2/_5$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900 000 десятин; следовательно, $^2/_3$ всей арендной земли — отрезки»[2].

Новые Бурасы, где поселился Николай Эрнестович, — большое поволжское село, раскинувшееся на водоразделе реки Медведицы. Плоская возвышенность между селами Алексеевкой, Старыми и Новыми Бурасами почти безлесна; на десятки верст вокруг колышутся хлеба.

Приехав на место, Николай Эрнестович с головой погрузился в работу. Ветеринарный пункт в Новых Бурасах обслуживал несколько волостей: Алексеевскую, Новобурасовскую, Тепловскую. Ветеринарному врачу часто приходилось разъезжать по участку.

---

[1] С. Я. Елпатьевский. «Воспоминания за 50 лет». Л., 1929, стр. 7.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 451.

Разъезды не могли вызвать беспокойства у полиции, и Бауман широко пользовался этим правом.

Бывая в деревнях и селах, Бауман внимательно знакомился с положением крестьян. Исподволь, осторожно заводил ветеринарный врач речь о видах на урожай, о ценах на хлеб, об отхожих промыслах. Повсюду он сталкивался с явным недовольством крестьян, грозившим вылиться в открытое выступление против помещиков и сельских властей. Он бывал и у земских врачей, познакомился с учителями земских школ.

— Во время своих поездок по саратовским деревням я понял, что народники прямо-таки обманывали крестьянство, убеждая его в каком-то особом пути, в незыблемости общинных устоев. Народники лишь помогали помещикам прочнее закабалять крестьян, отрицая необходимость самой тесной поддержки пролетариатом крестьянства, — рассказывал впоследствии Николай Эрнестович о своей жизни на ветеринарном пункте.

Бауман бывал и в Саратове на квартире М. А. Дьяковой, где чаще всего собирались подпольные кружки. Бауман и Сущинский, работавший в Аткарском уезде, приезжали в Саратов зимой каждый месяц, а летом чаще.

Друзья заранее уславливались о том, когда они поедут в губернскую земскую управу за различными материалами для своих участков. В их письмах была условная фраза, в которой они сообщали друг другу, когда состоится очередное собрание молодежи у Дьяковой.

«Клуб Дьяковой» вел свою работу конспиративно: хотя полиция и догадывалась, что на многолюдных собраниях беседы носят «вольный характер», но прямых улик не было. Как и в Казани, в Саратове существовал «Красный крест», оказывавший из отчислений с платных литературно-музыкальных вечеров помощь ссыльно-политическим. Представители «Красного креста» часто бывали у Дьяковой. Украшением музыкальных вечеринок были, по воспоминаниям Сущинского, красивые сестры Маргарита и Валентина

Лукьяненко, обладавшие большими музыкальными способностями.

Нередко далеко за полночь, размахивая руками, в облаках табачного дыма спорили народники и марксисты. Народники пытались доказать преимущество крестьянского общинного строя, а молодежь, руководимая Бауманом, противопоставляла легковесным утверждениям развенчанных самой жизнью народнических лидеров необходимость массовой, организованной борьбы рабочего класса, единственного руководителя назревающей битвы с царизмом и помещичье-капиталистическим строем.

Бауман спорил искусно и убежденно, приводил немало разительных фактов из жизни пролетариата, и молодежь в «клубе Дьяковой» всегда с интересом слушала его страстные, подчас резкие выступления.

«В разговорах и спорах с представителями других направлений Бауман не только не сдавал, но, наоборот, оттачивал марксистское оружие», — вспоминает В. Сущинский.

Беседуя со «столичниками», как называл Бауман приезжавшую в Саратов на каникулы молодежь университетских городов, молодые ветеринарные врачи все чаще стали задумываться о том, где же в дальнейшем им продолжать свою революционную работу.

Поездки в Саратов не только способствовали общению с революционной молодежью. В Саратове Бауман получал от своих знакомых студентов революционную литературу, которую он распространял среди сельского населения. Преимущественно это была литература народовольческая, но иногда «питерцы» привозили и марксистские брошюры и книжки, главным образом издания группы «Освобождение труда».

Интересные воспоминания о Баумане приводит И. Н. Белокуров. Белокуров жил в селе Павловском, расположенном на пути из Новых Бурас в Саратов. Он учился в земской школе и еще с детства пристрастился к чтению. Его не удовлетворяли жития святых, четьи-минеи и прочие «душеспасительные» книги, которыми просвещали в то время деревенскую молодежь в церковноприходских и земских сельских шко-

лах. Других же книг негде было достать, покупать их Белокуров не мог, так как был очень беден.

И молодой крестьянин придумал выход: он убедил тринадцать своих сверстников-односельчан создать артель для изыскания средств на покупку книг. Они решили засеять поле подсолнечником, уборку провести своими силами, урожай продать и всю выручку употребить на покупку книг, выписку журналов и газет. Всю зиму 1893/94 года любители чтения «мечтали о книгах, строили разные планы...»

О «крамольной затее» узнал местный поп, и под его влиянием из артели вышло восемь человек. Но это не подорвало энергии Белокурова: впятером энтузиасты просвещения все-таки посеяли весной подсолнух, продали урожай и выручили сорок восемь рублей — сумму по тем временам не малую. Слухи об этой необычной артели дошли до Баумана, и он в начале 1896 года побывал у Белокурова.

Приехал он, как вспоминает И. Н. Белокуров, на простых розвальнях. Одет Бауман был в байковый чапан и закутан башлыком. Белокурова Николай Эрнестович встретил на улице села и очень обрадовался, узнав, что это и есть тот человек, к которому он едет:

— Вот хорошо! Садитесь и поедем, ведь я и еду к вам.

Белокуров с некоторым опасением сел в розвальни. «Дорогой я не осмелился спросить, кто этот незнакомец и зачем он едет ко мне. Сидя с ним рядом, я увидел и по разговору понял, что это не простой человек, а, по нашему тогдашнему понятию, барин. А известно, как тогда баре снисходили к мужикам: с ними не разговоришься» [1]. Узнав, что его гость ветеринарный врач, Белокуров подумал, что, вероятно, он приехал насчет каких-либо распоряжений о страховании скота.

Но стоило Бауману с полчаса побеседовать с Белокуровым наедине, как крестьянин переменил свое мнение о «барине». Бауман с большим интересом расспросил о работе «книжной артели», сказал, что это очень

---

[1] И. Белокуров. Встречи с Н. Э. Бауманом. «Каторга и ссылка», 1931, № 4 (77), стр. 197.

редкий случай крестьянской инициативы: сельская библиотека, да еще на артельных началах! Он дал Белокурову адрес петербургского «комитета грамотности», посоветовал, какие книги выписать, рекомендовал обратиться и в саратовское общество санитарных врачей, членом которого сам состоял. Бауман убедил Белокурова попросить ссуду, так как это общество помогало всяким культурным начинаниям в деревне — в особенности распространению просвещения [1].

Затем Бауман расспрашивал об отношении крестьян к помещикам, о размерах крестьянских наделов, о местном начальстве.

Беседа затянулась далеко за полночь. Жена Белокурова раза два подогревала самовар, а хозяин и гость, оказавшийся вовсе не барином, а на редкость простым и чутким человеком, все разговаривали. Белокуров, страстно ненавидя помещиков и полицию, к царю относился с уважением, наивно полагая, что царь хочет дать крестьянам землю, а помещики ему мешают.

«То же самое происходило во мне и относительно религии, — писал впоследствии Белокуров в своих воспоминаниях, — я видел все поповские мерзости и все-таки, начитавшись религиозных книг, почаевских и троицких листков [2], был до фанатизма религиозен, верил в поповского бога и искренно ему молился» [3].

Так относились к царю и религии в то время очень многие, не только пожилые, но и молодые, стремившиеся к знанию крестьяне. И Бауман, уже встречавшийся с такого рода настроениями, осторожно, но настойчиво старался переубедить своего собеседника.

Белокуров вспоминает, что Бауман «разными, на вид невинными вопросами старался навести меня на вывод, что царь, помещики и разное начальство — это одно и то же, что бога и религию нельзя отделять от

---

[1] И. Н. Белокуров обратился после отъезда Н. Э. Баумана в это общество, и оно отпустило на библиотеку села пятьдесят рублей.

[2] Листки и брошюрки, издававшиеся монастырями (Почаевской лаврой в Киеве, Троице-Сергиевской лаврой и др.).

[3] И. Белокуров. Встречи с Н. Э. Бауманом. «Каторга и ссылка», 1931, № 4 (77), стр. 199.

Н. Э. Бауман—студент Казанского ветеринарного института.

Н. Э. Бауман.

попов. Но, соглашаясь с ним во многом, я все-таки упирался. Мое закоренелое убеждение в этот раз сломить Николаю Эрнестовичу так и не удалось. Мы с ним проговорили всю ночь до рассвета, и, уже собираясь уезжать, он спросил меня, что я думаю о тех людях, которые убили Александра II. Я опять ответил ему словами почаевских листков, что это были изверги рода человеческого, что я их ненавижу и т. п...

Видя мое такое фанатическое упорство и слыша от меня такие гадкие, мерзкие слова, Николай Эрнестович не рассердился, а на мое упорство решил ответить тоже упорством. Он, как видно, из моего поведения вывел заключение, что если меня просветить, то я с таким же упорством буду защищать революционные убеждения»[1].

Беседа с Бауманом глубоко запомнилась Белокурову. Многое передумал он, стремясь понять Баумана. Занятый крестьянской работой в хозяйстве отца, Белокуров смог попасть в Бурасы только летом. Бауман встретил его приветливо, дружески беседовал с ним и дал ему адрес одного из своих саратовских знакомых, которого назвал Макаром Ивановичем.

Прощаясь с Белокуровым, Бауман обещал вновь заехать к нему в Павловское, посмотреть, как развивается «книжная артель», и выразил уверенность, что с монархическими и религиозными бреднями Белокуров все-таки расстанется.

Молодой крестьянин, несмотря на летнюю страду, отправился в Саратов на поиски знакомого Баумана. Он нашел его по указанному адресу на окраине города в маленьком флигельке, стоявшем в глубине двора. Такой уединенный флигелек не привлекал к себе внимания явных и тайных наблюдателей. Знакомый Баумана оказался человеком лет тридцати пяти, с окладистой черной бородой. Он внимательно выслушал просьбу Белокурова, сославшегося на Николая Эрнестовича, о «полезных книгах» и обещал Белокурову приготовить их для него.

---

[1] И. Белокуров. Встречи с Н. Э. Бауманом. «Каторга и ссылка», 1931, № 4 (77), стр. 199.

* * *

Шла весна 1896 года, приближалось 1 мая.

Николай Эрнестович решил организовать празднование этого дня в саратовском селе, в то время, когда этот праздник отмечался еще далеко не во всех промышленных городах. Трудности не остановили Баумана. За два-три дня до 1 мая Бауман посвятил в свой план старичка землемера, сын которого был сослан за народовольческую агитацию, и учителя, восторженного поклонника Писарева и Белинского.

Решено было на рассвете 1 мая отправиться на рыбную ловлю. К рыбалке с удовольствием присоединились крестьянские парни, с которыми Николай Эрнестович уже успел подружиться.

Крестьянская молодежь относилась к своему сверстнику — ветеринарному врачу — с большим уважением и симпатией: Бауман держался с ними просто, приветливо разговаривал, помогал в школьных занятиях, а нередко и сражался в городки.

Ранним утром человек двадцать «рыболовов» двинулись от ветеринарного участка к небольшой степной речке, протекавшей неподалеку от околицы. Впереди, заботливо поддерживая наметку, шел ветеринарный врач. За ним, не торопясь, шагали учитель и землемер. А молодежь, весело переговариваясь, пошла к реке напрямик, по только что вспаханному яровому полю.

Когда «рыболовы» подошли к речке, Николай Эрнестович огляделся вокруг. Место было выбрано удачно: они находились в небольшой лощинке, закрытой со стороны села кустами ольхи и орешника. Если бы урядник и захотел понаблюдать за ними от околицы села, он ничего не увидел бы на таком расстоянии.

Николай Эрнестович наклонился и начал бережно развертывать наметку. Через минуту на весеннем ветру затрепетало красное знамя. Бауман обратился к своим спутникам с короткой, но горячей, зажигающей сердца речью о значении первомайского праздника.

— Пока это алое знамя, как яркий огонь, как надежда нашего освобождения, взвилось только над этой

тихой степной речкой и пашней! Пока наши товарищи рабочие только небольшими группами выходят в это утро приветствовать свой рабочий праздник. Но пройдет немного лет — и наше красное знамя взовьется над всеми городами и селами, победно развернется над всем миром!

...Поздно вечером вернулись с речки «рыболовы»... Десятки лет спустя вспоминали участники маевки речь Баумана...

* * *

Летом у Николая Эрнестовича прибавилось работы. Свою профессию он любил. На каждом шагу он убеждался, что его труд приносит немалую пользу. Два раза в неделю у него был прием на ветеринарном пункте. А в остальные дни, не исключая и воскресенья, Бауман выезжал в отдаленные от Новых Бурас селения, чтобы оказывать помощь крестьянам на месте.

Ездил он в легкой плетеной тележке, без кучера. Беседы его с крестьянами всегда протекали оживленно.

Николай Эрнестович очень любил лошадей. «Это моя слабость, — говорил он друзьям, — какое умное, красивое и в то же время гордое животное! Уж лучше я сам подожду с обедом, а лошадь после дороги вывожу, дам ей остыть, напою и потом уже накормлю досыта! Право, она — неоценимый помощник крестьянина — этого вполне заслуживает!»

В одну из поездок в деревни Андреевку и Лачиново, находившиеся верст за двадцать от Новых Бурас, Бауман обратил внимание на своеобразную закономерность в расположении барских экономий и крестьянских полей и пастбищ. Заливные луга и хорошие покосы между оживлявшими пейзаж березовыми перелесками принадлежали помещикам. То здесь, то там виднелись обмазанные глиной и чисто побеленные большие кошары. Громадные гурты овец паслись на просторных цветущих пастбищах под присмотром чабанов и сторожевых собак. А крестьянский скот топтался на скудных выгонах с выбитой травой.

Дорога пошла под гору, и вскоре показалась небольшая деревня.

— Эх, — досадливо промолвил Бауман, проворно спрыгивая с облучка тележки, — опять на болоте овец пасут!..

Он подошел к пастуху, одиноко сидевшему у околицы, на самом краю выгона.

— Никак это ты, дед Архип? — окликнул Бауман.

Старый пастух долго вглядывался в приезжего, прикрыв слезящиеся, подслеповатые глаза ладонью.

— А, это ты, батюшка! Скотинку нашу лечить приехал! — с радостью сказал пастух, узнав Баумана.

— Да, это я. Опять в вашу деревню наведаться решил. И сразу же хочу поругать тебя: зачем овец близко к болоту пасешь?

— А где же их, батюшка, еще пасти? На суходоле, вон том, у Гремячей балки, вся трава погорела, — ишь, жарынь какая третью неделю стоит. Ни травинки там не осталось, как на пожарище. Со всех сторон, — старик обвел рукой видневшиеся вдали кошары, — барская земля. Только и гляжу с подпасками — оборони бог, какая овчишка туда не забрела бы, — объездчики в свой кордон загонят — и плати штраф по полтиннику с головы.

— Да ведь я же в прошлый раз на сходке всем объяснял, что в болоте этом овцы заразиться могут, заболеют, — возразил Бауман.

— Это правда, — охотно согласился старый пастух, — каждое лето у нас в стаде, почитай, третья часть овец гибнет: покружится овца на месте, покружится, да и свалится.

Бауман обещал вечером осмотреть овец и направился к своей тележке.

Не успел он немного отъехать, как из-за бугра раздался крик:

— Помо-оги-ите!.. Убива-ают!..

Бауман погнал лошадь, и она взбежала на пригорок. Николай Эрнестович увидел в стороне от дороги подпаска, лежавшего на земле и пытавшегося обеими руками закрыть голову. Над ним стоял объездчик и старался ударить парнишку в лицо. Он озлобленно кричал:

— Я покажу тебе, как к барским лугам паршивую скотину гонять!

Бауман направил лошадь прямо по полю.

— Не смей! Слышь, не смей! — крикнул он и, подбежав к объездчику, схватил его за руку. Барский страж пытался было вырваться, но Бауман как клещами сдавил его руку.

— Отдай нагайку! Отдай... или видишь? — указал он глазами на видневшийся из кармана широкого дорожного плаща револьвер, с которым Бауман никогда не разлучался.

Объездчик выпустил нагайку из рук и, вскочив на свою лошадь, закричал:

— Не ваше дело, господин ветеринар! Он знает, за что я ему морду нагайкой перекрестил!

Бауман помог подпаску подняться, посадил его в тележку и повез в деревню. Перевязав избитого парнишку, он сказал ему и набежавшим в избу соседям, что надо передать дело в суд.

Вечером в небольшой избенке хорошо знакомого Бауману крестьянина Трофима Лагутина собралось человек десять крестьян. Они с большим интересом слушали молодого ветеринара, рассказывавшего им о том, как в Англии богатые землевладельцы — ленд-лорды — сгоняли крестьян с хорошей земли и заводили громадные стада овец.

— Вот теперь и у нас то же самое происходит: помещики, пользуясь царской «милостью», заставляют вас за бесценок работать, да еще на каждом шагу управители с объездчиками издеваются над вами! — говорил Николай Эрнестович.

Он записал фамилии крестьян, видевших избиение подпаска, и обещал, когда будет в Саратове, переговорить со знакомым адвокатом, чтобы как следует провести дело.

Крестьянам его предложение понравилось. Только старик пастух недоверчиво сказал:

— Эх, затаскают нас теперь по судам да по конторам... да еще скажут, что ничего не было, — и не бил, дескать, объездчик парня-то нашего. Может, лучше так дело оставить?

— Ну нет, я этого не допущу! Я докажу, что объездчик ни за что избил подпаска, — заявил Бауман.

Когда крестьяне разошлись, Бауман в сопровождении одного из парней направился к своей лошади, стоявшей в углу крытого соломой сарая.

С большой осторожностью Бауман вынул из-под сиденья тележки небольшой ящик, в котором он возил ветеринарные инструменты и медикаменты. В прошлый свой приезд в Андреевку он долго беседовал с этим парнем и заинтересовал его рассказом о том, как раньше на Руси крестьяне свободными были да в крепость помещичью попали. Он вынул из ящика популярную в то время нелегальную брошюру, изданную в Петербурге еще народовольцами, в которой рассказывалось о закрепощении крестьян.

— Вот, Петр, почитай сам да своим товарищам расскажи, — сказал Бауман тихо, передавая парню тоненькую брошюрку, — только поосторожнее, чтоб никто чужой не узнал, — добавил он.

Весть о том, что ветеринар отнял у объездчика нагайку и хочет обратиться в суд с жалобой на него, быстро разнеслась по деревне. И андреевцы и лачиновцы одобряли поступок Баумана.

Услыхал о происшествии и становой пристав, живший неподалеку от Лачинова. Когда Николай Эрнестович дня через три, объехав еще две деревни, возвращался в Новые Бурасы, его догнал пристав, кативший на тройке взмыленных лошадей. Пристав не раз бывал в Новых Бурасах и был знаком с Бауманом. Поравнявшись с его тележкой, пристав приложил два пальца к форменной фуражке:

— Честь имею кланяться! В Бурасы? Пересаживайтесь ко мне, скорее доедем! — крикнул он, приказав кучеру остановиться.

— Спасибо, — сухо отозвался Николай Эрнестович, — я не тороплюсь, мне еще по дороге в Игнатьево заехать надо.

— Что же, и там порядки наводить будете? — с усмешкой спросил пристав.

— Это вы избиение подпаска имеете в виду? — пристально посмотрев на него, спросил Бауман.

— Ну уж, вы скажете! Явное преувеличение! Какое там избиение! Просто дал раза́, — развел руками пристав.

— Суд разберет, имеет ли право объездчик ни за что ни про что давать, как вы выразились, раза́ нагайкой.

Пристав смущенно откашлялся и с укоризной произнес:

— Ах, молодой человек! Ну разве можно из-за всякого пустяка горячиться? Скажут еще, не дай бог, что вы все дело раздули... подговариваете крестьян против помещиков. Я бы не стал на вашем месте подавать в суд. Знаете пословицу: ласковый теленок двух маток сосет... вы, кроме жалованья, могли бы еще получить кое-что и от графского управляющего за осмотр овец! Я, так сказать, мог бы посодействовать вам в этом направлении.

Бауман брезгливо оглядел его с ног до головы:

— Я другую пословицу вспомнил... что гусь кое-кому не товарищ! — И он свернул на проселочную дорогу.

В далекое степное село на каникулы к Николаю Эрнестовичу приехала с подругой любимая его сестра Эльза. Она привезла письма от родителей, от казанских друзей, несколько новых, только что полученных брошюр и книг по рабочему вопросу и по политической экономии. «Приезд ее был принят восторженно всей нашей радикальной молодежью, вышел за пределы обычной жизни в селе Бурасы», — так вспоминал об этом Николай Эрнестович.

О приезде подруг он известил своих новых знакомых, в которых чувствовал единомышленников: учителя, землемера, сына дьякона, исключенного из семинарии «за неодобрительное поведение». Собравшаяся молодежь восторженно читала новинку — напечатанное в начале марта 1895 года в «Самарской газете» стихотворение М. Горького «В Черноморье» (с подзаголовком «Песня»).

В этом певучем, сверкающем морем и солнцем смелом призыве воспевался храбрый сокол, которого даже смерть не могла оторвать от неба, свободы...

Девушка с подъемом читала заключительные строки этой песни о свободе.

Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда
ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе,
к свету!

И Николай Эрнестович, перебивая ее, с восторгом повторял:

Безумству храбрых поем мы песню!..

Вечеринка закончилась на рассвете. Гости Баумана, по предложению хозяина, встретили первые лучи солнца бессмертной «Вакхической песней» Пушкина:

Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!..

* * *

...Быстро пролетели каникулы. Эльза со своей подругой стала собираться в дорогу. Возвращались они из Саратова в Казань на пароходе, и Николай Эрнестович вместе с Сущинским поехал провожать их до Саратова. Здесь молодые люди провели несколько дней в кружке Дьяковой. Проводы Эльзы и ее подруги были шумными и веселыми. «На пристань явилась чуть ли не вся молодежь Саратова и его окрестностей», — шутливо писал Николай Эрнестович родным.

Глядя на уходивший вверх по течению пароход, еле различая беленький, становившийся все меньше и меньше платочек сестры, Николай Эрнестович промолвил стоявшему около него Сущинскому:

— Эх, брат... не пора ли и нам ехать?

— В Бурасы?

— Нет, туда... в большой город... к настоящему делу... — ответил Бауман.

На следующий день они вернулись на свои ветеринарные участки. Перед отъездом в село Бауман долго разговаривал со старым народовольцем Н. Балмашовым, одним из «последних саратовских могикан», неутомимым агитатором среди крестьян, исходившим пешком не одну тысячу верст. Со свойственной ему

прямотой Николай Эрнестович резко оспаривал «теоретический фундамент» террора, единичные выступления против представителей царской бюрократии.

— У царя много слуг всякого ранга и калибра, всех их поодиночке не перебьешь, — убежденно говорил Бауман. — Дело не в одиночных восстаниях отдельных сел и деревень — трагедия Бездны это доказала с полной очевидностью. Крестьяне плечом к плечу с рабочими должны бороться против царского строя.

Поездки Баумана в Саратов, его посещения кружка Дьяковой и беседы, которые он вел с окрестными крестьянами во время своих разъездов по участку, — все это не могло остаться незамеченным полицией. Бауманом заинтересовался не только пристав, в ведении которого находились Новые Бурасы, но и сам «хозяин уезда» — исправник. В конце лета 1896 года Бауман заметил, что урядник слишком часто наведывается к его соседям. Нередко урядник «случайно» встречался с молодым ветеринарным врачом на проселках, интересовался, куда и к кому едет Бауман. А становой пристав прямо-таки воспылал симпатией к Николаю Эрнестовичу и нередко заезжал на ветеринарный пункт «побеседовать и отдохнуть». Эти «беседы» были крайне неприятны Бауману, с его открытым, жизнерадостным характером. Он не переносил слежки и должен был все время сдерживаться, чтобы как-нибудь во время «беседы» не высказать становому свое откровенное мнение о полиции и ее методах «уловления душ». Но станового не смущала холодность собеседника, и он настойчиво продолжал непрошенные визиты.

Урядник тоже все чаще стал мелькать перед воротами ветеринарного участка, расспрашивая крестьян, о чем беседовал с ними ветеринар во время осмотра скота. «Внимание» местных властей становилось нестерпимым.

Николай Эрнестович чувствовал, что его революционная работа будет плодотворнее в центре рабочего движения — в Петербурге.

Осенью 1896 года он решил уехать в Петербург. Его уже давно манила дорога профессионального революционера. Ускорило это решение то обстоятель-

ство, что губернатор не утвердил Сущинского в должности ветеринарного врача.

Несмотря на уговоры председателя земской управы, друзья подали прошение об отставке. К работе ветеринарного врача Бауман относился горячо, «с душой». В архиве сохранилась благодарность земской управы «ветеринарному земскому врачу Н. Э. Бауману за усердную и полезную деятельность на участке». Но Николай Эрнестович считал, что он будет полезнее на революционной работе среди петербургских рабочих. Скромный и нетребовательный в личной жизни, Бауман сумел скопить во время своей службы на ветеринарном участке небольшие сбережения. На эти средства он и решил жить в столице до приискания новой работы. Перед отъездом Бауман послал записку Белокурову, прося его приехать попрощаться.

Белокуров застал Баумана совсем готовым к отъезду. Николай Эрнестович очень жалел, что приходится расставаться с саратовскими друзьями, в особенности с Белокуровым, — ведь именно с ним надо бы еще не раз долго и душевно побеседовать. Бауман оставил своему преемнику, новому ветеринарному врачу Г. А. Оболдуеву, записку, в которой советовал своему коллеге обратить особое внимание на Белокурова [1].

В результате деятельности Баумана в Новых Бурасах и окрестных селах возникали маленькие очажки революционного движения — небольшие группы революционно настроенных крестьян и служащих. При прощанье со своими новыми друзьями Бауман с таким подъемом и верой в будущее говорил о предстоящей работе в Петербурге, что они, несмотря на глубокое огорчение по поводу его отъезда, сердечно пожелали ему счастливого пути.

В октябре 1896 года Бауман и Сущинский отправились в Петербург.

---

[1] По воспоминаниям Белокурова, Оболдуев установил связь с ним, часто заезжал в Павловское. Эта связь, однако, вскоре оборвалась, так как Оболдуев был арестован.

V. В ПОДПОЛЬНЫХ КРУЖКАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Осенью 1893 года в Петербург приехал В. И. Ленин. Петербургские социал-демократы Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, Л. М. Книпович, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова и другие, работавшие в подпольных кружках, сплотились вокруг Ленина.

В. И. Ленин уже в то время, глубоко изучив работы К. Маркса и Ф. Энгельса, применял марксистские положения к конкретным условиям русской действительности конца XIX века. Он обладал неоценимыми качествами выдающегося организатора рабочих масс: исключительной энергией, глубокой убежденностью в победе пролетарской революции.

Важнейшей задачей русских социал-демократов он считал объединение разрозненных марксистских рабочих кружков в единый революционный союз, борющийся за освобождение рабочего класса. Этот союз должен был, по мнению Ленина, стать основой, зародышем революционной партии, опирающейся на широкое рабочее движение. В течение ближайших (1894—1895) лет В. И. Ленин неуклонно, со всей присущей ему силой и твердостью, боролся за осуществление намеченной задачи.

В 1895 году около двадцати петербургских рабочих кружков В. И. Ленин объединил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это объединение имело историческое значение, так как организацией

«Союза борьбы» В. И. Ленин подготовил создание революционной пролетарской партии.

Перед «Союзом борьбы» В. И. Ленин поставил задачу от узкой пропаганды марксизма в кружках перейти к массовой политической агитации. Это имело большое значение для дальнейшего развития рабочего движения в России.

Под руководством В. И. Ленина Петербургский «Союз борьбы» впервые стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением. «Союз борьбы» организовывал стачки на предприятиях, издавал листовки, прокламации и обращения к рабочим, в которых обличал царский строй, произвол фабрикантов и эксплуатацию ими рабочих, разъяснял, как рабочие должны бороться за улучшение своего положения. С экономической борьбой «Союз борьбы» связывал борьбу политическую, против самодержавного строя, воспитывая рабочих политически.

Условия работы на петербургских заводах и фабриках были крайне тяжелы. На всех крупных заводах существовала система «экстры»: рабочих под угрозой увольнения заставляли по окончании официального трудового дня снова после короткого перерыва возвращаться в цех или на «полночь», или на «ночь», то-есть дополнительно работать до двенадцати или даже до половины второго ночи. А утром, в шесть часов, после четырехчасового отдыха, неумолимый заводской гудок возвещал наступление нового трудового дня.

Один из верных учеников В. И. Ленина, Иван Васильевич Бабушкин, в своих «Воспоминаниях» об условиях работы на Невском механическом заводе в Петербурге писал, что слесари, не увидев утром кого-либо из своих товарищей на работе, говорили: «зарвался на работе». Это означало, что рабочий надорвал свои силы и слег...

Бабушкин, проработав на заводе всего лишь год, дошел до такой степени утомления от бесконечных обязательных «экстр», что буквально засыпал на ходу по дороге с завода на квартиру. Горечью и негодованием звучат строки его «Воспоминаний», посвященные обычным условиям труда на Семянниковском за-

воде, когда и сегодня, и завтра, и все последующие дни и месяцы длилась «опять работа, та же тяжелая, продолжительная, убийственная работа и никакой жизни, никакого отдыха.

И оказывается, для кого все это? Для капиталиста! Для своего отупления!»

Петербургские заводчики и фабриканты не прочь были побеседовать с фабричными инспекторами и даже выступить в либеральных газетах со статьей «об удовлетворении нужд рабочих...». Предприниматели нередко проявляли своеобразную заботу о рабочих. Так, например, фабрикант Варгунин, называвший себя «просвещенным предпринимателем», устраивал для рабочих воскресные гулянья для того, чтобы отвлечь их от влияния революционной пропаганды. Но об условиях работы на фабрике этих «просвещенных предпринимателей» можно судить по следующим фактам: «На писчебумажной фабрике братьев Варгуниных творилось что-то невообразимое. В тряпичном отделении мылось грязное тряпье, побывавшее и в навозной куче и в помойном ведре. Рабочие должны были его перебирать, сортировать и скоблить. Пыль и зловоние в мастерской были нестерпимые. От едкого воздуха у рабочих спирало дыхание в горле. В тряпковом цехе руки у рольщиков были покрыты язвами от вареных тряпок, которые они переносили в роли. Для прочистки высоких фабричных труб рабочих раздевали догола, сажали в мешки и спускали в таком виде в трубы. От такой «чистки» не освобождались и работницы» [1].

Жизнь в рабочих общежитиях была крайне тяжела. За каждой заставой — Невской, Нарвской, Московской, на Выборгской стороне — низенькие домишки и хибарки вмещали десятки тысяч рабочих. За Невской заставой, например, в селе Смоленском был целый район, который рабочие называли Сахалином. Здесь на болотистой, глинистой почве фабрикант Паль построил деревянные дома, напоминавшие скорее бараки.

---

[1] Н. П. Паялин. Невская застава — Володарский район. Л., 1939, стр. 15.

В таком рабочем доме часто комнаты сдавались «под углы». В каждой комнате жило четыре-шесть семей. Одинокие обычно ставили свои койки у входа, а семейные отгораживались от соседей половиками и ситцевыми занавесками.

Но, несмотря на исключительно тяжелые условия труда и быта, на попытки фабрикантов и заводчиков подавить у рабочих всякий проблеск мысли, тягу к организованности, петербургский пролетариат жадно стремился к сплочению своих рядов. Передовые рабочие понимали, что лишь тесная, товарищеская спайка поможет им завоевать политическую свободу.

Немалое значение для развития классового самосознания рабочих сыграли воскресные школы, в которых преподавали соратники В. И. Ленина по «Союзу борьбы» Н. К. Крупская, Л. М. Книпович и другие.

Воскресные школы были открыты владельцами фабрик и заводов, нуждавшимися в технически грамотных рабочих, умеющих обращаться с новыми заграничными машинами. Программа для этих школ была составлена так, чтобы рабочий, получив необходимые знания по технике, в политическом отношении оставался на прежнем уровне, считая своими благодетелями бога, царя и фабрикантов. Администрация зорко следила за преподавателями, чтобы они не отходили от установленных законом рамок программы.

Преподавателям приходилось прибегать к всевозможным уловкам, чтобы рассказать слушателям и о положении рабочего класса в Европе и об условиях «освобождения» крестьян в России в 1861 году.

Н. К. Крупская вспоминала, что «через школу удавалось следить за всей рабочей жизнью Невской заставы и собирать богатый материал. Через школу же узнавали, какой листок имел успех, какой нет» [1].

Воскресные школы были тесно связаны с подпольными рабочими кружками. Владимир Ильич часто бывал в этих кружках. Занимаясь с рабочими, Ленин тесно связывал беседы на теоретические темы (изуче-

---

[1] Н. К. Крупская. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Журнал «Творчество», 1920, № 7—10, стр. 5.

ние «Капитала» Маркса) с жизнью и работой кружковцев.

И. В. Бабушкин рассказывает о том, как В. И. Ленин руководил одним из марксистских рабочих кружков за Невской заставой. В кружке, собиравшемся на занятия в комнате И. В. Бабушкина, было всего шесть-восемь человек. С каким вниманием, с каким интересом слушали они своего лектора!

Ленин начал «занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора...»[1]

Повсюду: в Москве, Костроме, Тифлисе, Ярославле, Киеве, Самаре, Казани, Ростове-на-Дону — в десятках городов возникали марксистские организации, росли социал-демократические подпольные рабочие кружки.

Важное значение для формирования социал-демократических организаций на местах имела написанная В. И. Лениным (при участии И. В. Бабушкина) в декабре 1894 года прокламация — обращение к бастующим рабочим Семянниковского завода и написанная В. И. Лениным в ноябре 1895 года большая листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтона».

Неожиданно в ночь на 9 декабря 1895 года Ленин был арестован и отправлен в дом предварительного заключения. Но вплоть до высылки из Петербурга в далекое сибирское село Шушенское Владимир Ильич продолжал руководить работой «Союза борьбы».

...Летом 1896 года, за несколько месяцев до приезда Баумана, в столице забастовали текстильщики.

---

[1] «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина 1893—1900 гг.». М., 1951, стр. 56.

Семнадцать бумагопрядильных фабрик, выполняя решение стачечного комитета, одновременно прекратили работу. Остановились крупнейшие мануфактуры — Екатерингофская, Калинкинская, Митрофановская, Невская... Эта забастовка свидетельствовала о значительной организованности рабочих. Через несколько дней к забастовщикам присоединились еще рабочие ряда фабрик и заводов — за Нарвской заставой, в районе Нарвской заставы, на Охте. Полиция с тревогой доносила в министерство внутренних дел, что число бастовавших достигло тридцати тысяч.

Эта забастовка внушила пролетариату уверенность в своих силах, показала, какая мощь таится в организованных выступлениях.

К приезду Баумана (осень 1896 года) деятельностью Ленина в столице были подготовлены условия для организованной революционной борьбы пролетариата.

Бауман и Сущинский через две-три недели пребывания в Петербурге уже ознакомились с работой в подпольных кружках и со всем энтузиазмом юности взялись за любимое дело. Еще в Казани Бауман быстро находил пути к рабочим различных профессий. Но теперь в петербургских рабочих кружках он ведет дело глубже. К энергии молодости у агитатора-петербуржца прибавился житейский опыт, опыт подпольной работы в слободках Казани.

Бауману очень помогала в агитационной работе привычка точно и аккуратно выполнять все взятые на себя обязанности. «Бауман, надо сказать, уже с самого начала более других признавал партийную дисциплину»[1], — отмечает один из пропагандистов подпольных рабочих кружков.

Петербургский пролетариат, уже искушенный в организации стачек, открыто выступал против предпринимателей и властей. В столице для агитатора-пропагандиста марксизма открылось несравненно большее поле деятельности, чем в Казани.

Конспиративные навыки, приобретенные в Казани, пригодились и в условиях Петербурга. Одним из

---

[1] К. Я. Первые шаги. «Былое», 1907, № 9, стр. 145.

наиболее удачных приемов, которыми пользовался Бауман для заметания следов, было «очищение водой». Заметив за собой слежку, Бауман неторопливо, словно прогуливаясь, направлялся к Неве и подходил к перевозу. Как только ялик отчаливал, он прыгал в него и садился рядом с перевозчиком, говоря, что крайне торопится. А в это время преследовавший Баумана сыщик беспомощно метался на берегу.

Переправившись через Неву, Бауман поспешно выскакивал из ялика и уезжал на конке куда-нибудь на противоположный конец города. Помогало избегнуть погони и знание проходных дворов, соединявших столичные здания, стоявшие на разных улицах.

С большими предосторожностями отправлялся Бауман на занятия подпольных кружков или на нелегальные сходки. В квартире рабочих Царева и Осипова в доме № 67 на Слоновой улице несколько раз происходили собрания рабочих. По двое, по трое приходили члены подпольных рабочих кружков. В глубоких сумерках направлялись туда же по окрестным пустырям и задворкам Бауман и его товарищи, тоже руководившие подпольными кружками,—братья и сестра Сущинские и студент технологического института Александр Спицын. Как правило, пропагандисты никогда не ходили большой группой: двое-трое мастеровых, в субботний вечер пробиравшихся «под хмельком» окраинными переулками, меньше привлекали внимание сыщиков. Когда в тесной комнате Царева или в просторных теплых сенях квартиры Осипова собиралось человек пятнадцать-двадцать, Бауман или Сущинский начинали беседу. Окна были закрыты плотными занавесками, и все старались говорить тихо.

Бауман был озабочен подысканием квартиры, в которой можно было бы без большого риска проводить конспиративные собрания. Агентура охранного отделения отмечала в своих ежедневных донесениях, что «Макар Иванович»[1] нередко встречался (в первой половине января и в начале февраля 1897 года) с «лишенным всех прав состояния» Александром Дементье-

[1] Подпольная кличка Н. Э. Баумана в то время.

вым, давно находившимся под негласным надзором полиции как человек, «имеющий большое знакомство среди лиц, в политическом отношении крайне подозрительных». Бауман и Сущинский дважды были у А. Дементьева в деревне Исаковке (Черновская улица, дом № 60), за Большой Охтой. Этот отдаленный пригород, расположенный неподалеку от крупных заводов и фабрик, был удобным местом для конспиративных собраний. Бауману не удалось нанять поблизости от Дементьева квартиру, но он провел несколько собраний рабочих у Дементьева, разъясняя «Устав рабочей кассы», задачи «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Одно из таких собраний было намечено на вечер 10 марта. Собирались поздно. Шли поодиночке и по двое, внимательно наблюдая, нет ли «хвоста», — так называли подпольщики переодетых сыщиков. Особенно опасны были сыщики из числа заводских «наблюдателей»: администрация заводов и фабрик содержала почти в каждом цехе одного-двух «наблюдателей», подслушивавших разговоры рабочих.

Двое молодых рабочих, одетых в старенькие, поношенные пальто и сапоги, ощупью пробирались в темноте по середине мостовой.

— Ну и погодка!.. — сказал один из них, с трудом выбираясь из кучи талого снега.

— Теперь уж недалеко... да вон и огонек в крайнем окне! Как условились, на лампе зеленый абажур, — вполголоса ответил его спутник.

Через несколько минут один из них постучал несколько раз гаечным ключом о водосточную трубу и четыре раза дернул ручку старенького дверного звонка.

Дверь отворилась, молодые люди сказали пароль и торопливо вошли в сени.

— Никого? За собой глядели? — озабоченно спросил хозяин.

— Никого. Я нарочно на той стороне у забора притаился, — вся улица пуста.

— Ну, входите, грейтесь! Мы уже не знали, что и подумать, Макар Иванович, — около часа вас ждем...

Комната была заполнена доотказа: сидели на стульях, на подоконнике, на кровати. Всего собралось около пятнадцати человек.

Через полчаса, когда согрелись и выпили по стакану чаю, завязалась оживленная беседа. «Макар Иванович» говорил о назревавшей стачке, о том, что рабочая касса поможет бастующим.

Затем беседа коснулась новых расценок и норм выработки, введенных на Семянниковском и Александровском заводах. Бауман вовлекал в беседу всех, прося рассказать о том, как обстоит дело на заводе, где они работают.

— Так, говоришь, у тебя в расчетной книжке не получка, а «змея» получилась за эти две недели? — обратился Бауман к Цареву, одному из самых активных членов кружка.

— Да, «змея»... да еще с хвостиком, — неохотно ответил тот и с негодованием добавил: — Посмотрел приказчик на записи моей выработки и на штрафы да карандашом все и перекрестил, волнистой такой линией, вроде змеи: «У тебя, — смеется, — всего кредиту в лавке осталось на полтинник. Хочешь вот баранок?» А баранки в лавке тверже камней, с полгода лежат. Я было просить, спорить, а он бросил мне книжку в лицо и крикнул: «Проходи, не задерживай стóящих покупателей! Следующий!..» Это я-то, выходит, нестóящий покупатель?..

— И у нас в лавке так же обращаются!.. — поддержали Царева другие кружковцы.

Бауман внимательно выслушал рассказ рабочего и, воспользовавшись случаем, пояснил, для кого работает кооперация в капиталистических странах и что можно было бы сделать рабочим, если бы они сами взяли в свои руки снабжение продовольствием.

Время шло незаметно. Только около полуночи «Макар Иванович», условившись об очередной встрече с товарищами и соблюдая осторожность, ушел из квартиры Дементьева.

Место очередной встречи Бауман назначил в излюбленном петербургским рабочим людом трактире третьего разряда «Кострома» на Большой Болотной

улице. Встречаться в трактирах было удобно: сюда можно прийти, никого не опасаясь, втроем-вчетвером и беседовать долгими часами, сидя в какой-нибудь полутемной комнате.

Этот трактир был наиболее подходящим: он обслуживал ночных извозчиков, сторожей и дворников; здесь с самого раннего утра и далеко за полночь толпился народ.

14 марта в «Костроме» к вечеру почти не осталось ни одного свободного места. Во втором этаже, в зале для «публики почище», почти беспрерывно гудел и хрипел орган, исполняя то старинные вальсы, то польку, то излюбленного купцами «Стрело́чка».

А внизу, в полутемном и душном отделении трактира «для всех», раздавались нестройное пенье, выкрики, громкий хохот. Вечер был субботний, совпавший с получкой на многих заводах.

В одной из задних комнат с плотно опущенными занавесками висящая под потолком керосиновая лампа слабо освещала метавшихся с подносами половых, некрашеные деревянные столы без скатертей, на которых лежали вобла, колбаса, баранки и стояли большие чайники с кипятком. За столом, окутанные густым облаком махорочного дыма, сидели посетители. Все они были не старше двадцати пяти — тридцати лет, с виду мастеровые. Кое-кто нестройно подпевал гармонике, на которой с азартом играл молодой парень в вышитой малороссийской рубашке. В глубине комнаты человек пять играли в старые, потрепанные карты. Словом, все напоминало обычную субботнюю пирушку земляков. В этой обстановке «Макар Иванович» о чем-то оживленно беседовал с группой рабочих. Под столом он держал несколько тоненьких тетрадок в голубоватой обложке. Беседа продолжалась уже несколько часов, половые два раза меняли чайники с кипятком.

— А ну, хлопцы, что же вы приуныли? Давайте-ка все хором нашу любимую — «Реве та стогне Днипр широкий!» — предложил «Макар Иванович» и первый запел.

Затем он опять о чем-то вполголоса говорил со своими друзьями — Царевым и Осиповым. Беседа затя-

нулась за полночь. Уже прогудел в половине первого последний гудок, а рабочие все еще не расходились.

Через несколько дней Бауман снова явился на конспиративное свидание в этот трактир. Обсуждали летнюю стачку на Екатерингофской мануфактуре, вынудившую администрацию фабрики пойти на уступки. В конце беседы Николай Эрнестович передал рабочему Пилипецу завернутые в газетную бумагу десять экземпляров брошюры «Объяснение законов о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Это «Объяснение» написал Ленин осенью 1895 года; в декабре того же года оно было нелегально издано в Петербурге и обошло все подпольные кружки.

Затем Бауман передал Пилипецу восемьдесят экземпляров воззвания «Товарищи, почти каждый день мы не досчитываемся...». В этой прокламации описывалась «хитрая механика» хозяйских обсчетов и притеснений рабочих.

Подобного рода «чаепития» или прогулки Баумана с двумя-тремя членами кружков по отдаленным, окраинным улицам за заставой бывали нередко. Целые дни уходили у него на организационно-пропагандистскую работу. И лишь поздней ночью приходил Николай Эрнестович на свою квартиру на Каменном острове, где он жил вместе с братьями Сущинскими. В конце 1896 года Бауман и его друзья ради экономии и лучшего устройства быта, отнимавшего массу драгоценного времени, решили устроить «коммуну». Обедать в кухмистерских было не по карману; сбережения, которые сделал Бауман, работая ветеринарным врачом, быстро растаяли. Поэтому коммунары решили выбрать казначея и организатора продовольственных закупок, которые и заботились по очереди об обедах и ужинах. Все заработки членов коммуны (от уроков, переписки, занятий в этнографическом обществе) поступали в распоряжение казначея. Такая организация быта, по воспоминаниям коммунаров, позволяла сэкономить немало времени для самообразования.

Ведя работу в подпольных кружках, помогая рабочим развивать классовое самосознание, Бауман сам много занимался по ночам, читая еще немногочислен-

ную в то время марксистскую литературу. С популярным изложением учения К. Маркса, данным Каутским в работе «Экономическое учение К. Маркса», и с работой Плеханова «Наши разногласия» он ознакомился еще в Казани. В Петербурге он получил возможность познакомиться с новыми марксистскими произведениями.

С глубоким вниманием были прочитаны работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)».

Эти произведения В. И. Ленина стали боевым, острым оружием революционных марксистов, направленным против народников и «легальных марксистов».

Николай Эрнестович изучал первый том «Капитала», делая многочисленные выписки из него.

Немало книг прочитал Бауман и по этнографии. Он получил работу в этнографическом обществе и для выполнения ее должен был расширить свои знания о быте, верованиях, одежде и занятиях народов, живущих на севере России. Занятия этнографией давали «непрактикующему ветеринарному врачу», как Бауман иногда называл себя в шутку, средства для жизни.

Рабочее движение развивалось все шире, и Бауман и его соратники решили издавать «Петербургский рабочий листок», приурочивая его выход к тем или иным событиям рабочей жизни. Николай Эрнестович вместе с другими членами «Союза борьбы» деятельно участвовал в подборе материалов, а затем и в печатании «Листка». Январь и февраль 1897 года промелькнули в напряженной работе.

1 мая «Союз борьбы» решил организовать демонстрацию рабочих. Бауман энергично доказывал «молодым» [1], что на маевке должны преобладать требования политического, а не узкоэкономического характера.

---

[1] После ареста «стариков» (В. И. Ленина и его соратников по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса») к руководству «Союза борьбы» пришли новые люди, называвшие себя «молодыми». Они проводили ошибочную политическую линию, отказываясь от политической борьбы и призывая

«Молодые» же утверждали, что преждевременно поднимать петербургских рабочих на политическую борьбу. Бауман ссылался на указания «стариков», в особенности на указания В. И. Ленина, полученные из дома предварительного заключения. Он решил ориентировать членов своих подпольных кружков на политическое выступление 1 мая.

Так, в непрерывном тесном общении с рабочими столицы, в борьбе с «молодыми» формировался пропагандист и агитатор «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

* * *

Бауман не только вел большую работу в подпольных рабочих кружках за Невской и Нарвской заставами, он был тесно связан и с революционным студенчеством.

8 февраля 1897 года в Петропавловской крепости разыгралась тяжелая драма, всколыхнувшая все передовое русское общество и в особенности студенческую молодежь. Заключенная в одиночку курсистка Ветрова облила себя керосином и подожгла одежду. Когда надзиратели открыли дверь в камеру, Ветрова уже получила тяжелые ожоги, от которых и умерла через три дня.

Жандармы сообщили родным Ветровой о гибели узницы только спустя две недели. Подозрительным было то, что надзиратели своевременно не заметили попытку самоубийства. Что же было истинной причиной смерти девушки? Это осталось невыясненным.

Узнав об этой трагической смерти, студенческая молодежь заволновалась. Были выпущены листовки «На смерть Марии Федосеевны Ветровой» и на 4 марта у Казанского собора назначена демонстрация.

В день демонстрации Бауман, Сущинский и несколько членов подпольного «Красного креста» напра-

---

рабочих только к экономической борьбе с предпринимателями. Вскоре «молодые» — впоследствии их стали называть «экономистами» — превратились в оппортунистическую группу, мешавшую созданию марксистских организаций и революционной борьбе рабочего класса.

вились к Казанскому собору. Улицы были полны народа.

Вокруг храма собралось около пяти тысяч студентов. Они принесли десятки траурных венков с надписями на широких черных лентах: «Памяти М. Ф. Ветровой — безвинной жертве нашей жизни», «Безвременно погибшему борцу», «Дорогому товарищу, угасшему в каземате».

Толпа с венками и черными флагами, с пением «Вечная память» двинулась от собора к Невскому проспекту. Студенты взбирались на балконы домов, на крыльца особняков и кричали: «Позор убийцам! Вечная память нашему товарищу!»

Полиции удалось оттеснить и разъединить студенческие шеренги. В тот же вечер началась высылка из столицы студентов, заподозренных в организации траурного шествия.

Демонстрации в память Ветровой произошли также в Москве и Киеве.

Вскоре после выступления петербургских студентов Бауман организовал несколько студенческих концертов для пополнения фондов подпольного «Красного креста». Эту работу он начал еще в Казани. С большим умением распространял он билеты на платные концерты среди людей, сочувствующих революционному движению. Ему удавалось уговорить видных артистов и певцов участвовать в концертах в пользу «недостаточных студентов».

Один из таких вечеров состоялся в начале марта 1897 года. Вечер был посвящен памяти Шевченко. Имя великого украинского поэта-демократа, проведшего много лет в ссылке, было в то время под запретом. Запрещалось даже читать стихи на украинском языке.

Вечер прошел удачно, и касса студенческого «Красного креста» пополнилась. Касса оказывала помощь членам «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», заточенным в Петропавловской крепости или в доме предварительного заключения.

После этого Бауман и Сущинский приняли участие в организации концерта в пользу бедных студентов,

состоявшегося 12 марта. Уходя с концерта, Бауман заметил двух подозрительного вида пожилых людей, одетых в студенческие пальто и явно следивших за ним. Николаю Эрнестовичу пришлось прибегнуть к излюбленному приему «очищения»: он вскочил в одну из последних конок, пробрался к выходной двери, спрыгнул на мостовую и через проходные дворы выбрался на темную набережную. Вернулся домой он под утро и предупредил своих сожителей по «коммуне», что с трудом отделался от слежки.

Охранка и жандармерия всю зиму 1896/97 года старательно разыскивала руководителей подпольных рабочих кружков и оставшихся на свободе членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В марте 1897 года на Варшавском вокзале был задержан уезжавший к себе на родину, в Витебскую губернию, член подпольного кружка рабочий Пилипец. При обыске в его вещах было обнаружено немало «литературы возмутительного содержания»: десять брошюр «Объяснения новых правил для рабочих», пять брошюр «Рабочий день», четыре экземпляра «Петербургского рабочего листка», девятнадцать воззваний «Союза борьбы», датированных 6 марта 1897 года. Допроса Пилипец не выдержал. Он показал, что все эти издания получил от Баумана, который поручил ему распространять нелегальную литературу на одной из фабрик города Риги, где Пилипец работал до переезда в Петербург. В донесениях охранки не раз упоминался Бауман, как один из видных руководителей подпольных рабочих кружков. Жандармское управление получило сведения и о коммуне на Каменноостровском проспекте. Полиция решила ликвидировать «очаг крамолы», и сам начальник Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов взялся за это. Он надеялся организовать «громкое дело», большой политический процесс.

Глубокой ночью в квартире, где проживал Бауман, раздался громкий стук: это явились жандармы в сопровождении сыщиков и дворников. Полковник Пирамидов поставил все вверх дном в небольшой комнатке, занимаемой Бауманом: жандармы взломали подокон-

ник, подняли несколько половиц, выстукивали печь, распороли обивку дивана...

Обыск длился около шести часов. Бауман был спокоен и изредка подавал иронические советы, как удобнее, по мнению «бывшего хозяина комнаты», взломать пол, вывернуть наизнанку обивку кресла и т. п. Полковник бросал на него весьма нелюбезные взгляды, но держался корректно, ограничившись лишь одной угрозой:

— Посмотрим, каково будет ваше самообладание, когда вы годик-другой проведете в иной комнате!

В ответ на это Николай Эрнестович усмехнулся и попросил разрешения закурить, заметив, что от «папиросы разыскиваемые жандармами рукописи пострадать вряд ли смогут».

Жандармы тщательно пересмотрели и перечитали каждую бумажку, найденную на письменном столе и в вещах Баумана. Пирамидов составил подробную «опись отобранного по обыскам, произведенным 20, 21 и 22 марта 1897 г. по списку под лит. Б:

Рукописные: 1. тетрадь, не сшитая, озаглавленная «Теория ценности и денег» — К. Маркса; 2. тетрадь, озаглавленная «Прибавочная стоимость»; 3. тетрадь из 9 листов по рабочему вопросу с указанием на полях авторов соответствующих сочинений».

Тетради были тщательно упакованы и перевязаны. Пирамидов сделал на пакете крупную надпись: «Особые сведения к дознанию», и приступил к рассмотрению остальных документов. В опись отобранного при обыске у Баумана были затем включены дополнительные «материалы явно преступного содержания:

1. тетрадь, в которой помещен рассказ «Мокрая курица» тенденциозного содержания;

2. тетрадь с заметками по рабочему и общественному вопросам;

3. тетрадь, в которой трактуется о выработке программы для систематического чтения в социал-демократическом духе;

4. тетрадь, в коей изложены программы систематического чтения в том же духе».

В заключение жандармы «приобщили к найденным противоправительственным материалам» около трех десятков книг, изданных с разрешения цензуры, — подобранных для воздействия на рабочих в том же социал-демократическом направлении. Отобрана была вся переписка, включая письма родным в Казань, фотографические карточки. Пирамидов и сыщики с разочарованием вглядывались в эти карточки: ни одной фотографии лиц, работавших с Бауманом в подпольных кружках! Ретивый полковник «приобщил к делу» даже карточки родных Баумана и портреты Герцена и Лассаля. Когда пристав поднес Пирамидову эти портреты, жандармский полковник насмешливо спросил:

— Конечно, писателями интересуетесь?

Бауман спокойно указал ему на портрет И. А. Крылова:

— А вас, может быть, и баснописцы интересуют?

Жандарм побагровел и с особым старанием закончил опись обыска:

«10. Револьвер, заряженный шестью патронами».

Он разрядил это «сугубо вещественное доказательство» и положил в отдельный пакет.

— Для чего револьвер у вас? Ведь это оружие! — обратился он к Бауману.

— Знаю. И даже хорошее оружие, — спокойно ответил тот. — Но я — ветеринарный врач и по роду своей работы могу иметь оружие для уничтожения острозаразных или заболевших бешенством животных.

Обыск закончился на рассвете. У подъезда уже стояла полицейская карета с маленькими окошками, затянутыми шторами.

...Карета, то и дело меняя направление, миновала многолюдные улицы.

Николай Эрнестович спросил, куда его везут, но сидевшие рядом жандармы угрюмо молчали.

Когда же карета мягко застучала колесами по торцовой настилке мостовой, Бауман все понял.

«Петропавловская крепость», — подумал он и отдернул занавеску. Он сразу узнал железные решетчатые ворота Трубецкой куртины, бастионы, где столько лет томились народовольцы... Сколько же лет придет-

ся провести здесь ему? В его сознании запечатлелись просторы реки, одинокий водовоз у проруби да двое мальчишек с салазками... Один из жандармов, что-то угрожающе ворча в прокуренные до желтизны усы, задернул занавеску. Другой хотел было схватить арестованного за руки. Но Николай Эрнестович засунул руки в рукава пальто и откинулся на сиденье. Он заставил себя успокоиться и на окрик жандарма: «Выходи», — не торопясь вышел из кареты.

После тщательного обыска и переодевания в арестантское платье его повели на второй этаж. Он стал узником одиночной камеры № 56.

VI. УЗНИК ОДИНОЧКИ № 56

Безмолвно и угрюмо стоит Петропавловская крепость.

Трубецкой бастион крепости — это летопись страданий и геройства борцов с самодержавием.

Большое двухэтажное здание расположено пятиугольником. Оно напоминает кольцо; в этом кольце заключены узники, обреченные на медленное умирание. Небольшой двор окружен со всех сторон массивными, старинной кладки стенами. Унылые, чахлые деревца еще более подчеркивают гнетущее впечатление от крепости. На дворе, по дорожке длиной двадцать пять — тридцать метров, раз в день на пятнадцать-двадцать минут выходят на прогулку заключенные, чье поведение одобряется начальством.

Глубокие амбразуры окон упираются в крепостные стены. Камеры — мрачные, сырые, похожие на погреб. Через полгода-год пребывания в крепости узники заболевают. Туберкулез, острое малокровие, глубокое расстройство нервной системы — неизбежные следствия продолжительного заключения в Петропавловской крепости.

Камеры устроены с таким расчетом, чтобы даже во втором этаже был полумрак. В них с большим трудом, напрягая зрение, можно часа полтора-два в день читать, да и то не слишком мелкий шрифт.

Крепостной режим был рассчитан на то, чтобы сломить крепкую волю узников. Народовольцы, заключен-

ные в Петропавловской крепости в 1882—1883 годах, называли этот режим медленным умиранием.

Вера Фигнер в своих воспоминаниях пишет: «...самым страшным орудием пытки в тюрьме является т и ш и н а. Да! Тишина господствует в тюрьме... Тюремное начальство требует этой тишины «для порядка»... Тюрьма должна быть мертва, мертва как могила, мертва день и ночь. Единственный неизбежный шум, поражающий слух, — это стук отпираемых и запираемых тяжеловесных дверей из дуба, окованного железом, да форточек, сделанных в двери для передачи пищи. Гулко раздается этот грохот, напоминающий, что т ы н е о д и н в этом здании... В остальное время — ни шороха, ни звука... вечная тишина! Бесконечно длинная, бесконечно мертвая — ужасна. Быть может, нет средства более сильного, чтобы вконец испортить нервы человека» [1].

Убийственное действие на нервы узника производил методический, заунывный перезвон курантов. Тишина нарушалась с убивающей человека аккуратностью, — куранты словно напоминали, что отняты еще полчаса, час жизни. Мотив «Коль славен» доводил многих заключенных до сумасшествия.

В бесконечные вечерние и ночные часы еще напряженнее прислушивались узники к малейшему шороху, отдаленному стуку... Многие заключенные теряли самообладание и, точно птицы в клетке, метались и бились в одиночках. С остановившимся взглядом, не переводя дыхания, они непрерывно ходили, а затем, все ускоряя шаги, бегали из угла в угол камеры, пока не падали от усталости на холодный пол.

Чтобы заключенные не вступали в переговоры с надзирателями и не могли получить от них «недозволенные инструкцией о содержании в крепости» послабления, дежурства надзирателей менялись через четыре часа. В коридоре дежурил присяжный, отслуживший свой срок и оставшийся по вольному найму унтер-офицер с большим опытом наблюдения

---

[1] В е р а Ф и г н е р. Запечатленный труд, т. II. М., 1933, стр. 51—52.

за политическими заключенными. Этот тюремный надзиратель контролировал дежурных жандармов. Комендант крепости сам проверял списки дежурных, следя за тем, чтобы присяжный дежурил каждый раз с новым жандармом. Начальство опасалось, что если пары дежурных будут более или менее постоянными, то заключенному удастся уговорить их передать на волю записку. В камеру входили, принося чай или обед, всегда двое: присяжный и дежурный жандарм.

Одежда заключенных — темносиние халаты — плохо согревала узников, особенно осенью и зимой. К гнетущим условиям заключения прибавлялось еще одно глубокое страдание — неизвестность об участи арестованных друзей.

Долгие месяцы Бауман не имел никаких сведений о товарищах по «Союзу борьбы», он не знал, что В. Г. Сущинский тоже заключен в Петропавловскую крепость, а М. Г. и П. Г. Сущинские — в доме предварительного заключения. На все вопросы Баумана надзиратели отмалчивались, поспешно ставили скудную еду на привинченный к стене и полу камеры узенький столик и уходили. Они хорошо знали, какое разрушающее действие на психику человека оказывает длительное одиночное заключение.

На первых порах Бауману пришлось очень тяжело. Но он понимал, что необходимо мобилизовать все силы, всю волю, чтобы устоять в ужасных условиях крепостного заключения. Узник камеры № 56 вступил в борьбу с самым страшным врагом — одиночеством.

Николай Эрнестович старался поддержать бодрость духа ежедневной гимнастикой. Наблюдавшие в «глазок» смотрители видели, как Бауман, едва забрезжит рассвет, быстро вскакивал с койки и, поеживаясь от холода, приступал к гимнастике. Вечером, перед сном, он неизменно проделывал разнообразные приседания, прыжки и обходил камеру «гусиным шагом». Затем он переходил на нормальный шаг и отправлялся в «длительную прогулку». Да, узник камеры № 56 ввел в режим своего дня прогулки. По диагонали камеры можно было сделать всего шесть-семь небольших шагов, но тысячекратное «путешествие» из угла в угол позво-

ляло пройти около шести километров. Шагая перед обедом и вечером по камере, Бауман вспоминал прогулки по заволжским лугам и полям, купанье за Услоном, плоты и беляны на широкой водной дороге...

Пока что приходилось довольствоваться тусклым, туманным полумраком решетчатого окошка... «Гулять», хотя бы и заставляя себя, необходимо. Бауман опасался цынги и малокровия — этих частых и страшных спутников одиночного крепостного режима, а регулярные «прогулки» восстанавливали кровообращение, уменьшали головные боли.

Подтягиваясь на руках у окна, Бауману удавалось на секунду увидеть клочок неба, стену Монетного двора.

Тяжелее всего было узнику в вечерние и бесконечные, медленно тянувшиеся ночные часы, когда, казалось, все здание крепости замирало и цепенело. Электрические лампы в камерах, заменившие после трагической смерти Марии Ветровой керосиновые, были прикрыты колпачками. Читать можно было с трудом, и многие узники крепости уже через год расстраивали свое зрение. Да и что читать?

В первые же дни своего заключения Бауман справился о книгах крепостной библиотеки. Увы, выбор был более чем ограничен. Книги подобраны с целью «смирить и ввести в христианское русло мировоззрение противоборствующей молодежи». Старые журналы, среди которых видное место занимали церковные издания, старые книги, главным образом географические, — вот и вся духовная пища заключенного Петропавловской крепости.

Но и эти «душеспасительные» книги помогали узникам сноситься друг с другом: почти невидимыми точками над словами на определенных страницах заключенные умудрялись сообщать своим товарищам, кто и когда посажен в крепость. В корешках книг иногда удавалось переслать товарищу по заточению несколько дружеских слов, написанных на микроскопическом клочке бумаги. И Бауман старался связаться со своими соседями. Еще в подпольных рабочих кружках он освоился с «техникой телеграфа» — условным перестu-

В. И. Ленин ведет занятия в кружке петербургских рабочих. *С картины художника А. Моравова.*

Петропавловская крепость. Вид с Невы.

киванием через стену. Рядов было шесть, а в каждом ряду — пять букв. Первый удар обозначал ряд, а затем после небольшой паузы следовали удары, обозначавшие место нужной буквы в этом ряду. Так, свою фамилию Бауман передавал соседу стуком: один — пауза — два; один — пауза — один; четыре — пауза — четыре и так далее. При «телеграфном перестуке» все ненужные буквы алфавита, вроде й, ъ, ь, отбрасывались.

Стучать надо было умело, выбирая время, когда надзиратель, неслышно ходивший от камеры к камере в войлочных туфлях и поэтому внезапно выраставший у «глазка», отойдет в другой конец коридора. Десятки раз приходилось обрывать перестук, едва дойдя до конца первого обязательного короткого слова: «Кто?» Этим вопросом обычно начинались переговоры заключенных. Ухо чутко ловило малейший шум, глухой стук, и впоследствии Николай Эрнестович научился быстро и безошибочно по еле слышным ударам в стену косточкой согнутого пальца определять, где стучат: в соседней ли камере или в нижнем этаже. Но на первых порах перестукивание давалось не легко и часто приводило к столкновениям с тюремной администрацией.

Однажды Николай Эрнестович услышал осторожные удары в стену. Выждав минуту, когда «глазок» закрылся и надзиратель, повидимому, отошел от двери камеры, Бауман прижал ухо к стене... Сердце его билось сильными, редкими толчками... может быть, сейчас он, наконец, узнает что-либо о своем соседе, попытается спросить о друзьях... Сосед все так же медленно и тихо, но настойчиво продолжал стучать: два удара — пауза — пять ударов... четыре удара — пауза — три удара...

«к», «т»... — шептал про себя Бауман и, не дождавшись передачи последней буквы «о», постучал подряд пять раз без пауз в знак того, что понял и готовится ответить. Но Бауману удалось простучать только первые две буквы своей фамилии. Скрежет ключа в двери заставил узника выпрямиться и отойти от стены к окну. Дверь распахнулась, и в камеру вошел сам комен-

дант крепости Эллис в полной парадной форме, а за ним — старший надзиратель, наблюдавший за камерами второго этажа. Позади начальства виднелись встревоженные физиономии надзирателей.

— Заключенный стучит, — громко сказал комендант, избегая личного обращения к Бауману, — а разве ему неизвестен параграф крепостной инструкции, запрещающий производить даже малейший шум в камере?

Комендант, рассчитывавший произвести впечатление на Баумана своим внезапным появлением, замолчал. Николай Эрнестович посмотрел на него, слегка прищурившись:

— Заключенный, я полагаю, понимает, что ему грозит за нарушение инструкции о содержании в крепости? Карцер! Карцер!.. — не выдержав, закричал Эллис и порывисто направился к двери, сопровождаемый надзирателями.

Дверь захлопнулась, и Бауман остался один в гнетущей тишине.

Угрозы коменданта не охладили стремления Баумана к установлению связей со своими товарищами по заключению. Через неделю Николай Эрнестович за новый «телеграфный запрос» был подвергнут наказанию.

Вот один из документов, отразивший борьбу Баумана с начальством крепости:

«Его превосходительству *С. Э. Зволянскому,*
директору департамента полиции

Во время содержания в крепости Николай Бауман за то, что стучал в соседние камеры, был посажен, по приказанию моему, на сутки в темный карцер и переведен в другую камеру. Взыскание это мало на него подействовало. Пользуясь разрешением иметь письменные принадлежности, он оборвал поле книги, написал на нем в соседний номер (Акимова) записку, заложил написанное в корешок книги и посредством стука сообщил, какую книгу следует потребовать из библиотеки, чтобы найти там написанное. Вследствие принятых мер книга не была выдана и написанное по назначению не дошло. За подобный проступок аресто-

ванный Бауман, по приказанию моему, совершенно уединен и лишен права иметь письменные принадлежности».

Далее комендант крепости доводил до сведения директора департамента, что «Бауман по поведению своему недостоин того, чтобы ему была оказана особая милость свиданий с двоюродной сестрой Мякотиной».

Мало того, Эллис просил предоставить ему, коменданту крепости, право «не разрешать свиданий с Бауманом ввиду его неодобрительного поведения».

* * *

Длительное заключение в казематах Петропавловской крепости надломило физические силы Баумана, но это тяжелое испытание еще более закалило его дух. Несмотря на все ухищрения следователя и прокурора, им так и не удалось вынудить у него нужные им показания.

Видя непреклонность своего пленника, жандармы решили сломить его длительными допросами, на которые иногда его отправляли из крепости в два-три часа ночи.

Вот как проходил один из них.

...Почти на рассвете Баумана грубо подняли с койки и посадили в тюремную карету. После довольно долгого пути (его везли в жандармское управление) Баумана ввели в большую холодную комнату, в которой ему пришлось прождать несколько часов. Наконец дверь в соседнее помещение открылась, и Бауман предстал перед следователями-жандармами.

Подполковник Ковалевский, пожилой жандарм, специализировавшийся на политических процессах, старался держаться добродушно и спокойно. Он делал вид, что не придает большого значения материалам предварительного следствия и хочет побеседовать с арестованным неофициально, по душам.

— Да-с, молодой человек, именно по душам... я уже человек немолодой, видевший на своем веку не один десяток вот таких, как вы, молодых людей, случайно попавших в несвойственную им среду...

Бауман спокойно слушал жандармские излияния, рассчитанные на то, что угнетенный одиночным заключением узник поддастся «отеческому» тону допрашивающего и сообщит нужные жандармам подробности о подпольных кружках.

В «отеческую» беседу вступил товарищ прокурора Петербургского окружного суда Утин. Он стал расспрашивать Баумана о его родителях, о профессорах ветеринарного института. Николай Эрнестович отвечал довольно подробно, рассказал даже о своем увлечении естественными науками. Но после безобидных расспросов о подробностях студенческой жизни Ковалевский совершенно неожиданно, вынув из ящика объемистое дело, хлопнул им по столу:

— Ну-с, довольно предварительных вопросов! Нам все известно о вашей преступной деятельности среди петербургских рабочих! Понимаете, решительно все!

— И не только среди петербургских, — поддержал его Утин, — в этом деле имеются подробные справки о вашей противоправительственной деятельности в Казани.

— Что же вы желаете еще знать от меня, — усмехнулся Бауман, — если вам, как вы говорите, решительно все известно?

Подполковник вынул из дела несколько справок и донесений:

— Именно все! В квартире Марии Сущинской бывали? С ее братьями там встречались? С рабочими Царевым и Осиповым преступные разговоры вели?

Николай Эрнестович спокойно возразил, что с Сущинским он знаком еще по Казани и ничего преступного в этом не видит. А вот рабочих Царева и Осипова он не знает и никогда с ними не встречался.

— Вот как? Ни разу? Значит, полное запирательство? — закричал жандарм.

— А вам известно, что такого рода отрицание очевидных фактов лишь усугубит вашу вину? — вкрадчиво осведомился представитель прокурорского надзора.

— Очевидные факты? — с насмешкой переспросил Бауман. — Какие же это факты, если вы требуете от меня их подтверждения?

И сколько жандарм и Утин ни бились с ним в продолжение шестичасового допроса, Бауман не назвал ни одной фамилии членов рабочих кружков и не признался в том, что он занимался пропагандистской деятельностью. Он категорически отрицал свое участие в распространении подпольных листков и в организации кружков.

Ковалевскому осталось только, сдерживая злобу, записать в протоколе допроса:

«Зовут меня Николай Эрнестович Бауман. На предложенные мне вопросы отвечаю... в квартире Марии Сущинской мне случалось бывать, случалось встречать у нее и ее братьев, Петра и Владимира, но такого случая, чтобы во время моих посещений ее квартиры я видел там какие-либо нелегальные листки или брошюры, не было. Вообще у меня в руках никаких нелегальных изданий никогда не бывало. Никаких добавлений или разъяснений к своим прежним показаниям я не могу сделать».

Непокорного узника снова отправили в Петропавловскую крепость.

— Подумайте, молодой человек, подумайте! Ведь многие надолго и даже навсегда остаются в крепостных одиночках, — сказал ему в конце допроса Ковалевский.

Бауман пожал плечами.

* * *

Жандарм грозил недаром: обращение крепостных надзирателей ухудшилось. Режим заключенного в одиночке стал еще более строгим. Старший надзиратель запретил даже покупать по субботам и воскресеньям за счет заключенного белый хлеб к чаю. Этот «чай», подававшийся в жестяной кружке, пахнувший не то мылом, не то рыбой, цветом и вкусом напоминал отвар березовых листьев. Резко ухудшилась и пища: хлеб к обеду подавали непропеченный, с отставшей полусырой коркой, о присутствии мяса в супе-баланде приходилось лишь догадываться, каша-размазня вполне оправдывала свое название, и есть ее можно было

с большим трудом, стараясь не обращать внимания на привкус гнили и затхлости.

Николай Эрнестович отлично понимал, что все это тюремщики пустили в ход, чтобы добиться от него выгодных для жандармов показаний на допросах.

Он попрежнему размеренно проводил дни своего одиночного заключения, строго по часам занимаясь гимнастикой, чтением и «прогулками» и не подавая никаких признаков «раскаяния». Видя это, Эллис решил применить к нему «дополнительные меры».

Придравшись к чему-то, он перевел Баумана в карцер.

Стояло «отзимье» (так метко называют в народе переход от зимы к весне), когда в сырых и холодных могилах-одиночках крепости особенно тяжело, а в неотапливаемом карцере, узкой и крошечной каморке, лишенной света, просто невыносимо... У заключенного от холода не попадал зуб на зуб. В то же время Бауман слышал, как рядом, в коридоре, топили печь. Она была устроена с чисто инквизиторской целью: между карцером и печью находился простенок, и ее тепло не проникало в карцер. Узник тщетно ждал, когда же станет хоть немного теплее... Но в карцере попрежнему было холодно, как в ледяном погребе.

Бауман стоически вынес и это испытание. Не добившись от него покорности, комендант вернул Баумана в его камеру, и жандармы с представителями прокуратуры снова взялись за допросы.

4 апреля 1897 года тот же товарищ прокурора Утин и подполковник отдельного корпуса жандармов Кузубов допрашивали Баумана, стараясь во что бы то ни стало выведать хоть какие-нибудь сведения о деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Кузубов держался совершенно иной тактики допроса, чем Ковалевский: он не усыплял бдительность допрашиваемого расспросами о семье и о любимых занятиях, а сразу закричал на Баумана:

— Одумались? Поняли, что вы в крепости, а не у родных? Будете отвечать или нет?

Николай Эрнестович огляделся, подвинул к себе стул и сел.

— Что вас интересует? — осведомился он.

— Он еще спрашивает! — с негодованием обернулся Кузубов к Утину. — Прикидывается ничего не понимающим! Да знаете ли вы, что за ваши преступления вам место не в Петропавловской, а в Шлиссельбургской крепости... там есть карцеры похолоднее и потемнее петропавловских!

Жандарм напряженно вглядывался в лицо Баумана, проверяя, как на него действуют угрозы.

Николай Эрнестович с тем же присутствием духа ответил, что он не знает за собой какой-либо вины, за которую следовало бы применить такое суровое наказание.

Кузубов задавал множество вопросов, пытаясь установить связь Баумана с рабочими кружками. Жандарма интересовали подпольные клички Баумана, место собраний кружковцев и листовки, распространяемые его товарищами.

— Вы, может быть, скажете, что и эту вот прокламацию не читали? — вынул Кузубов из своего большого письменного стола тоненькую тетрадочку.

Бауман сразу узнал ее: это была отпечатанная с его помощью на мимеографе листовка с призывом к рабочим текстильных фабрик помнить об успехе летней стачки 1896 года и готовиться к новой борьбе с предпринимателями. Темнолиловые, слегка расплывшиеся буквы... аккуратная виньетка на заглавном листе... Подробности печатания прокламации сразу вспомнились Николаю Эрнестовичу. Но он ничем не выдал себя и покачал головой:

— В первый раз вижу.

— Как же так? Вы, видный член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», отрицаете свое участие, — вмешался Утин.

— И о «Союзе борьбы» слышу впервые от вас! — все так же спокойно произнес Бауман.

Кузубов, потрясая листовкой, шагнул к нему:

— Что же, вы и о прошлогодней стачке тоже ничего не слыхали?

Бауман отозвался прежним равнодушным тоном:

— Нет, слыхал. Более того — даже читал.

— Где? Где читали? — оживились следователи.

— Об этом было напечатано в газетах. Правительство сочло нужным объявить о ней. Вас интересуют подробности? Пожалуйста, я могу их припомнить: не скрою, я читал это правительственное сообщение о рабочей жизни не без интереса...

Кузубов грубо оборвал его:

— Подробности стачки нам хорошо известны. А вы потрудитесь без насмешек и иронии отвечать на вопросы, непосредственно вас касающиеся: как давно вы вступили в «Союз борьбы»? Давно ли знакомы со студентом Александром Спицыным?

— Я уже сообщил, что ничем не могу помочь вам в сборе подобного рода сведений.

Жандармы задавали «наводящие вопросы», но Николай Эрнестович упорно держался тактики полного отрицания предъявляемых ему обвинений.

Кузубов вынужден был написать в протоколе допроса: «не признаю себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было преступному обществу... Ни с кем из рабочих петербургских фабрик и заводов я не знаком и в том числе с рабочими фабрики Штиглица Осиповым, Царевым и Пилипецом. Среди рабочих себя Макаром Ивановичем не называл...»

Категорически отрицал Бауман и то, что он когда-либо встречался с рабочими в трактирах или на квартирах Дементьева и Царева.

Выведенные из себя стойкостью Баумана жандармы и помощник прокурора Утин недвусмысленно пригрозили Бауману новыми отягощениями режима.

— Помните, что вы наш пленник! — крикнул Кузубов.

— А пленные своим врагам не помогают! — твердо сказал Бауман.

* * *

Снова потянулись долгие, томительные дни, недели и месяцы...

Лишь однажды Бауману удалось всего несколько минут поговорить, перестукиваясь, с В. Г. Сущинским.

ЭК П' (092)
Н 76

Произошло это благодаря случайной оплошности надзирателей. Комендант крепости дал им за это жестокий нагоняй, а Баумана заключил в карцер.

...Весной 1898 года В. Г. Сущинского в административном порядке, без суда, отправили по этапу в ссылку в Вятскую губернию. Ему даже не удалось перед отправкой из крепости сообщить о своей высылке другу детства и юности. По возвращении Баумана из карцера комендант крепости лишил его возможности перестукиваться с соседями, поместив Николая Эрнестовича в камере между двумя пустыми одиночками. Попытки перестукиваться с заключенными первого этажа решительно пресекались надзирателями. Да и невозможно было разобраться в шифрованном стуке на таком расстоянии.

Особенно тяжелы были для Николая Эрнестовича весна и лето 1898 года. Он не знал ни о готовящейся ему участи, ни о судьбе друзей по коммуне и «Союзу борьбы» [1].

Здоровье стало заметно сдавать: появились признаки цынги, развилось малокровие... Лишь одно светлое пятно на тусклом фоне крепостного заключения было у Баумана: переписка с родителями.

В письмах к родным обрисовывался твердый, целеустремленный характер убежденного революционера.

Несмотря на тяжелейшие условия крепостного заключения, Бауман уверенно смотрел в будущее. Его письма — документы высокого мужества и горячей, страстной веры в правду рабочего дела, в его неизбежную победу. И вместе с тем сколько в них теплоты и заботы о родителях! Он старался смягчить тревогу о нем.

---

[1] Некоторых товарищей Баумана по «Союзу борьбы», арестованных вместе с ним в марте 1897 года, через шесть-девять месяцев перевели из Петропавловской крепости в дом предварительного заключения. Но Баумана продержали в крепости до самой высылки — двадцать два месяца. «Почему его держали в крепости дольше других, не знаю, — вспоминал один из заключенных, — возможно, что он чем-нибудь особенно накалил жандармов на допросах». (В. Н. Катин-Ярцев. В тюрьме и ссылке. «Каторга и ссылка», 1925, кн. 15, стр. 196.)

Первое письмо Бауман послал родным в апреле 1897 года:

«Дорогие родители, братья и сестра!

Тяжело писать. Не знаю, как начинать. Невеселую новость узнаете с этим письмом. С 21 марта я арестован и сижу в одиночном заключении в Петропавловской крепости. В чем меня обвиняют, не знаю еще до сих пор. Допроса не было. Если же даже скоро узнаю обстоятельства дела, то и тогда едва ли сумею вас уведомить об этом. Здешняя цензура, кажется, не допускает касаться в письмах подобных вопросов. Завтра будет две недели моего заключения; несмотря на полнейшую неопределенность положения, чувствую себя сносно: нервы не шалят, и физически совершенно здоров.

Не тревожьтесь и вы, мои дорогие, не проливайте слез над моей судьбой. Я молод, силы не надорваны — жизнь моя впереди. Прямо, без препятствий, без разочарований и страданий едва ли кому-нибудь удавалось пройти свой жизненный путь».

Николай Эрнестович заботливо расспрашивал родных об их жизни, беспокоился о том, что материальное положение семьи не улучшается, и просил их не заботиться о нем: он живет «здесь на всем готовом, кроме чая и сахара», но на эти мелочи у него денег хватит, так как Петя (брат Николая Эрнестовича) должен получить пятьдесят рублей за работу Н. Э. Баумана по этнографии.

О своей жизни он писал:

«Никакими слезами, никакими сожалениями нельзя помочь в моем настоящем. Личная воля, личные страдания не могут хоть чуточку изменить положения. Жду и надеюсь, пользуюсь тем, что достижимо при такой исключительной обстановке, т. е. читаю и философствую».

Забота и тревога о здоровье своих близких видна и в письме Баумана от 14 апреля 1897 года:

«От вас едва ли скоро придет письмо; отсюда и ко мне корреспонденция двигается медленно, поэтому пишу второе, не дождавшись весточки из Казани... Пребываю все в том же учреждении, и сколь долго заси-

жусь здесь, трудно предугадать... придется вооружиться терпением и ждать, куда ветер подует и соблаговолит пригнать участь моей персоны. Так-то обстоят мои делишки. Ваши же, по Петиным письмам, повидимому, тоже не могут назваться блистательными. Что это за болезнь ушей у папаши? Продолжается ли она или уже прошла?.. Эльза тоже «выглядывает не особенно здоровой», как пишет Петя. Наверно, занимается усердно, зубрит анатомию и химию? Она должна непременно летом провести время в деревне и заняться физическим трудом на свежем воздухе... Сестренка, будь осторожнее, не надрывайся через силу! Как поживают мамаша, Саша, Эрочка? О них я никаких сведений не имею».

В заключение Бауман добавляет несколько слов о себе:

«С тюремной обстановкой я освоился, здоров».

Через неделю, 21 апреля 1897 года, он сообщает родным, что у него «началась война с одиночеством...» «Застрахованный от всяких назойливых вопросов «к чему, зачем», не видя перед собой страшных картин, прямо и храбро гляжу на своего несложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступил на поле сражения, твердо надеясь вести победоносную борьбу. Вот почему, дорогие родители, убедительнейше прошу вас не тревожиться, не причинять себе лишних страданий, узнавши о постигшей меня судьбе».

Бауман, как и в предыдущих письмах, проявляет много заботы о сестре и братьях. Он радуется, что «брат Эрочка поехал давать концерты. Вот тебе на! Куда наши хватают!.. Послушал бы и посмотрел бы на вновь восходящую звезду!.. Не поленись, Эрочка, поведай мне о своем путешествии. Что Саша поделывает, как его баритон, не вторит он тенору?»

А сестре Эльзе Николай Эрнестович пишет:

«С тебя же, сестренка, хочу взять слово. И ты *мне должна его непременно дать*. Вот какое: «думать об экзаменах и не отвлекаться моей персоной». Во всяком случае мое положение лучше твоего, когда ты

стоишь перед анатомом и должна копаться в своей памяти, чтобы вспомнить какую-нибудь foramen или tuberculum»[1].

В архиве Музея Революции хранится еще одно письмо Баумана родным, написанное более чем через год, 30 июля 1898 года.

Он попрежнему бодро и стойко борется с режимом одиночного заключения, энергично сопротивляется мертвящему воздействию «мира абсолютного покоя» и предвидит, что его могут подвергнуть высылке в административном порядке. И снова обращается к родным с просьбой не горевать об его участи.

«К сожалению, — пишет Бауман, — сам не могу писать Вам распространенные письма, так как для моих писем установлены очень узкие рамки, да, кстати сказать, из этого мира абсолютного покоя нельзя ждать ничего интересного. Поэтому не берите примера с меня и пишите, что вздумается, без разбора, мне же здесь все интересно, что идет с воли. Вероятно, мне не удастся в ближайшем будущем погреться у вашего семейного очага, ибо нельзя надеяться, что меня выпустят на все четыре стороны, скорее придется путешествовать в Сибирь на несколько лет. В последнем случае мне хотелось бы повидать Вас и Эрочку в Москве, где партии ссыльных ждут отправки, кажется, порядочное время».

Бауман заканчивает это письмо напоминанием о том, что он ждет обещанной фотографии родителей:

«Из-за карточки ворчу: по губам только мажете».

Родные Баумана сильно беспокоились за судьбу Николая Эрнестовича. Одно название места его заключения наводило их на самые мрачные мысли...

Мина Карловна подала директору департамента полиции прошение, в котором умоляла облегчить участь сына.

Глубокая материнская скорбь — в каждой строке этого документа.

Она писала о том, что уже много месяцев, как «родной сын мой, Николай Бауман, сидит в крепости.

---

[1] Анатомические термины.

Сперва я не хотела верить этому. Единственное мое утешение на старости лет — любимый сын мой, которым я жила, — этот сын в тюрьме. Только мать или отец, горячо любящие своего ребенка, могут понять, как велико поразившее меня горе. В последнее же время оно еще усилилось, когда я узнала, что здоровье моего сына расстроилось. А вы знаете, ваше превосходительство, что значит для матери болезнь ее ребенка. Сколько слез и бессонных ночей прибавит она к моей уже и без того нерадостной жизни!»

Мина Карловна просила директора понять всю глубину ее горя и исполнить просьбу матери, которая только на него возлагает всю надежду; просьба заключалась в том, чтобы Бауман был переведен из крепости в дом предварительного заключения, где условия все же лучше, чем в крепости.

«Может быть, здоровье моего сына поправится, — писала Мина Карловна, — это единственная надежда, которая у меня остается. Не отнимайте же ее, ваше превосходительство, у бедной старой матери, не откажите исполнить мою просьбу...»

Вице-директор департамента полиции в сухом и холодном официальном ответе на имя казанского губернатора 3 ноября 1898 года сообщил «мещанке Мине Карловне Бауман на прошение 7 октября, что ходатайство ее об освобождении Николая Баумана из-под стражи или переводе из СПБ крепости для дальнейшего содержания в дом предварительного заключения удовлетворено быть не может». Причина отказа в том, что дело Баумана «находится на рассмотрении в Министерстве юстиции и будет разрешено в самом непродолжительном времени».

12 декабря 1898 года Николаю II был представлен «всеподданнейший доклад» министра юстиции «о лицах, арестованных по делу «Союза борьбы». Министр намечал в качестве «меры пресечения и наказания за их преступную деятельность» высылку на различные сроки (от трех до восьми лет) в Сибирь и северо-восточные губернии европейской части России. Николай II «соизволил собственноручно на докладе г. министра начертать «С» (согласен)».

Тяжелые двери Петропавловской крепости наконец-то открылись. После двадцатидвухмесячного заключения Бауман в январе 1899 года был отправлен на четыре года в административную ссылку в один из захолустных городков Вятской губернии.

Петр Эрнестович, хлопотавший вместе с Миной Карловной о смягчении участи брата, обратился в департамент полиции с просьбой разрешить ссыльному следовать в Вятку не этапом, а за свой счет. Разрешение было получено, и Николай Эрнестович на этот раз избежал мучительного этапного пути.

По дороге к месту ссылки Бауман решил на день-два тайком заглянуть в свои родные места. В Казань его тянуло и желание повидаться со стариками родителями и возможность побеседовать с товарищами по подпольным кружкам. Но для того чтобы безнаказанно появиться на родине, где его могли узнать в любую минуту знакомые, Бауману пришлось прибегнуть к некоторой маскировке.

...Часов в пять хмурого зимнего дня, когда стало уже заметно темнеть, кто-то осторожно постучал в окно маленькой комнатки в деревянном флигельке на Грузинской улице. Хозяин комнаты, старый столяр Крылов, работавший ранее у Эрнеста Андреевича Баумана, приподнял ситцевую занавеску и увидел молодого человека в надвинутой на самые глаза меховой шапке. Воротник пальто был поднят, так что лицо его нельзя было разглядеть. Когда Крылов вышел на крылечко, пришедший спросил:

— Что, дружище, не узнаешь Колю?

Старый мастеровой радостно обнял гостя и повел его в комнату.

— Как же ты жил все эти годы? Слыхали мы, что за крепким замком пришлось посидеть? — расспрашивал старик.

Подсев к топившейся печке, Бауман вполголоса рассказал о заточении в Петропавловской крепости, о выступлениях петербургских рабочих, о своих планах на будущее.

Вечером, собравшись уходить, он сказал:

— Пойду навещу своих стариков, да кое-кого из

приятелей повидать надо, — и, крепко пожав руку Крылову, добавил: — Если завтра вечером к тебе придет студент в форменном пальто, но не в фуражке, а в шапке и спросит Якова Яковлевича, передай ему, пожалуйста, вот этот пакетик.

Ночью Бауман вернулся к Крылову, но попросил устроить ему постель не в комнате. К счастью, у старого столяра был во дворе оборудован под жилье маленький сарайчик, в котором можно было даже зимой провести ночь. Бауман переночевал в сарае и исчез ранним утром. К вечеру второго дня он снова появился у Крылова как раз в то время, когда к Крылову пришел и ожидаемый Бауманом студент. Николай Эрнестович о чем-то вполголоса переговорил с ним, передал ему пакет, и студент ушел.

В этот же вечер, как вспоминал профессор Н. Н. Богданов [1], Николай Эрнестович появился на квартире у Богданова, в Академической слободке. Несмотря на многомесячное пребывание в крепости, Бауман казался, как всегда, бодрым и жизнерадостным. Богданов вначале не узнал было его, — до того изменила Баумана большая, отросшая в тюрьме борода.

Друзья детства заперлись вдвоем в мезонине и всю ночь напролет проговорили.

— Моя ссылка, — сказал Бауман, — это неизбежный этап жизни. Я твердо решил пойти по избранному мною революционному пути. А для этого надо отказаться от мечтаний и о науке — помнишь, мы думали поступить по окончании ветеринарного института на медицинский факультет? — и о спокойной жизни.

И Николай Эрнестович с увлечением стал говорить своему другу о приближении грозной схватки с самодержавием, о росте сил рабочего класса.

---

[1] В беседах с автором.

VII. В ССЫЛКЕ

Местом ссылки Баумана департамент полиции выбрал затерянный среди лесов уездный городок Орлов в пятидесяти верстах от Вятки. В то время он походил скорее на большое село, чем на город. В городе было всего две-три мощенные булыжником улицы, площадь перед присутственными местами и сеть маленьких кривых переулков и рыбачьих слободок, лепившихся у самого берега Вятки. В середине девяностых годов в Орлове насчитывалось около трех с половиной тысяч жителей. Население занималось главным образом лесным кустарным промыслом. Сплавная судоходная река Вятка служила столбовой дорогой, связывающей летом Орлов с внешним миром. Зимой же городок казался необитаемым. На пристани зимовали десятки рыбачьих судов, занесенных снегом, несколько барж и один-два пароходика. Никаких более или менее крупных фабрик и заводов ни в Орлове, ни поблизости не было.

Из учебных заведений были лишь реальное училище, женская гимназия да духовная семинария.

В Орловском уезде жили главным образом удмурты, татары и отчасти мордва. Необъятные леса тянулись на сотни верст вдоль реки Вятки, и почти все население уезда занималось лесным промыслом и охотой.

Развито было и рыболовное дело; вязание рыбацких снастей являлось одним из основных занятий не

только женского, но и мужского населения глухих починков[1] и деревушек Орловского уезда.

В девяностых годах в Орлове жило несколько ссыльных социал-демократов. Полиция направляла революционеров в Вятскую губернию «на длительное наблюдение».

Владимир Сущинский тоже был выслан в Вятскую губернию, но не в Орловский, а в Нолинский уезд. Друзья не имели возможности встречаться: выезд из Орлова или Нолинска категорически запрещался.

Ссыльные находились под гласным надзором, каждый день «полицейский чин» доносил исправнику об их местонахождении. Корреспонденция поступала адресатам с большим запозданием, — пока местные власти убедятся, что в письмах и посылках нет ничего подозрительного. Полицейская инструкция о «правилах поведения поднадзорных политических ссыльных» регламентировала каждый шаг ссыльных: там было указано, до какого времени разрешено бывать в гостях, когда надо являться на обязательную отметку в полицию и т. п. Ссыльным запрещалось «выходить за городскую черту для прогулок и охоты далее двух верст».

Правда, этот пункт инструкции не всегда соблюдался. Николай Эрнестович и его товарищи по ссылке пристрастились к охоте и уходили от Орлова гораздо дальше, чем за две версты. Это занятие, помимо возможности побывать несколько часов вне надзора полицейских, давало немалое подспорье и к скудному питанию. Почти никто из ссыльных не получал сколько-нибудь значительной помощи от родных, а жить на шесть-восемь рублей в месяц казенного пособия было трудно. Поэтому охотники «совмещали приятное с полезным», как говорил впоследствии Николай Эрнестович. Отдых на лоне природы, вдали от полиции, дополнялся охотничьими трофеями — рябчиками, тетеревами и глухарями. Осенью прибавлялись еще зайцы, которых удачливые охотники коптили и даже солили впрок, делая запасы на долгую зиму.

---

[1] Починок — выселок, небольшой новый поселок, чаще всего на расчищенных под пашню лесных полянах.

Отправляясь на охоту, Бауман любил заходить в деревни, знакомиться с занятиями и бытом местных жителей.

Деревни отстояли здесь друг от друга на десятки верст. Вместо больших селений, к которым привык Бауман в Саратовской губернии, деревни в вятских лесах были всего в два-три десятка дворов. Почва была скудная, суглинистая, и жители не могли прокормиться земледелием.

Бауман с интересом рассматривал немудреный охотничий инвентарь: тяжелые самодельные ружья — одностволки, неуклюжие капканы для крупного зверя. Его поражало искусство, с которым местные охотники били белок, стреляли на перелетах диких гусей.

Но одной охотой прокормиться было нельзя. Целыми семьями, от детей семи-девяти лет до глубоких стариков, работали крестьяне в смолокурнях.

— Сколько же вы за лето зарабатываете? — спросил однажды Бауман у одного из лесных старожилов.

— А уж это как его степенство, купец Конокотин, заплатить нам соизволит, — мы всей деревней на него работаем. Вот по осени свезем ему смолу в бочках, чай — рублей восемь, а то и девять на семью за лето получим, — ответил старик.

Охота и прогулки в лес за грибами и ягодами скрашивали жизнь ссыльных летом, а зимой она текла удивительно медленно и скучно. Сильные, доходившие до сорока градусов морозы заставляли отсиживаться по домам.

Ранней весной монотонная жизнь города нарушалась ледоходом на широкой, полноводной Вятке. Смотреть ледоход собирался весь город: не только мальчишки, но и их учителя, и служащие, и «именитые» купцы. Словно разбитая армия, в беспорядке и смятении отступала по реке северная зима, с шумом и треском громоздя льдины одна на другую.

Весну 1899 года орловцы встречали как обычно. На ледоход пришли любоваться все жители города. На высоком берегу в окружении городовых и пристава красовался исправник.

Неожиданно внимание всех было привлечено необычным зрелищем. На берегу, значительно выше того места, где находилось начальство и купечество, появилась небольшая группа политических ссыльных во главе с Бауманом, который что-то прятал под накинутым на плечи пальто. И вдруг все с удивлением, а начальство с явным негодованием, увидели, как несколько ссыльных вскочили на громадную льдину, медленно плывшую мимо берега. Взявшись за руки, они громко запели, а Бауман поднял над головой красный флаг. Вешний ветер донес до зрителей:

Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля...

Исправник, побагровев и почти лишившись речи, молча следил за удалявшейся льдиной и подталкивал обеими руками пристава по направлению к реке. Молодежь, бежавшая по берегу за льдиной, подхватила знакомый напев:

Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!..

Ссыльные проплыли несколько сот сажен и у черты города, пользуясь ледяным затором, перебрались на берег.

— Хоть недолго, а побыли на воле!.. — вспоминал этот день Николай Эрнестович.

Исправник ограничился «строгим внушением», и особых последствий «ледяная демонстрация» для ссыльных не имела.

Смелость и мужество Баумана видны из другого эпизода его жизни в ссылке.

По воспоминаниям ветеринарного врача А. А. Петрова, группа ссыльных — среди них был и Бауман — каталась летним вечером по Вятке. Внезапно налетел сильный порывистый ветер. Одна из лодок, в которой сидели две молодые курсистки, опрокинулась. Николай Эрнестович прямо в одежде бросился в воду на помощь девушкам. Несмотря на то, что Бауман был хорошим пловцом, он с трудом доплыл до них. Вытащив одну девушку из воды, Николай Эрнестович пере-

дал ее подоспевшим на лодке товарищам и снова нырнул. Через некоторое время он показался на поверхности воды с потерявшей сознание девушкой и, выбиваясь из последних сил, поплыл вместе с ней к берегу.

Вечером, когда Николай Эрнестович сидел в кругу друзей, один из товарищей спросил его:

— Ведь вы могли бы утонуть сами? Как у вас хватило сил броситься второй раз?

— Если нужно, силы всегда найдутся, — ответил Бауман.

Охота, рыбалки и прогулки за грибами в окрестные леса были, однако, только внешней стороной жизни орловских ссыльных. Оторванные от революционной работы, они ни на минуту не забывали о «внутренней цели своего существования»,—так Николай Эрнестович называл происходившие между ссыльными споры на политические темы. Среди ссыльных были сторонники «стариков», в том числе В. В. Воровский и Р. С. Землячка. С Землячкой Бауман впоследствии не раз встречался на подпольной работе по распространению «Искры», а с Воровским — в Женеве, после II съезда РСДРП.

Однако были среди них и люди, разделявшие точку зрения «молодых».

Бауман, Воровский и Землячка решительно отстаивали необходимость не только экономической, но и политической борьбы рабочих с царским правительством.

I съезд партии, происходивший в Минске в марте 1898 года, провозгласил в своем манифесте создание Российской социал-демократической рабочей партии. Решения съезда горячо обсуждались ссыльными. Съезд имел большое значение как первая попытка объединения во всероссийском масштабе местных организаций «Союза борьбы» — петербургской, московской, киевской и других.

Николай Эрнестович, просидевший в Петропавловской крепости около двух лет, только в Орлове смог познакомиться с решениями съезда и его манифестом. Бауман интересовался судьбой избранного съездом Центрального Комитета партии — до отдаленного Орлова еще не дошли вести об аресте ЦК.

Важным событием в жизни орловских ссыльных было присоединение к знаменитому «Протесту российских социал-демократов», написанному В. И. Лениным в сибирской ссылке.

Как известно, в 1899 году группа «экономистов» (Прокопович, Кускова и другие) в выпущенном ими манифесте «credo» (символ веры) проявили себя как убежденные, законченные оппортунисты. Они требовали, чтобы рабочие вели только экономическую борьбу с предпринимателями, считая, что политическую борьбу с царизмом должна вести либеральная буржуазия, рабочие же должны поддерживать буржуазию, но не выступать самостоятельно. «Экономисты», таким образом, пытались отвести рабочему классу подчиненную, второстепенную роль. Мало того, они отрицали необходимость создания самостоятельной политической партии, которая смогла бы повести пролетариат в решительный бой с царизмом. После Великой Октябрьской социалистической революции авторы «credo» скатились в лагерь контрреволюции.

Владимир Ильич Ленин с самого начала оформления течения «экономистов» решительно выступал против их антиреволюционных, антимарксистских утверждений. Когда Владимир Ильич, находившийся в то время в ссылке в Шушенском, смог ознакомиться с «credo» «экономистов», он немедленно выступил с протестом.

В Минусинском уезде было много политических ссыльных, для обсуждения «Протеста» решено было собраться всем. Местом собрания назначили село Ермаковское, где жил тяжело больной туберкулезом А. А. Ванеев. Он уже не поднимался с постели и не мог приехать в Минусинск или в Шушенское для участия в обсуждении «Протеста». В Ермаковском собралось семнадцать ссыльных социал-демократов (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская-Невзорова, Ф. В. Ленгник, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский, А. А. Ванеев, О. Б. Лепешинская, П. Н. Лепешинский и другие). Все они во главе с Владимиром Ильичем Лениным подписали «Протест».

В. И. Ленин обратился ко всем марксистским организациям России с предложением присоединиться к «Протесту российских социал-демократов» (он известен также под названием «Протест семнадцати») и осудить изменническое «credo». Он считал необходимым поднять против «экономистов» всех истинных марксистов, всех настоящих борцов за победу рабочего класса.

Когда орловские ссыльные получили «Протест семнадцати», Бауман сразу же встал на точку зрения автора «Протеста». Он понимал, что В. И. Ленин наметил единственно правильный путь победоносного развития рабочего революционного движения.

Орловская колония ссыльных несколько вечеров обсуждала «Протест». Николай Эрнестович выступал ярым защитником идей В. И. Ленина.

Обсуждение «Протеста российских социал-демократов» четко выявило политическую позицию орловских ссыльных.

По воспоминаниям В. Сущинского, находившегося в ссылке неподалеку от города Орлова, Николай Эрнестович основывался в своих выступлениях на анализе борьбы петербургских рабочих в 1896—1897 годах. Николай Эрнестович Бауман доказывал, что чем решительнее и тверже пролетариат отстаивает свои позиции, тем грознее для буржуазии его силы.

— Лишь одновременная и стойкая стачка десятков тысяч петербургских рабочих летом 1896 года принесла пролетариату некоторую победу! — убежденно говорил Бауман.

Орловские политические ссыльные присоединились к «Протесту» В. И. Ленина и постановили при первой же возможности сообщить о своем решении в Швейцарию для опубликования в нелегальной печати. Послано было сообщение и В. И. Ленину о признании ими его принципиальных позиций.

По воспоминаниям профессора Н. Н. Богданова, М. Г. Сущинская, сестра В. Г. Сущинского, служила в это время «связующим звеном» с орловскими ссыльными. Она приезжала повидаться с братом, когда В. Г. Сущинский «за строптивый нрав и возражения

начальству» был переведен из Нолинска в глухое село Кай Вятской губернии. М. Г. Сущинская, как и другие казанские друзья сосланных, стала информатором и поставщиком литературы для «вятичей». Через нее «вятичи» (в том числе и орловская колония) держали связь с Казанью, Петербургом и Сибирью.

Николай Эрнестович в ссылке много читал. Он прочел ряд работ по истории хозяйства России, по истории рабочего движения на Западе, и в частности книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Беседы и споры с товарищами на политические и экономические темы все чаще наталкивали мысли Баумана на то, что лучшие годы его жизни, вся молодость, могут пройти бесплодно для революции, в глухой ссылке. Он стремился к революционной борьбе; чувствуя себя достаточно подготовленным для нее, Николай Эрнестович решил бежать из ссылки. Но бежать надо не в Петербург, где его могут выследить и арестовать, а за границу, где собирались бойцы рабочей социал-демократической партии. В то время таким штабом социал-демократии была Швейцария.

Все лето и начало осени 1899 года Николай Эрнестович провел в приготовлениях к побегу. Он внимательно изучил несколько маршрутов. Один из них проходил через Казань: Бауману очень хотелось повидаться с родителями.

Но лучше всего, переодевшись простым рабочим, пробраться лесными дорогами до низовьев Вятки, затем по Волге — до Самары, а оттуда двинуться по железной дороге к границе и попытаться перейти ее где-нибудь в Польше или Румынии.

План побега был полностью разработан. В это время, пользуясь каникулами, Николая Эрнестовича навестила его сестра Эльза.

Радостной была встреча брата и сестры. Николай Эрнестович познакомил ее с колонией политических ссыльных, и молодежь дружески встретила гостью. Эльза пробыла в Орлове несколько недель. Быстро пролетели эти дни. Бауман то затевал поездки на лодках, то отправлялся с сестрой и друзьями в окрест-

ные леса, то устраивал вечеринки с хоровым пением и мелодекламацией к немалой тревоге полицейских, наблюдавших за «ссыльными политиками».

Эльза подробно рассказывала брату о семейных делах, о том, что отец страдает сердечными припадками.

Рассказывая как-то Эльзе о жизни и обычаях местных жителей, он предложил ей посмотреть на «шумиху».

— Тебя не испугает длительная прогулка? — спросил он сестру.

Получив согласие Эльзы на любое пешеходное путешествие, он отправился с ней в село Камешницкое, расположенное от Орлова верстах в двадцати. Здесь находилась большая водяная мельница, называемая по-местному «шумихой». К шумихе отовсюду собирался по большим праздникам народ в надежде... вылечить глаза. Русские, удмурты, мордва, чуваши приходили к этой мельнице за десятки верст с наивной верой излечиться от широко распространенной в местных деревнях трахомы. Набирая в берестяные туески и в медные, позеленевшие от времени ковши текущую из-под мельничных колес «живую воду», больные пили ее, промывали глаза. Десятки стареньких картузов и выцветших платков плавали близ плотины, — мужики и бабы бросали их в реку, желая получить также облегчение и от... ломоты в ногах. Сидевшие в сторонке под навесом знахари уверяли, что если картуз попадет под колеса мельницы, «ломоту как рукой снимет: мельница всю боль перемелет»...

Возвращаясь с шумихи, Эльза и Бауман шли не торопясь, вспоминая картины ушедшего детства и ранней юности, саратовские поля, вечеринки в Новых Бурасах, и с увлечением повторяли стихи Пушкина:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье!..

Эльза поделилась с братом своим горячим желанием по окончании фельдшерской школы продолжать ученье на высших женских курсах в Петербурге. Бау-

ман одобрительно отнесся к этому и сказал: «Человек лишь тогда может считаться человеком, когда он наметил себе хорошо продуманный путь, когда у него сложились твердые намерения».

Николай Эрнестович говорил с сестрой о своих убеждениях, о том, что счастье человека в «равновесии духа, т. е. в неуклонном следовании по раз и навсегда им избранному пути». О своем будущем он говорил уклончиво, намеками. Он высказал мысль о том, что «нельзя проводить свою молодость вдали от любимого дела и товарищей». Эльза поняла, что брат, повидимому, не собирается оставаться в Орлове до конца ссылки.

Лето кончилось, наступала северная осень... Вскоре Эльза уехала. Бауман написал родителям большое письмо, прося Эрнеста Андреевича «не отягощать свою старость горестными думами, что бы ни случилось с вашим непоседливым сыном...»

Впоследствии в Киевском крепостном замке в беседе с друзьями Бауман вспоминал, что во время ссылки вдруг, как луч света, вплывали два-три радостных эпизода, «без которых и жизнь была бы не жизнь».

Таким радостным эпизодом был приезд Эльзы.

Недолго оставался Бауман после этого в Орлове.

15 октября полицейский, на обязанности которого было ежедневно доносить начальству о «наличии всех политиков», явился к исправнику с озадаченным видом: Бауман исчез, а на берегу Вятки найдены его пальто и сапоги.

В доме, где жил Николай Эрнестович, был произведен самый тщательный обыск, но никаких указаний на то, куда скрылся политический ссыльный, полицейские не обнаружили. Исправник переписал и перенумеровал книги и бумаги Баумана, отметив, что «литературы явно предосудительного содержания не обнаружено». Никаких писем разыскать не удалось, хотя обыск не ограничили комнатой: искали и в сарае, и в беседке, и даже на чердаке.

Внимание полицейских привлекла картина, лежавшая среди книг на столе Баумана. Исправник долго ее

рассматривал и, многозначительно заметив: «Аллегория!» — составил на нее особую опись.

На картине была изображена кузница, в которой работала молодежь. У наковальни стоял крепкий, сильный кузнец с молотом в руке. В широко открытую дверь кузницы была видна ярко разгорающаяся заря.

Закончив обыск, исправник немедленно сообщил о побеге Баумана вятскому губернатору, а тот, в свою очередь, отправил донесение в департамент полиции: «состоящий в городе Орлове под гласным надзором полиции ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман 15 сего октября из места жительства неизвестно куда скрылся». При этом отношении губернатор счел необходимым выслать в департамент полиции и аллегорическую картину, «найденную в квартире названного лица при описи оставшегося его имущества».

Такое же сообщение вятский губернатор послал московскому обер-полицмейстеру, прося его «сделать распоряжение о розыске названного Баумана в г. Москве и, в случае розыска, выслать его в г. Орлов Вятской губернии в распоряжение местного уездного исправника».

Департамент полиции, получив донесение вятского губернатора, составил «справку о революционной деятельности Баумана», подробно описав его приметы: «рост 2 арш. 6 3/4 вершка, телосложение хорошее, белокурый, борода слегка рыжеватая, глаза серые, размер их в 3 сантиметра, нос с небольшим горбом, размер его 6 1/2 сантиметра, на переносье рубец, лицо овальное, цвет кожи белый с легким румянцем, тембр голоса — баритон, походка скорая, слегка развалистая...»

Департамент предлагал чинам полиции всех губерний и уездов «арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора, уведомив о сем департамент полиции», и при этом подчеркивал: «Обратить особое внимание»[1].

Имя Баумана было внесено в список лиц, подлежащих розыску по всей России. Но как ни старались

---

[1] ЦГИАМ, фонд департамента полиции, особый отдел, 1904 г., дело № 813, л. 10.

местные губернаторы, полицмейстеры и исправники обнаружить в пределах «вверенных им губерний и уездов» бежавшего ссыльного, в департамент пришлось послать лишь трафаретные ответы: «разыскать не удалось...», «разыскиваемого Н. Э. Баумана не обнаружено...»

...А в это время на одном из пароходов, уходивших из города Вятки в последний рейс, в третьем классе ехал молодой, скромно одетый пассажир. С виду он был похож на приказчика небогатого лесопромышленника. Высокие грубые сапоги, русская рубашка-косоворотка, байковый теплый пиджак как нельзя более подходили к его открытому, добродушному лицу, обрамленному небольшой бородкой.

Пассажир охотно разговаривал со своими спутниками, объясняя, что он приказчик лесосплавщика Веретенникова из Вятки и послан своим хозяином на пристань в Камское Устье, чтобы подыскать готовый к весеннему сплаву лес.

— Я уж не первый раз плыву по этой дорожке, хозяин мой склады пиленого леса и бревен держит и в Чистополе и в Камском Устье, — рассказывал «приказчик» степенному купцу из староверов, погрузившему на пароход партию выделанных кож.

Когда позволяла погода, молодой пассажир поднимался на палубу и осторожно рассматривал карту маленького путеводителя, который он захватил с собой.

Бауман решил добраться до Москвы кружным путем, по Вятке и Волге. Ехать из Орлова в город Вятку было опасно, — ведь сообщение о его бегстве орловский исправник пошлет прежде всего вятскому губернатору. Поэтому Николай Эрнестович наметил свой путь по рекам, справедливо полагая, что вряд ли телеграммы о его розыске будут направлены на мелкие пристани.

Трое суток Бауман плыл на юг, к устью Вятки. Несмотря на позднюю осень, на летавшие по временам снежинки — предвестники скорой зимы, — в полдень солнце, как бы прощаясь с нахмурившейся, свинцовой рекой, озаряло ее яркими лучами. Николай Эрнестович не мог оторвать взгляда от украшенных

багряно-золотыми листьями перелесков и рощ, открывавшихся перед ним с палубы парохода. Особенно красивы были высокие Жерновые горы, покрытые вековыми лесами.

Наконец пароход добрался до пристани Горки, в устье реки Шошмы, которая сливалась здесь с Вяткой.

«Как еще далеко... — думал Николай Эрнестович. — Нолинск... Малмыж... а там уж рукой подать и до впадения Вятки в Каму... потом по Каме до Волги...»

Он рассчитывал, добравшись до Волги, направиться в Нижний Новгород, а оттуда на поезде в Москву. В Москве у него были знакомые по Казанскому ветеринарному институту. С их помощью Николай Эрнестович надеялся переправиться за границу. В Казань нельзя было заезжать: в первую очередь полиция будет разыскивать его на родине, у родителей и знакомых.

Бауману повезло: пересев в устье Вятки на полугрузовой пароход, он вскоре оказался в Нижнем Новгороде. Еще через сутки он был уже в Москве и, заручившись у одного земляка-врача явкой, направился к границе.

VIII. УЧЕНИК В. И. ЛЕНИНА

В начале девятисотых годов в Швейцарии, предоставлявшей политическим эмигрантам право убежища, находилось немало русских социал-демократов.

Летом 1900 года В. И. Ленин по окончании ссылки также поехал в Швейцарию. До отъезда за границу он побывал в Уфе, Москве и Пскове, где обсудил со Стопани, Лепешинским, Радченко и другими план создания за границей революционной, марксистской газеты, которая должна была стать могучим оружием в борьбе с царизмом и объединить все марксистские подпольные кружки.

Идея объединения рабочих и издания боевой общерусской политической газеты была крайне своевременной. В послесъездовский период (1898—1899 годы) идейный разброд и организационная распыленность партии усилились. Не было программы и устава партии, а избранный на I съезде Центральный Комитет был арестован.

В этих условиях В. И. Ленин и выдвинул свой гениальный план создания партии и партийной газеты, объединяющей все местные социал-демократические организации в одну партию.

В. И. Ленин писал, что «газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

В статье «С чего начать?» он предложил создать сеть агентов газеты — коллективного организатора.

«Эта сеть агентов, — писал В. И. Ленин, — будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу...»[1]

Полиция, узнав об энергичной деятельности Ленина, немедленно организовала слежку за ним. Начальник московского охранного отделения Зубатов доносил департаменту полиции: «...приехал известный в литературе (под псевдонимом «Ильин») представитель марксизма Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири...». Зубатов сообщал, что В. И. Ульянов, А. И. Елизарова (сестра В. И. Ленина), ее муж М. Т. Елизаров и М. И. Ульянова находятся под «неослабным надзором полиции», так как между социал-демократами Москвы, Орла, Екатеринослава ведутся оживленные сношения. Зубатов понимал роль Ленина в революционном движении, он писал в департамент полиции, что «крупнее Ульянова в революции сейчас никого нет», и предлагал чудовищный план убийства В. И. Ленина.

Приезд в Швейцарию В. И. Ленина был событием исключительного значения для всех членов «Союза русских социал-демократов за границей». К Ленину и письменно и лично стали обращаться за советами и указаниями. Об этом периоде работы основателя «Искры» Ем. Ярославский пишет:

«К Ленину приезжали за границу товарищи из разных городов посоветоваться, как им поступить в том или ином случае, как им лучше вести работу, как вести борьбу с оппортунизмом. Ленин всех охотно принимал и внимательно выслушивал. Ленин умел исключительно внимательно слушать своих собеседников, умел узнать все, что делается в России. Иной товарищ неразговорчивый, не умеет толком слово сказать, но Ленин его заставит разговориться, разными наво-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 11.

дящими вопросами узнает все, что необходимо, условится о дальнейшей работе»[1].

Бауман приехал в Швейцарию немного раньше В. И. Ленина. Ему удалось перейти границу и через Австрию и Германию уехать в Женеву. Николай Эрнестович ознакомился с состоянием революционной работы швейцарской колонии русских политических эмигрантов, находившихся в Женеве, и примкнул к возглавляемой Г. В. Плехановым группе «Освобождение труда».

Вскоре в Швейцарию приехал и бежавший из ссылки В. Г. Сущинский. Через свою сестру М. Г. Сущинскую он все время поддерживал связь со своим другом, посылая Бауману письма в адрес одного из русских политических эмигрантов, живших в Женеве. Как только Сущинский появился в Швейцарии, он разыскал Баумана и включился в революционную работу.

Бауман познакомился с Лениным летом 1900 года в Женеве и сразу же стал помогать В. И. Ленину в подготовке издания «Искры». Он поехал с Владимиром Ильичем в Германию — в Нюрнберг и Мюнхен — для подыскания типографии. В Мюнхене поступил наборщиком в типографию, где должна была печататься «Искра», и поддерживал по поручению В. И. Ленина связь с социал-демократами транспортерами, переправлявшими «Искру» и другие подпольные издания в Россию.

Молодежь (большей частью студенческая), находившаяся под влиянием социал-демократов, охотно бралась за доставку по условным адресам в Россию подпольных изданий, изощряясь в остроумных способах перевозки их в чемоданах с двойными стенками и дном, в коробках для модных в то время громадных дамских шляп и т. п. Искровским агентам все время приходилось заботиться о том, чтобы как можно больше переправить запрещенной литературы в Россию. Поэтому В. И. Ленин старался организовать перепечатку материалов «Искры» в России. Огромную помощь Владимиру Ильичу оказал Иосиф Виссарионович

---

[1] Ем. Ярославский. Биография Ленина. М., 1940, стр. 41.

Сталин, руководитель большевиков Закавказья. В бакинской подпольной типографии была налажена перепечатка «Искры».

В. И. Ленин вел систематическую переписку с закавказскими искровцами.

В мае 1901 года В. И. Ленин писал в Астрахань товарищам, тесно связанным с бакинскими социал-демократами:

«Каким образом думаете Вы поставить Искру в России? В тайной типографии или в легальной? Если последнее, то напишите немедленно, имеете-ли определенные виды: мы готовы бы обеими руками ухватиться за этот план (возможный, как нас уверяли, на Кавказе) и средств он потребовал бы не много» [1].

Летом 1901 года вопрос транспортировки «Искры» приобрел особо важное значение. «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это», — писал Ленин местным организациям «Искры».

Владимир Ильич считал Баумана одним из самых активных и аккуратных агентов «Искры» и давал ему особо ответственные поручения, связанные с перевозкой искровской литературы.

26 июня 1901 года Ленин пишет Бауману из Мюнхена:

«Итак, вот какое предложение мы Вам делаем: поезжайте тотчас на место, съездите с одним из Ваших паспортов к Николаю [2] в Мемель, узнайте от него все, затем перейдите границу по Grenzkarte [3] или с контрабандистом, возьмите лежащую по сю сторону (т. е. в России) лит[ерату]ру и доставьте ее повсюду. Очевидно, что для успеха дела *необходим* на помощь Николаю и для контроля за ним еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятый приемом лит[ерату]ры на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву... Вы для этого были бы удобны, ибо

---

[1] «Ленинский сборник» VIII, стр. 146.

[2] Э. Х. Роллау; в переписке редакции «Искры» с ее агентами подпольная кличка Роллау была «Х» или «Николай».

[3] Пропуск для перехода границы (пограничная карта).

Дороге родители, братья
и сестра!
Тяжело писать. Не знаю как
начинать. Невеселую новость
узнаете съ этимъ письмомъ.
Съ 21-го марта я арестованъ и
сижу въ одиночномъ заключеніи
въ Петропавловской крѣпости.
Въ чемъ меня обвиняютъ не знаю
еще до сихъ поръ. Допроса не бы-
ло. Если же даже скоро узнаю
обстоятельство дѣла, то и тог-
да едвали съумью васъ увѣ-
домить объ этомъ. Здѣшняя
цензура, кажется, не допускаетъ
касаться въ письмахъ подоб-
ныхъ вопросовъ. Завтра будетъ
двѣ недѣли моего заключенія,

Письмо Н. Э. Баумана родным из Петропавловской крепости.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

№ 1 [illegible] № 1

Первая страница первого номера «Искры».

(1) были уже раз у Николая и (2) имеете два паспорта. Дело трудное и серьезное, требующее перемены местожительства, но за то дело самое важное для нас» [1].

Бауман не раз выполнял подобного рода поручения Ленина. Он организовал «транспортное бюро» — так искровцы называли пункты по пересылке искровских изданий через границу, находившиеся на западной и на северной границах России (в Польше и Финляндии). Работа эта требовала большой энергии, опыта и хладнокровия. Опасность подстерегала агентов ленинской «Искры» на каждом шагу. Были случаи крупных неудач. Первый транспорт «Искры» полностью провалился. Но Бауман не терял веры в свое трудное дело: он налаживал связи с контрабандистами, использовал для перевозки «Искры» поездки служащих и учащихся, подбирал людей для организации конспиративных явок, адреса для корреспонденции из России.

Бауман прекрасно справлялся и с другой важной задачей — распространением «Искры» в рабочих организациях Пскова, Смоленска и других городов.

Николай Эрнестович неоднократно бывал в пограничных русских городах.

Общительность, умение быстро войти в доверие людей, с которыми ему приходилось иметь дело в полной неожиданностей и опасностей работе агента «Искры», крепкая поддержка друзей, группировавшихся вокруг редакции «Искры», обеспечивали успех деятельности Баумана.

* * *

На одном из собраний революционной молодежи в Женеве, на котором обсуждался вопрос об организации концерта в пользу студентов-эмигрантов, Николай Эрнестович познакомился с Капитолиной Поликарповной Медведевой. Это была высокая красивая женщина, энергичная и деятельная, активно участвовавшая в революционной работе колонии женевских социал-демократов (подпольные клички ее «Надя» и

---

[1] «Ленинский сборник» VIII, стр. 164—165.

«Ирина»). Николай Эрнестович нашел в Капитолине Сергеевне верного товарища и друга и в середине 1901 года женился на ней. После женитьбы Бауман с женой и В. Г. Сущинским отправились в путешествие по живописным и достопримечательным уголкам Швейцарии.

— Мы поедем, — сказал Бауман в начале путешествия, — не как богатые иностранцы-туристы, осматривающие по путеводителю красивые места, а по-студенчески, как вот мы с Сущинским у себя на родине ездили в село Ромодан, заглянем и в пастушью хижину и в избушку лесоруба.

Первым делом они решили отдать дань Юнгфрау.

Путешественники отправились по железной дороге в долину Лаутенбруннер и оттуда стали подыматься по горным тропинкам. По дороге они остановились у знаменитого водопада Штауббах (Штауббах означает «пыльный ручей»), который низвергается с высоты трехсот метров. Мельчайшие капли под лучами солнца переливались всеми цветами радуги. Водяная пыль, как легкое покрывало, колыхалась на ближних скалах, меняя при дуновении ветерка свои очертания и цвет...

Сопровождавший путешественников проводник рассказал им старинную легенду о том, что много тысяч лет назад это сверкающее на солнце изменчивое покрывало из водяной пыли совсем скрывало от человеческих глаз вершину горы, но злой бог ветров, поссорившись с ледяной красавицей Юнгфрау, сорвал с нее покрывало и набросил его на обрывистые лесистые скалы близ водопада.

Отсюда путники поднялись в вагоне подвесной дороги в Мюррен. Перед ними открылся вид на снежные вершины Юнгфрау, освещенные закатом.

Николай Эрнестович, тонко чувствовавший природу, послал родителям в Казань открытку с видом Юнгфрау:

«Дорогие! Сижу сейчас перед Юнгфрау на высоте 1 500 метров. От меня — рукой подать до величавой снежной вершины. Ваш Коля.

Поднимался сюда чуть ли не по отвесной горе в особом вагончике» [1].

Отдохнув в Мюррене и полюбовавшись на Юнгфрау, друзья решили продолжить свое путешествие пешком. Их интересовало все: и природа Швейцарии, поражавшая красивыми видами гор, водопадов и озер, и быт, и условия труда пастухов и лесорубов.

Они без проводника спустились в небольшую долину, где виднелась одинокая хижина пастуха. В таких избушках пастухи проводят три-четыре месяца, когда скот пасется поблизости, на альпийских пастбищах.

Бедно и неприютно в пастушьей хижине. Крошечные окошки почти не пропускают света. Грубо сколоченные скамьи и несколько табуреток составляют всю обстановку этого жилища. В большом медном котле над очагом варится сыр. Сизый дым вьется у притолоки почти всегда открытой двери. На стене висят широкие плоские деревянные ложки. Пастух трудится от зари до зари: вместе со своим подпаском-подростком он доит коров, заготовляет дрова для очага, варит сыр и в то же время беспрестанно наблюдает за коровами и овцами, пасущимися на горных лугах.

В горах темнеет быстро, и путешественникам пришлось заночевать в пастушьей хижине. Почти до полуночи дымился очаг посреди избушки, в сенях лежали коровы, прижавшись друг к другу. Откуда-то издали доносились словно заглушенные орудийные залпы — в горах бушевала гроза... Хозяин хижины покуривал коротенькую трубку-носогрейку, неторопливо рассказывал о своем житье-бытье. Перед Николаем Эрнестовичем и его друзьями вставали картины не нарядной Швейцарии — «страны гор и туристов», а трудовой жизни ее коренных обитателей — крестьян и пастухов.

— Гроза, наверно, пройдет на этот раз стороной,— говорил пастух, прислушиваясь к постепенно удалявшимся раскатам грома. — Она не страшна, если скот во-время пригнан к хижине и укрыт в сенях. Но горе,

---

[1] Хранится в фондах Музея Революции.

если она нагрянет внезапно. В прошлом году немало скота погибло в самый разгар лета, когда совершенно неожиданно в ясный, погожий полдень разразилась гроза. Град величиной с голубиное яйцо пробивал черепичные крыши хижин, убивал коз и ягнят... Горные ручьи превратились в глубокие реки, и немало скота было унесено бушующими потоками...

Наутро путники отправились по крутой тропинке вниз, в долину, где, точно стайка птиц, приютилась у подножья скал небольшая деревушка. Освеженный ночной грозой воздух был чист и свеж. Звонко и мелодично разносились звуки рожков, на которых пастухи исполняли «иодли» — народные мелодии. Своеобразно звучали разнотонные колокольчики из красной меди, привешенные к ошейникам коров и коз. Пастухи по перезвону колокольчиков разыскивали отбившихся от стада животных.

В долину путешественники спустились к вечеру. Неподалеку от селения им повстречалась печальная процессия: несколько лесорубов несли из грубо сколоченных жердей носилки, на которых лежал укрытый с головой человек.

Бауман снял шляпу и отошел к самому краю обрыва, чтобы пропустить их.

— Убило деревом, — угрюмо объяснил шедший сзади лесоруб на безмолвный вопрос Николая Эрнестовича.

Путники несколько минут стояли, провожая взглядом погибшего. Лесорубы вскоре скрылись за поворотом горной тропы.

Бауман, его жена и Сущинский молча двинулись дальше, прислушиваясь к глухим ударам топора: высоко в горах, с опасностью для жизни, лесорубы валили могучие сосны. По контракту с купцами-лесопромышленниками они должны были не только срубить вековые деревья, но и доставить их в долину. И этот тяжелый, опасный труд лесорубов оплачивался так же плохо, как и труд пастухов.

Два дня провели Бауман и его спутники в небольшой швейцарской деревне, расположенной в узкой, сдавленной горами долине.

Вдали искрились горные озера. В полдень они казались совсем бирюзовыми, — трудно было отличить высокое голубое небо от таких же голубых волн озер. Как резко контрастировала чудесная, сверкающая природа с жизнью людей, населявших эти горы и долины...

Бауман и его друзья нашли приют в маленькой швейцарской хижине, которая, казалось, каким-то чудом держалась на краю глубокой пропасти. Далеко внизу вилась тропинка, виднелись красные черепичные крыши маленьких домиков, синели покрытые столетними соснами горные кряжи... Деревня славилась своими необычайной мягкости и легкости пуховыми платками, изящными кружевами — изделиями местных крестьянок. Богатые туристы — американцы и англичане — нередко заглядывали в эту уединенную горную деревушку, чтобы купить здесь «сувениры».

Жена Баумана, хорошо говорившая по-французски, долго беседовала с дочерьми крестьянина, у которого остановились путники. И снова перед Бауманом и его друзьями открылась суровая правда жизни. Всю зиму при тусклом свете лампы девушки-кружевницы, искусством которых восхищаются туристы, сидят за плетеньем кружев по двенадцать-четырнадцать часов в день. Работать они начинают с восьми-десятилетнего возраста, но своим нелегким трудом могут заниматься сравнительно недолго: через десять-пятнадцать лет напряженной работы многие из них теряют зрение.

Вечером путники сидели на каменной скамеечке у хижины своего хозяина. Внизу голубело озеро. Разговор зашел о родине, о далеких волжских просторах, о саратовских полях и лесах: в путешествии всегда невольно сравниваешь только что виденное с запечатлевшимися в памяти картинами родной природы. Николай Эрнестович вспомнил, как в непроглядной пыли до изнеможения трудятся на Алафузовском заводе такие же молодые девушки... И Сущинскому запомнились слова Баумана:

— Здесь хорошо, что и говорить... вот и рыбачьи лодки, словно чайки с распущенными крыльями в би-

рюзовой воде... А все-таки у нас на Волге или на Кабан-озере тоже хорошо. Помнишь, Володя, рыбалки с рабочими... первомайскую демонстрацию?..

После небольшого раздумья Николай Эрнестович произнес:

— Вот и кончилось наше путешествие. — И, обращаясь к жене, добавил: — Немало еще придется потрудиться, чтобы наши саратовские поля, и вятские леса, и здешние горы, и чудесные луга перешли в руки тех, кто действительно достоин на них жить и свободно работать!

* * *

Вскоре Николай Эрнестович превратился в представителя крупной немецкой фирмы, торгующей в России изделиями металлургических заводов Золингена, Нюрнберга и других городов. Никто не узнал бы в солидном, несколько медлительном коммивояжере, речь которого изобиловала техническими терминами, «Макара Ивановича», так хорошо знакомого петербургским рабочим. У Баумана теперь были новые подпольные клички: «Грач», «Аким», «Дерево». Десятки писем самого безобидного содержания отправлял он из Женевы, Цюриха, Штутгарта, Нюрнберга в Москву, Одессу, Киев, Полтаву, Харьков, Казань. Он спрашивал, как подвигается леченье в Швейцарии больного туберкулезом родственника, каковы цены на швейные машины фирмы «Зингер» и как их можно приобрести в рассрочку.

В ответ из многих городов России присылались в адрес берлинского издательства Дитца или в Женеву, в адрес одного из французских врачей, сочувствовавших революционному движению, многочисленные письма с такими же безобидными новостями о видах на урожай в Смоленской или Казанской губернии, о погоде, с запросами о модных фасонах демисезонных пальто и т. д.

В деле о Баумане, заведенном особым отделом департамента полиции и хранящемся теперь в Центральном государственном историческом архиве в Москве, есть несколько таких писем, задержанных секретной

царской цензурой, с надписью: «Для выяснения подлинного получателя». Страницы этих писем перечеркнуты широкой полосой — особым, выявляющим секретный текст составом. Если бы в письме были между строк вписаны лимонным соком или употреблявшимися в то время «симпатическими чернилами» какие-либо конспиративные сообщения, то при обработке письма таким составом была бы обнаружена нелегальная переписка. Однако к тайнописи в то время прибегали редко, и жандармам не удавалось выловить в письмах секретные сообщения.

Редакция «Искры» вела переписку со своими рабочими — корреспондентами и агентами «Искры» шифрованным способом.

П. Н. Лепешинский, один из агентов «Искры» в Пскове, вспоминает, что у Н. К. Крупской было много конспиративных адресов в Женеве, Нюрнберге, Брюсселе, Штутгарте, Цюрихе и т. д. «Все мы были связаны с нею своими особыми условленными шифрами...

В «почтовом ящике» «Искры» каждый из нас мог получить весточку. Например, «2а 3б. Ваше письмо от такого-то числа получено», — это значит, что отправленное мною послание дошло благополучно. Отсутствие такой весточки заставляло насторожиться и менять на всякий случай адрес посылаемой корреспонденции...

Трудное и кропотливое было это дело — писать зашифрованные корреспонденции...»[1]

Бауман в своей переписке строго держался системы двойного шифра: по «ключу», то-есть по порядку букв какого-либо отрывка из стихотворения, заранее известного адресату, писался подготовительный текст, а затем по второму ключу — отрывку из другого рассказа или стихотворения, тщательно заученного адресатом, — составлялся уже настоящий текст конспиративного сообщения. Поэтому жандармы, обнаружив в письме в Одессу на имя фельдшерицы Юлии Рукиной загадочные цифры $\frac{7}{16}, \frac{5}{9}, \frac{4}{11}; \frac{0}{20}, \frac{57}{6}$, вы-

[1] П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 134.

нуждены были после бесплодных попыток расшифровать их сообщить в объяснительной записке по делу о Н. Э. Баумане, что «текст подвергается дальнейшему изучению, а в настоящее время восстановить его истинное значение не представляется возможным» [1].

Охранное отделение и жандармы отмечали: «при наблюдении за шифрованной перепиской членов организации «Искры» было обращено внимание, что корреспонденты особой конспирацией обставляют деятельность двух наиболее серьезных лиц, которых называли лишь кличками «Аким» и «Грач» [2].

Некоторые корреспонденции, в которых упоминалось о деятельности Баумана, департаменту полиции все же удалось расшифровать. Так, из Мюнхена в Одессу в адрес К. И. Захаровой 1 ноября 1900 года пришло письмо следующего содержания:

«...Вам пришлют 80 руб. из Берлина. Эти деньги прислал туда Грач (на полях пометка чиновника департамента полиции: «Николай Бауман». — *М. Н.)*, чтобы послать туда человека; на обратную дорогу, пишет, деньги будут. Вот мы и решили послать эти деньги Вам; пошли немедленно человека с 7 и 8 (2—3) журнала» [3].

Сохранилось в делах департамента полиции и расшифрованное письмо, отправленное 7 ноября 1901 года из Одессы в Мюнхен, в адрес Дитриха:

«...К Грачу (пометка на полях чиновника департамента полиции: «Бауман». — *М. Н.*) еще не отправлено, но через 3 дня обязательно будет» [4].

Вскоре Николаю Эрнестовичу пришлось прервать свою плодотворную и неутомимую деятельность заграничного агента ленинской «Искры».

---

[1] ЦГИАМ, фонд 102, опись 140, 1902 г., 7-е делопроизводство, дело № 128, т. 2, л. 55.

[2] «Николай Эрнестович Бауман». Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1937, стр. 49—50.

[3] ЦГИАМ, фонд департамента полиции, особый отдел, 1901 г., дело № 825, ч. I, л. 9.

[4] Там же, л. 50.

* * *

Осенью 1901 года редакция ленинской «Искры» начала получать все более тревожные вести о деятельности в Москве «рабочих обществ», организуемых по инициативе начальника Московского охранного отделения Зубатова. Таким образом охранка пыталась заманить в свои сети рабочих, разъединить, натравить одну часть пролетариата на другую, противопоставить революционному движению рабочих «мирное движение» под сенью... охранного отделения. Зубатов в своих длительных беседах с арестованными по политическим делам рабочими увещевал их не «портить до конца свою жизнь», не итти вместе с революционерами, а «тихо и мирно ходатайствовать перед батюшкой-царем» и его ставленниками — сановниками об улучшении материального положения, о прибавке за сдельные работы.

Он вел себя «либерально»: ласково разговаривал с арестованными, посылал им в тюрьму улучшенную пищу и даже вызывал к себе на квартиру и угощал чаем...

Конечно, сознательная часть рабочих поняла истинные цели полицейских провокаторов.

В работе «Что делать?» Ленин предопределил неизбежный провал зубатовских организаций. Он писал, что легализация рабочего движения, попытка поставить это движение под контроль полицейско-предпринимательских организаций неизбежно вызовет привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам. Это предвидение Ленина оправдалось: через несколько лет (в 1903—1904 годах) зубатовщина потерпела крах. Причиной крушения зубатовщины была возросшая сознательность рабочих, которую воспитала ленинская «Искра».

Однако в конце 1901 года зубатовские «рабочие общества» представляли серьезную опасность для революционного движения, и передовая часть русской социал-демократии вела непримиримую борьбу с зубатовщиной.

По поручению Ленина Николай Эрнестович в ноябре 1901 года начал готовиться к поездке в Россию для подпольной работы в Москве и Подмосковье. Он беседовал с социал-демократами, приезжавшими из Москвы и рассказывавшими о зубатовских кружках-ловушках, выяснял настроение рабочих масс в подмосковных текстильных районах. Вместе с Бауманом собирался в дорогу и В. Г. Сущинский, который должен был вести борьбу с зубатовскими «рабочими обществами» в Поволжье [1].

В декабре 1901 года Бауман выехал в Россию. Следившие за деятельностью политических эмигрантов царские шпионы не смогли во-время сообщить охранному отделению, под каким именем Бауман выехал в Москву. У Николая Эрнестовича было два «настоящих», то-есть принадлежавших живым людям, паспорта, прописанных в полиции. С одним из этих паспортов Н. Э. Бауман и поселился в Москве.

---

[1] В. Г. Сущинский, выехавший в конце 1901 года в Казань и поволжские города, был выслежен сыщиками. Его арестовали в Казани в начале 1902 года и выслали по этапу в село Кай Вятской губернии. Больше Бауману и Сущинскому уже не пришлось встретиться. При советской власти В. Г. Сущинский работал городским ветеринарным врачом в Пятигорске и умер в Ессентуках в 1941 году.

IX. АГЕНТ «ИСКРЫ»

Конец 1901 года был особенно трудным для московской организации социал-демократов. В марте этого года полиции удалось арестовать руководителей организации — М. И. Ульянову, М. Т. Елизарова и других. Московский комитет получил подкрепление в лице И. И. Степанова (Скворцова) и В. Л. Шанцера («Марата»), которые энергично взялись за восстановление утраченных связей и организацию новых явочных квартир. Деятельность нового комитета была прервана налетом полиции, которой удалось выследить Степанова и Шанцера. После их ареста у руководства Московского комитета социал-демократов оказались оппортунисты. Нужна была громадная энергия, настойчивость, воля к победе, чтобы разоблачить в глазах рабочих масс врагов ленинской «Искры», отстоять московскую организацию социал-демократов от покушений «экономистов» и в то же время вести упорную борьбу с зубатовщиной.

Московским социал-демократам на первых порах не хватало связей: частые провалы заставляли их быть крайне осторожными.

И все же Бауману удалось через несколько месяцев после своего приезда в Москву создать кружки на фабриках и заводах в Лефортове, Замоскворечье и Сокольниках. Кружки по условиям конспирации были небольшие, они состояли всего из трех-пяти человек. Работать приходилось в крайне трудных условиях. Не

было средств для организации хотя бы небольшой типографии, на разъезды по подмосковным городам. Бауман в своих отчетах редакции «Искры» нередко называл деньги «самым узким местом» и старался как можно экономнее расходовать партийные средства. Он аккуратно посылал Ленину подробные отчеты о своей работе и о необходимых расходах. Так, в письме Ленину от 30 мая 1901 года он перечисляет: «...почтовые и канцелярские — 1 р. 80 к.; ...железная дорога — 6 р. 50 к.; Богдану (Бабушкину. — *М. Н.*) — 30 р.; ему же на привоз «чая» от Паулины — 20 р. ...На мое содержание ушло из кассы 31 р. 64 к.»

Стремясь оживить работу подпольных рабочих организаций и укрепить их общение с ленинской «Искрой», Бауман одновременно связался и с лучшими представителями интеллигенции. Среди московской учащейся молодежи было немало людей, сочувствовавших революционному движению и активно поддерживавших его. Студенты Московского университета не раз выступали руководителями и организаторами демонстраций и протестов студенчества. Члены студенческих социал-демократических организаций оказывали большую помощь агентам «Искры», ведя агитационную работу среди рабочих Москвы и крестьян Подмосковья, помогая распространять искровские издания и подыскивать помещения для подпольных типографий.

Бауман организовал несколько явочных квартир, одной из которых была Старо-Екатерининская больница. Через знакомого врача он устраивал здесь встречи с подпольщиками. Другой явкой было «Русское страховое общество». Здесь нужно было спросить М. И. Стеллецкую и передать ей записку с просьбой о «рекомендации к Францу Францевичу». Никаких личных переговоров с самой Стеллецкой при этом вести не следовало. Часто в целях конспирации Бауману приходилось менять не только адреса и явки, но и свою наружность — прибегать к гриму.

Могучим оружием в борьбе с зубатовщиной была ленинская «Искра».

«Я наблюдал, я следил буквально с замиранием сердца, — вспоминал в разговоре с делегатами II съез-

да РСДРП в 1903 году Николай Эрнестович, — как падала, разрушалась, уничтожалась зубатовщина, срывалась эта мерзкая, липкая паутина после каждого полученного на московских фабриках и заводах номера «Искры».

Особенно большое значение имела статья «Искры» «Новые «друзья» русского пролетариата», в которой был показан подлый, шпионский путь Зубатова и его провокационные методы допросов и увещевания арестованных рабочих. Прочитав эту статью, рабочие убеждались в том, что под крылышком охранника и провокатора Зубатова борьба с предпринимателями невозможна.

Неуловимый «Грач» приносил искровскую литературу на рабочие подпольные собрания в различных районах Москвы. Но он не ограничивал свою деятельность чертой города и не раз выезжал в окрестные города для укрепления связей ленинской «Искры» с местными рабочими организациями.

Московская организация была тесно связана с «Северным рабочим союзом РСДРП» — объединением социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской, Костромской и Тверской губерний с центром в Иваново-Вознесенске.

В конспиративной переписке искровцев «Северный рабочий союз РСДРП» назывался «Семеном Семеновичем». Рабочие-текстильщики Иваново-Вознесенска, Владимира, Шуи сразу поняли громадное значение ленинского плана создания монолитной, тесно спаянной партии пролетариата. Бауман и его ближайший товарищ — агент ленинской «Искры» И. В. Бабушкин несколько раз приезжали в Иваново-Вознесенск и передавали «Союзу» полученную из-за границы искровскую литературу. В письмах в редакцию «Искры» Бауман отмечает огромный интерес у иваново-вознесенских рабочих к этой литературе.

31 августа 1901 года Николай Эрнестович писал Н. К. Крупской в редакцию «Искры»:

«С Семеном Семеновичем я, наконец, связался прочнее. У нас теперь будет живой обмен. Я ему доставил литературу и обещал в будущем это делать, так

как Семен Семенович дал способ, по которому мне легко им доставлять».

В другом письме Николай Эрнестович сообщает, что иваново-вознесенские рабочие просят редакцию «Искры» прислать материалы о рабочем движении в Иваново-Вознесенске, Костроме, Ярославле; «Основы социал-демократии (Эрфуртская программа)» К. Каутского, изданные в Женеве; «Сущность Конституции» и «Программу работников» Ф. Лассаля; «10-тилетие морозовской стачки», «Красное знамя в России», «Очерк истории русского рабочего движения» и брошюры, посвященные выступлению пролетариата в Петербурге в 1896 году.

«Если бы Вы могли удовлетворить подобные требования, — пишет Бауман редакции «Искры», — то Ваши представители имели бы здесь (среди рабочих, объединяемых «Северным рабочим союзом». — *М. Н.*) громадный и быстрый успех. На «Искру» смотрят (в Иваново-Вознесенске. — *М. Н.*) как на избавительницу от всех назревших нужд. Ведь почти нигде ничего не получается, а между тем «Искра» будит страшную потребность в нелегальщине»[1].

Одним из видных работников «Северного рабочего союза» был рабочий М. А. Багаев. Он установил через М. А. Сильвина (Таганского) связь с Бауманом. Сильвин приехал к Багаеву во Владимир и передал явку и пароль к Бауману в Москве, а также сообщил Багаеву, по каким адресам можно переписываться с редакцией «Искры». Подготовив во Владимире надежное место для хранения нелегальной литературы, Багаев поехал в Москву. Он явился в Старо-Екатерининскую больницу к фельдшерице Лосевой и попросил ее вызвать «Грача» для свидания с «Медведем». Лосева указала Багаеву место и время встречи с «Грачом».

Эта встреча состоялась в тот же вечер. В воспоминаниях Багаева сохранилась любопытная характеристика Баумана:

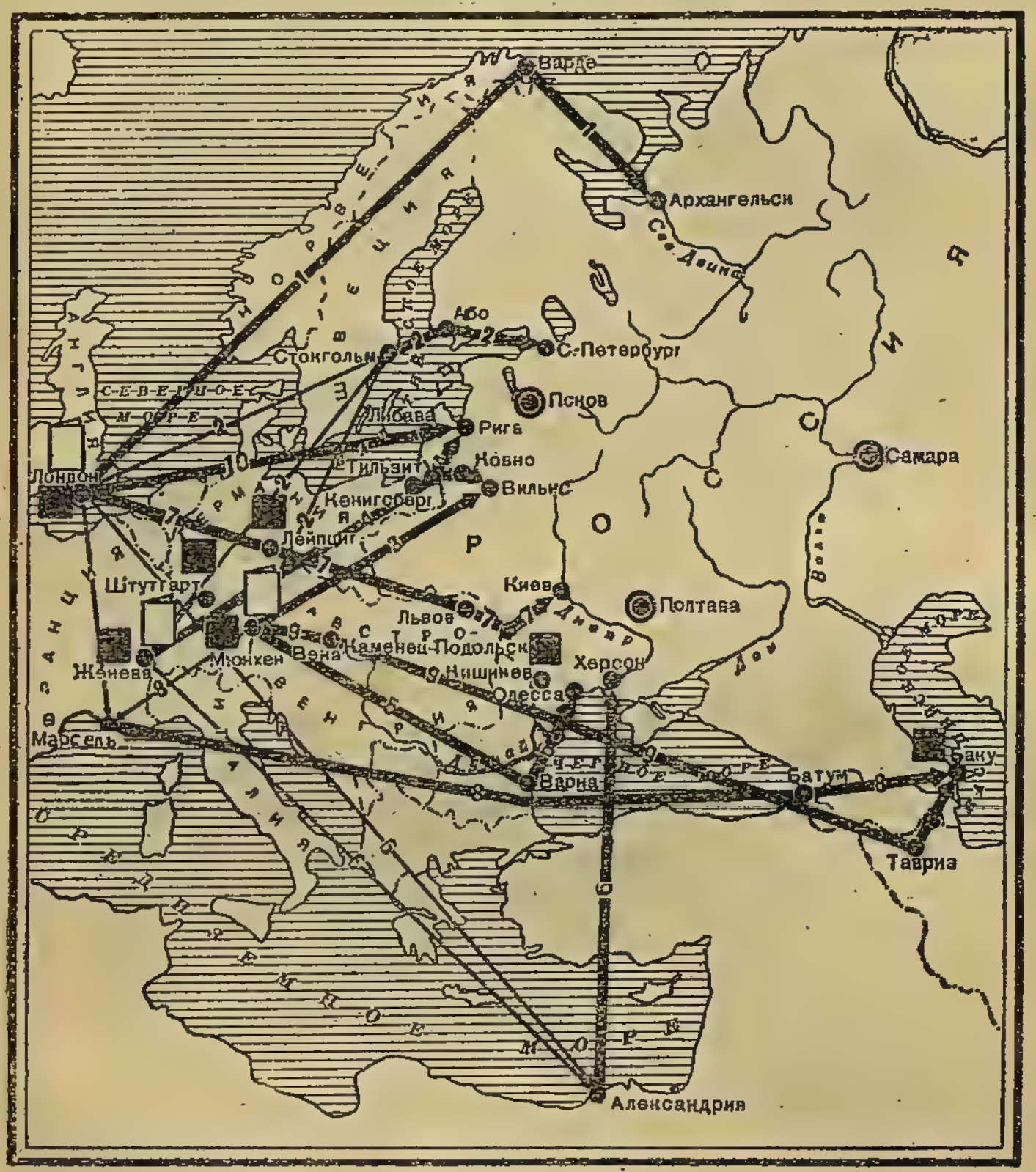
«Сначала Н. Э. Бауман мне не понравился своим

---

[1] Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 226.

ОРГАНИЗАЦИЯ „ИСКРЫ

(СХЕМА)



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Пути транспорта
- Трасса с нескольких пунктов отправления
- Города, через которые транспортировалась газета „Искра"
- Редакция „Искры"
- Типография „Искры"
- Бюро организации „Искры"

внешним щегольским видом. Я привык видеть революционеров небрежно одетыми, не заботящимися о своей внешности... Но, как только мы вступили в разговор, первое впечатление быстро рассеялось.

Бауман оказался товарищем, прекрасно осведомленным по всем партийным вопросам. Ему Сильвин, повидимому, дал обо мне хорошую аттестацию, и у нас сразу установились доверчивые товарищеские отношения»[1].

Бауман передал искровскую литературу Багаеву, а также И. В. Бабушкину в Орехово-Зуево, где был создан боевой штаб ленинской «Искры». Орехово-зуевские рабочие, руководимые Бабушкиным, первыми в России заявили в социал-демократической печати о том, что они признают ленинскую «Искру» единственным органом, полно и глубоко выражающим классовые интересы рабочих. Багаев обещал поддерживать постоянную связь и помогать «Искре» средствами, статьями и корреспонденциями.

Бауман не раз встречался с Бабушкиным в Покрове и Орехово-Зуеве.

По рассказам жены Бабушкина Прасковьи Никитичны, они были настоящими, испытанными в подпольной работе друзьями. Оба они начали свою революционную деятельность в петербургских подпольных рабочих кружках. Затем, став агентами «Искры», продолжали свою работу в Москве и в подмосковных районах, расширяя связи «Искры» с рабочими кругами.

* * *

Поезд приходил в Орехово-Зуево поздним вечером. Приезжих было немного — два приказчика «Морозовской мануфактуры», несколько торговцев скобяными товарами да осанистый священник, которого возле станции дожидалась пара откормленных, ленивых лошадей, запряженных в тележку. Одним из последних вышел из вагона белокурый молодой человек. По костюму в нем можно было сразу признать молодца

---

[1] М. Багаев. Моя жизнь. Иваново. 1949, стр. 141.

М. И. Ульянова.

А. И. Ульянова-Елизарова.

И. В. Бабушкин.

Дом № 69 по Нижне-Красносельской улице — подпольная типография большевиков, организованная Н. Э. Бауманом.

Дом № 18 по Михайловской (ныне Щербаковской) улице. в котором Н. Э. Бауман вел весной 1904 года подпольный рабочий кружок.

из мануфактурной лавки: суконный картуз с большим козырьком, сильно поношенная поддевка, высокие сапоги. Из-за голенища выглядывал складной деревянный аршин.

Молодой человек взвалил на плечо тяжелую корзину, плотно набитую, как видно, галантерейным товаром, из которой выглядывал кусочек какой-то яркой материи. Оглядевшись по сторонам, молодец вышел на вокзальную площадь, не торопясь прошел мимо прохаживавшегося под тускло светившим фонарем городового и скрылся в одном из маленьких и темных переулков. Шел он осторожно, останавливаясь через каждые двести-триста шагов и прислушиваясь. Поселок уже погрузился в сонное безмолвие. Лишь кое-где еще светились окна, да вдали виднелись огни «Морозовской мануфактуры». Подойдя к низенькому трехоконному домику, приютившемуся в узком и кривом переулке, приезжий три раза ударил деревянным аршином в дверь, а затем два раза постучал пальцем в окно.

— Кто там? Кого это носит так поздно? — раздался через несколько минут в сенях женский голос.

— От Ивана Ивановича, матушка, от него самого. Товару не угодно ли? — тихо ответил приезжий и снова постучал складным аршином в дверь четыре раза с равными перерывами. На крыльцо вышла, кутаясь в накинутый на плечи большой платок, невысокая молодая женщина.

— А-а, дорогой гость! — радушно произнесла она, вглядываясь в приезжего. — Давайте помогу внести, — наклонилась было она, но приезжий ловким и сильным движением подхватил свою корзину и внес в сени. На пороге уже стоял хозяин.

— Иван Сергеевич! А мы совсем заждались!.. — радостно говорил он, пожимая обе руки гостя и вводя его в маленькую, бедно обставленную комнатку.

— Задержался немного, задержался, — отвечал «Иван Сергеевич», — только что вернулся от Семена Семеновича!

— Удачно продал товар? Как там поживают наши друзья? — с большим интересом спросил хозяин.

— Удачно, цены высокие. Вот только товару мало-

вато, — ответил гость. — А у тебя, дружище, как дела идут? Коробейничаешь?

— Да, настоящим офеней-коробейником заделался, — усмехнулся хозяин. — Видишь, вон какой короб с галантерейным товаром на себе по селам таскаю, — указал он на стоявшую в углу объемистую корзину с двумя ручками и удобно прилаженной широкой лямкой для ношения через плечо.

— И тоже нарасхват берут?

— Еще как! В особенности первый и четвертый номера, — понизив голос и наклонившись к «Ивану Сергеевичу», произнес хозяин. — Приду этак к вечерку, когда фабричная толпа с дневной смены по домам расходится, остановлюсь у кого-нибудь из своих знакомых, и всю ночь напролет рассматриваем «галантерею»! Пешком обошел Дрезну, Ликино, даже в Покрове побывал. Раз повстречался мне в морозовском лесу урядник и спрашивает: «Чего по ночам шляешься? Паспорт есть? Что в коробе?» Я ему спокойно предъявил паспорт и показал, что в коробе: зеркальца, платки разноцветные, иголки, нитки, пуговицы... Он покрутил головой, порылся в коробе, а двойного дна, однако, не почуял и разрешил продолжать путь.

Пока хозяйка готовила чай, гость и хозяин — Иван Васильевич Бабушкин распределяли «товар».

— Вот здесь — двадцать пять экземпляров первого номера «Искры», — говорил «Иван Сергеевич», доставая с самого дна корзины аккуратно перевязанный тонкой бечевкой небольшой пакет, — это — для железнодорожников. А вот — текстильщикам, — вынул он другой сверток. — Здесь пятьдесят экземпляров брошюрки «К 10-тилетию морозовской стачки»!

— Вот это здорово. Они ее давно ждут, — сказал Бабушкин.

Часа через полтора, когда «Иван Сергеевич» и Бабушкин, наметив, кому и куда отнести этой же ночью привезенную Бауманом литературу, пили чай, в окно опять раздался условный стук и кто-то негромко запел:

Среди лесов дрему-учих
Разбойнички идут...

— Свой. Это, верно, Ваня Воронцов, — сказал Бабушкин и вышел в сени.

Вскоре он вернулся в комнату в сопровождении молодого рабочего.

— Познакомьтесь, товарищи. Это Иван Сергеевич, — произнес Бабушкин, указывая на Баумана.

— Рады будем послушать вас, Иван Сергеевич, — сказал Воронцов, пожимая руку Баумана и внимательно вглядываясь в лицо человека, о котором он уже немало слышал.

— Можно итти? Там, Ваня, все в порядке? — спросил Бабушкин.

— Да, я проверил. Можно итти, — подтвердил Воронцов.

— Пойдемте,— обратился Бабушкин к Бауману.— А ты, Паша, через полчасика отнеси, не забудь, ведерко квашеной капусты старику Евдокимычу.

Прасковья Никитична кивнула головой:

— Не забуду, не впервой. Он обрадуется капустке свежего засола.

— Да, капуста неплохая, — подтвердил «Иван Сергеевич», выходя с Бабушкиным и Воронцовым во двор.

Они пересекли пустырь и почти ощупью добрались до низенького, покосившегося забора, перелезли через него и очутились на железнодорожном пути. Станция была погружена в полумрак. «Кукушка» усердно посвистывала за водонапорной будкой.

Друзья поодиночке, стараясь держаться в тени, перебрались через полотно железной дороги и подошли к двухэтажному дому. Во дворе этого дома почти всегда останавливались возчики, перевозившие по московскому шоссе различные товары. На втором этаже этого дома у ткача Клементия Лапина Бабушкин устроил конспиративную квартиру.

У Лапина [1] собирался Орехово-Богородский коми-

---

[1] На стене этого дома (№ 16 по улице Лапина, г. Орехово-Зуево) установлена мемориальная доска, на которой написано: «Место революционных конспиративных собраний рабочих в 1901 году, которыми руководил революционер-большевик Иван Васильевич Бабушкин».

тет РСДРП, агенты «Искры» встречались здесь с рабочими-активистами. Проверив условные знаки — кирпич на скамеечке за два дома до конспиративной квартиры и пометка мелом на дереве, которое росло напротив дома, — Бабушкин, Бауман и Воронцов поднялись по крутой деревянной лестнице. В небольшой комнате Лапина уже собрались члены подпольного кружка — красковары, мюльщики, ткачи. С некоторыми из них Бауман уже познакомился во время своих предыдущих приездов к Бабушкину; рядом с Лапиным сидели Федор Скворцов, Андрей Воробьев, Сергей Сельдяков. В углу что-то чуть слышно наигрывал на гармонии Иван Ерошин.

Рабочие обступили Баумана:

— Здравствуй, Иван Сергеевич! Давно что-то ты к нам не заглядывал! Какая погодка-то в Москве белокаменной?

Бауман пожимал протянутые ему со всех сторон руки с въевшейся в кожу краской, вглядывался в лица товарищей и отвечал со своей обычной теплотой и жизнерадостностью:

— Спасибо, друзья мои, большое спасибо! И я здоров, и все наши друзья в Москве на погоду не жалуются!

Рабочие уселись у небольшого стола, и Бауман повел с ними беседу о новых статьях «Искры», о письмах Ленина и Крупской, о привезенных листовках.

После окончания беседы Бауман условился с Лапиным, что через неделю пришлет с одним из возчиков две бочки из-под сельдей.

— Понимаю... мы их того... подремонтируем! — отозвался Лапин.

Затем Николай Эрнестович объяснил рабочим, когда и где они получат следующую партию литературы. Он подробно рассказывал о работе подпольных кружков на московских заводах, в мастерских Курской, Александровской и Казанской железных дорог. Текстильщики, в свою очередь, сообщили «Ивану Сергеевичу» о настроениях рабочих в Покрове, Никольском, Ликине и Павлово-Посаде. В дружеской беседе часы летели незаметно.

— Стоп, товарищи! Никак гудок? — прислушался один из станционных рабочих.

— Да, вечерняя смена кончилась, гудит «полуночник», — подтвердил Бабушкин, — давайте расходиться поодиночке, сейчас самое удобное время, на улицах народу много.

И рабочие, простившись с «Иваном Сергеевичем», осторожно спустились по скрипевшим ступенькам лестницы и скрылись в темноте.

* * *

Верные ученики великого Ленина Бауман и Бабушкин до конца своей жизни оставались твердыми и убежденными бойцами за создание единой социал-демократической партии. В труднейших условиях подполья, когда за распространение «Искры» ее агентам грозило тюремное заключение и ссылка в Восточную Сибирь, они бесстрашно устанавливали связи со все большим и большим количеством рабочих, создавали подпольные точки для получения из-за границы и пересылки в рабочие районы искровской литературы.

Бабушкин, так же как и Бауман, неутомимо распространял среди текстильщиков подмосковных районов издания «Искры». Бабушкин и Бауман вели деятельную переписку с секретарем редакции «Искры» Н. К. Крупской.

«Искра» читается нарасхват, и сколько доставлено, вся находится в ходу, — писал Бабушкин Н. К. Крупской. — Благодаря ей чувствуется большой подъем у рабочих. Особенно много толков по поводу статьи по крестьянскому вопросу в номере 3 [1], так что требуют доставить этот номер. А на частном собрании рабочие выразили желание, чтобы «Искра» напечатала еще несколько статей по этому вопросу».

В. И. Ленин высоко ценил этих энергичных агентов «Искры». Он не раз отмечал исключительную добросовестность и настойчивость Баумана, его преданность

---

[1] Речь идет о широко проникшей в рабочие и крестьянские массы статье В. И. Ленина «Рабочая партия и крестьянство». — *М. Н.*

делу. Бывая в Иваново-Вознесенске, Серпухове, Орехово-Зуеве и других городах Подмосковья, Бауман беседовал с рабочими об основных принципах ленинской «Искры», о непримиримой борьбе группы Ленина с «экономистами» и другими. При этом Бауман регулярно сообщал редакции «Искры» о том, как относятся рабочие к «экономистам», и о трудностях, встречающихся на его нелегком пути [1].

В апреле 1901 года Бауман переслал Ленину письма текстильщиков, железнодорожников и швейников Подмосковья, в которых они писали о своей поддержке ленинских установок и рассказывали о фабрично-заводской жизни.

Бауман пишет редакции «Искры» о большом, все растущем интересе рабочих к газете, прося увеличить количество присылаемых экземпляров «Искры».

По поручению Ленина Крупская отвечает Бауману:

«Можете ли Вы устроить у себя большой склад, тогда к Вам аккуратно будет приходить литература с Кавказа (там налажен новый, скорый путь, есть своя типография, где будет печататься Искра и брошюры), народ очень надежный. Надо будет брать все привозимое. Пишите *поконкретнее* о своих связях» [2].

Ленин придавал большое значение установлению прочных связей с районными организациями «Искры», в особенности с теми, где перепечатывалась присылаемая из-за границы «Искра». Бауман успешно выполняет все указания В. И. Ленина, и количество присылаемой в Московский комитет искровской литературы растет из месяца в месяц. В августе 1901 года он писал в редакцию «Искры»:

---

[1] Материалы (письма, переписанные рукой Н. К. Крупской) хранятся в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина (ИМЭЛС). Частично они опубликованы в «Ленинском сборнике» VIII и в журнале «Пролетарская революция» (1939 г., № 1, стр. 222—228). Редакция этого журнала отмечает, что «наибольший интерес из неопубликованных писем представляет переписка с двумя выдающимися партийными деятелями того времени, агентами «Искры» И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом» (стр. 222).

[2] Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 224.

«За последнее время я получил № 1 — 30 (т. е. 30 экземпляров первого номера «Искры». — *М. Н.*), № 3 — 420, № 4 — 500, № 5 — 376, № 6 — 170, Зари — 15... Женщина-работница — 100, Красного знамени — 35, по требованию товарищей — 12, Манифеста — 10, 8-часовой рабочий день — 10. Послана литература в Москву, Богдану (И. В. Бабушкину. — *М. Н.*), Саратов, Самару, Казань, Астрахань, будет в Нижнем, Вятке, Малмыже, Елабуге, Твери и по мелочам в другие города и провинции. Цифровые данные в месячном отчете» [1].

В конце лета 1901 года Бауман снова побывал в ряде городов, организуя в них комитеты на платформе ленинской «Искры». В ноябре 1901 года Бауман писал Крупской, что он занялся созданием комитета из членов одной местной группы, у которой были значительные связи с рабочими. Но в это время в Москву приехал «союзник» (представитель «Союза русских социал-демократов за границей») и стал убеждать членов группы примкнуть не к «Искре», а к «Рабочему делу» [2]. «...Группе, которая согласилась работать со мной, — писал Бауман в редакцию «Искры», — грозили бойкотом, раз она будет иметь сношения с «Искрой». Союзник... грозил, что, соединяясь с «Искрой», москвичи будут оторваны от всех комитетов, так как все комитеты признают только «Рабочее дело» [3].

Эта неудача не подорвала у Николая Эрнестовича веру в силу ленинской «Искры». Он отлично сознавал, каким могучим оружием является каждый номер ленинской боевой газеты. Бауман посылает в редакцию новые материалы—рабочие корреспонденции с просьбой:

«Поместите, что возможно, в «Искре», так как рабочие будут очень рады этому. Они очень любят

---

[1] Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 225.

[2] «Рабочее дело» — журнал «экономистов». Выходил в Женеве с апреля 1899 до февраля 1902 года.

[3] Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 227.

«Искру». Это мне поможет бороться с комитетами и «Рабочим делом».

После каждой своей поездки в подмосковные города Николай Эрнестович регулярно сообщал Ленину и Крупской о настроении рабочих, об их отношении к напечатанным в «Искре» статьям.

Николай Эрнестович подробно сообщал также о том, в каких городах России ему удалось организовать пункты доставки «Искры» и ее изданий. Так, в начале октября 1901 года Бауман писал:

«Если у меня будет в достаточном количестве товара (искровская литература, в особенности последние номера «Искры». — *М. Н.*), то я могу удобно доставлять (без значительных проволочек) в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губернию, Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, Воронеж, Тверь, Орел. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки... Постепенно я надеюсь поставить на должную высоту корреспондентскую часть в упомянутых городах, включая сюда еще Тулу, Калугу и другие города этого района»[1].

Бауман принимал все возможные меры для организации подпольной типографии в Москве. Он приложил немало усилий для того, чтобы найти помещение, где можно было бы начать печатание листовок.

По рассказам Сущинского, Бауману удалось, наконец, организовать небольшую типографию в прачечной Измайловской больницы. Молодой наборщик сытинской типографии взялся помогать Николаю Эрнестовичу печатать листовки.

...Поздним вечером в прачечной долго светился огонек. Пожилая прачка, мать наборщика, спешила закончить свою работу.

В окно осторожно постучали.

— Это ты, Ванюшка? — тихо окликнула прачка молодого высокого парня.

— Я, мама. Открой, — негромко ответил парень.

---

[1] Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1, стр. 226.

Он вошел в прачечную в сопровождении стройного, среднего роста человека.

— А, это вы, Иван Сергеевич, — приветствовала прачка спутника своего сына.

— Здравствуйте, Петровна, — ответил «Иван Сергеевич». Лицо его было скрыто поднятым воротником осеннего пальто.

Прачка отодвинула большое корыто, приставленное к стене в крохотных сенцах. За корытом оказалась маленькая дверь. Когда ее открыли, пахнуло затхлым, сырым воздухом.

— Мама, не забудь запереть дверь, как будешь уходить, — наказывал матери парень, с трудом протискиваясь в узкую дверку.

— Знаю, Ванюшка, закрою обязательно. Опять, чай, до утра там пробудете? — участливо спросила прачка.

— А это уж как придется, Петровна, может быть, и до утра, — ответил «Иван Сергеевич», спускаясь по крутым и узким ступенькам в сырой маленький подвал.

Прачка закрыла и тщательно замаскировала дверку корытом и гладильной доской. Потушив лампу, она вышла из прачечной, пристально всматриваясь в сгустившиеся сумерки.

Ранним утром следующего дня к больничным воротам подошла невысокая, худощавая женщина с большой бельевой корзиной на голове. Сонный дворник лениво посмотрел на нее из проходной будки.

— Что-то раненько собралась сегодня,—сказал он.

— Да ведь разве ваша больница у меня одна? Еще в Старо-Екатерининскую поспеть надо, да в Благуши заглянуть... и к полдню обернуться, — ответила женщина, перекладывая корзину на плечо.

Это была жена И. В. Бабушкина, Прасковья Никитична, которая стирала на больницы белье. Но это занятие было лишь предлогом: в бельевой корзине она уносила из подпольной типографии только что отпечатанные листовки и брошюры. Она передавала искровскую литературу на конспиративные квартиры.

В «типографии» при Измайловской больнице Бауману удалось выпустить и с помощью своих друзей

рабочих распространить на московских фабриках и заводах четыре листовки, всего тысяча двести экземпляров.

В конце 1901 года Бауман работал по укреплению связей московской организации с редакцией «Искры», с «Северным союзом РСДРП» и с закавказскими искровскими организациями.

Во время своих поездок в ближайшие к Москве города Бауман убеждался в преданности рабочих идеям Ленина. Николай Эрнестович считал Подмосковье одной из главных крепостей ленинской «Искры».

Он постарался покрепче связаться и с киевской организацией «Искры», которая в то время переживала период колебаний: отдельные члены этой группы стремились создать самостоятельную «южнорусскую организацию».

Конечно, эта попытка «самоопределения» являлась вредным кустарничеством. И редакция «Искры» высказалась по этому поводу определенно и категорически:

«Вы знаете, что цель Феклы [1] не только издавать газету, но при помощи этой газеты создать обще-русскую организацию, которая имела бы в виду не интересы того или иного района, а интересы всей русской партии, эта организация должна связывать и объединять работающие на месте организации, служить связующим звеном. Она должна таким путем создать возможность планомерного и единодушного образа действия. Отсюда ясно, что мы относимся крайне отрицательно ко всяким попыткам создавать местные органы или особые порайонные организации» [2].

В этих условиях было очень важно провести в Киеве решение о создании не местной, а общероссийской организации «Искры». За выполнение этой задачи взялся Бауман.

---

[1] Ф е к л а — конспиративное название редакции «Искры». — *Прим. ред. «Ленинского сборника».*

[2] «Ленинский сборник» VIII, стр. 203—204.

X. ПО ТЮРЬМАМ И ЭТАПАМ

В начале февраля 1902 года Бауман выехал в Киев. Перед отъездом он получил шифрованное письмо от представителя организации «Искры» на юге России — В. Крохмаля [1]. Крохмаль приглашал Баумана в Киев для установления контакта с искровскими агентами и работниками киевского социал-демократического комитета. Он сообщал, что комитет признает идейное руководство «Искры», «но не совсем одобрительно относится к организационному плану» построения партии, предложенному В. И. Лениным.

Второе письмо Крохмаля к Бауману не дошло: его перехватили агенты охранного отделения в Москве и сообщили об этом киевским жандармам, установившим наблюдение за многими членами комитета социал-демократов. Жандармам удалось расшифровать несколько писем, адресованных Крохмалю. В результате этого в Киеве провалилось несколько явочных квартир.

Как только Бауман вышел на перрон киевского вокзала, он попал в окружение сыщиков.

Опытный конспиратор, он сразу почувствовал это. Не отвечая на настойчивые предложения извозчиков, среди которых нередко были и переодетые сыщики, Бауман не торопясь пошел пешком, с небольшим сак-

---

[1] В. Крохмаль вскоре, на II съезде РСДРП, оказался в лагере меньшевиков.

вояжем в руках, к центру города. У него были адреса трех явочных квартир, но инстинкт профессионального революционера подсказал ему, что предварительно следует убедиться, не открыты ли эти квартиры жандармами. Полюбовавшись видом на Днепр, погуляв по бульварам, он решил зайти в кафе. Бауман на минуту задержался у зеркального окна магазина, быстро оглядел отражавшуюся в окне противоположную сторону улицы и, убедившись в отсутствии подозрительных субъектов, вошел в кафе. Проглядев местные газеты и выпив кофе, он так же неторопливо направился в статистическое отделение. При входе в это учреждение Бауман обратил внимание на какого-то юркого, небольшого роста человека в непомерно длинной студенческой шинели, обогнавшего его на лестнице и два раза оглянувшегося. «Студент» исчез в одной из небольших комнат, где звенели арифмометры, щелкали счеты и слышались монотонные голоса статистиков, считывавших какую-то таблицу.

Бауман вошел в кабинет заведующего и осведомился у секретаря, когда он сможет повидать заведующего. Выждав некоторое время, Николай Эрнестович негромко спросил:

— Вы, вероятно, Демьян Демидович?

После утвердительного ответа Бауман попросил секретаря посмотреть, нет ли письма из Иркутска на имя Васильева. Секретарь предложил посетителю сесть и, порывшись в одном из своих ящиков, передал Бауману небольшой конверт. Посетитель поблагодарил секретаря и направился к выходу. Только он вышел не на улицу, а во двор, поднялся по черной лестнице на третий этаж и на узкой лестничной площадке прочел письмо. В нем кратко сообщалось, что полиция выследила нескольких членов комитета и что раскрыты две явки; итти можно лишь к «Франту» (кличка Гальперина, члена городского комитета социал-демократов) или на квартиру Крохмаля.

Николай Эрнестович вышел со двора статистического управления на улицу и несколько часов ходил и ездил по городу, внимательно присматриваясь. Не заметив ничего подозрительного, он, наконец, зашел

к Крохмалю. Через полчаса Бауман вышел от Крохмаля в сопровождении Гальперина. Они отправились на вокзал. Расставшись неподалеку от вокзала со своим спутником, Бауман посмотрел расписание поездов. Возвращаться в Москву прямым путем было опасно. Поэтому Николай Эрнестович выбрал довольно сложный маршрут с двумя пересадками. Передавая носильщику деньги на билет, он громко, так, чтобы слышал прогуливавшийся по залу жандармский офицер, сказал:

— До Харькова, второй класс. Сдачи не нужно.

Через четверть часа носильщик принес Бауману билет. Поезд вскоре отправился, и Николай Эрнестович, усевшись у окна вагона, погрузился в чтение газеты, ни на минуту не прекращая наблюдения за тем, что происходит вокруг него. В Харькове он пересел на поезд, отходивший в Курск, а в Курске — на воронежский поезд.

В Воронеж Бауман приехал 9 февраля. Здесь он применил свою прежнюю тактику: сдав вещи на хранение, отправился пешком в город. Была сильная метель, — в сотне шагов трудно разобрать очертания домов. Но Николай Эрнестович, подняв воротник пальто, добрался по заснеженным тротуарам до губернской земской управы, где служил врач, с которым Бауман переписывался. В то время революционно настроенная интеллигенция предпочитала служить не в государственных учреждениях, скованных официальным чиновничьим режимом, а в органах самоуправления — в земстве, где было несколько свободнее. Среди оппозиционно настроенных по отношению к царскому правительству земских статистиков, ветеринарных врачей и агрономов агенты «Искры» находили единомышленников.

Придя в земскую управу, Николай Эрнестович долго дожидался врача, задержавшегося из-за метели. Когда врач, наконец, пришел, Николай Эрнестович, убедившись в верности пароля и отзыва, расспросил его о положении искровской организации в Воронеже. Сведения были малоутешительными: за последние дни охранка арестовала нескольких местных социал-демократов. Врач посоветовал Бауману не оставаться дол-

го в Воронеже, так как ни за одну явочную квартиру после арестов нельзя было поручиться.

Поблагодарив врача за сообщение и условившись с ним о новом конспиративном адресе в Москве, Бауман до отхода поезда отправился бродить по городу, все время наблюдая, не следуют ли за ним сыщики. Перед вечером Николай Эрнестович пошел на вокзал. Чтобы сбить со следа возможную погоню, он купил два билета: один — сам — в Задонск, а другой — через носильщика — в Москву. Николай Эрнестович задумал вернуться в Москву кружным путем.

В первые часы своего путешествия в Задонск Бауман не заметил ничего подозрительного. Но в сумерках через вагон, в котором он сидел, прошел невзрачный, с бегающими, прищуренными глазками человек. Опытный взгляд Баумана сразу узнал в нем сыщика. Попытка перейти в другой вагон не удалась: на площадке Бауман увидел еще одного сыщика.

Николай Эрнестович вышел на другую площадку и на ходу поезда спрыгнул под откос, сильно ушибив при этом ногу.

Быстро темнело... Мелькнули красные огоньки в хвосте поезда и — скрылись. Вокруг перелески, занесенные глубоким снегом поля. С большим трудом, опираясь на палку, Бауман побрел к ближайшему селению. Он знал, что его городская одежда привлечет к себе внимание первого же встречного, и поэтому, узнав от встретившегося старика крестьянина о том, что в селе Хлевном, в семи верстах от станции, живет врач, Бауман отправился туда. Он рассчитывал найти у своего коллеги помощь и временный приют. Нога сильно опухла, каждый шаг причинял мучительную боль... Много часов провел в пути Николай Эрнестович и все-таки добрался до села. Задворками, чтобы меньше обращать на себя внимание, он подошел к дому, где жил врач Вележев. Вележев внимательно выслушал гостя, но, вместо того чтобы оказать ему помощь... послал за полицейским. В «Искре» [1] так было рассказано об этом чудовищном предательстве:

---

[1] № 20 от 1 мая 1902 года.

«Явившись к Вележеву, он (Бауман. — *М. Н.*) рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и просил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа, и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск».

Впоследствии [1] Бауман писал:

«Факт предательства Вележева вполне правильно изложен в № 20 «Искры». К этому могу добавить только следующее: перед началом разговора с Вележевым я спросил его, одни ли мы в квартире. Вележев ответил утвердительно, что в квартире, кроме нас, никого нет и что я могу говорить вполне откровенно. В течение нашего разговора Вележев выходил два или три раза под предлогом посещения амбулатории.

Вскоре по уходу Вележева в последний раз явилась женская прислуга и потребовала от имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я заметил в одной из комнат находящегося в засаде дворника, который старательно прятался от моих взоров. Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев».

Арестованного под конвоем отправили к становому приставу. Городской костюм, неожиданное появление интеллигентного человека в отдаленном от крупных городов месте — все это заставило местное начальство энергично взяться за «установление личности задержанного».

При аресте Бауман предъявил паспорт на имя мещанина Петрова.

— Вот как? Петро-ов? — недоверчиво протянул становой пристав, рассматривая паспорт и разгляды-

---

[1] 1 февраля 1903 года в № 33 «Искры».

вая штампы прописки. — А как же вы попали в село Хлевное, в наш Задонский уезд? Что здесь делать городскому жителю, мещанину?

— Попал я сюда по расстроенному здоровью... у меня иногда бывают такие, знаете ли, провалы памяти, когда я не могу припомнить, зачем именно и куда я поехал, — полусерьезно-полуиронически ответил арестованный, морщась от боли.

— Вот как? Ну, мы наведем справки, — решил пристав и приказал поместить «мещанина Петрова» под строгим караулом в арестном помещении при своей квартире.

Полетели телеграммы в воронежское жандармское управление, а оттуда в Киев. Жандармы сразу поняли, что «ускользнувший от наблюдения в Киеве, а затем в Воронеже приезжий, видевшийся в Киеве с Крохмалем», и арестованный в селе Хлевном «неизвестный в городском платье, с сильно ушибленной ногой» — одно и то же лицо.

Становой пристав получил предписание отправить арестованного «мещанина Петрова» по этапу в распоряжение вятского губернатора для «продолжения отбытия срока административной ссылки».

— Вот видите-с, господин Петров, мы о вас кое-что узнали, — сказал пристав Бауману. — Вам надлежит, оказывается, явиться в Вятку. Ведь вы там бывали?

Бауман молчал.

— Не желаете отвечать? А у кого вы были в Киеве перед отъездом в Воронеж? Тоже не скажете? — допытывался пристав.

— Нет, — ответил арестованный и так посмотрел на пристава, что тот прекратил бесполезные расспросы.

16 февраля Бауман был отправлен этапным порядком в Елец «для дальнейшего препровождения... в Вятскую губернию». Так началось мучительное путешествие Николая Эрнестовича по пересыльным тюрьмам и этапам.

Прежде всего ему пришлось ознакомиться с карцером воронежской тюрьмы, куда он был доставлен из Ельца. Начальник этой тюрьмы, вечно пьяный, грубый

солдафон, имел обыкновение встречать арестованных отборными ругательствами и даже зуботычинами.

— Это что еще за птица? — набросился он на Николая Эрнестовича. — Как в селе очутился? Зачем? Конокрад, верно?

Бауман посмотрел на явно нетрезвое начальство и сел на табуретку.

Начальник тюрьмы рассвирепел:

— Как? Сел? Ты? В моем присутствии? — заорал он. — Как... как ты осмелился?

— А как вы осмелились подозревать меня в конокрадстве? — спокойно ответил Бауман. — Ведь я вас пока что не подозреваю в казнокрадстве?

Стоявшие вокруг надзиратели и жандармы с трудом скрыли улыбку: арестованный попал прямо в цель, — начальник тюрьмы был любителем «экономии», в результате которой в камерах тюрьмы было холодно, как на дворе, а казенные дрова свозились на обширный двор собственного дома начальника.

— В карцер... — уже не кричал, а шипел получивший неожиданный отпор тюремщик. — В карцер!.. К крысам!..

Николая Эрнестовича грубо подхватили подмышки и, несмотря на его протесты, потащили, нисколько не обращая внимания на его больную ногу.

Карцер оказался узким и низким погребом. Ни стула, ни стола, ни кровати в карцере не было, только в углу валялась охапка прелой, грязной соломы. При звуке открываемой двери в соломе послышался шорох: две громадные крысы бросились в зияющие в полу дыры, из которых сильно дуло. Начальник тюрьмы недаром называл карцер «крысиным холодильником».

Баумана втолкнули в карцер, и дверь захлопнулась. В полумраке Николай Эрнестович разглядел промороженные по углам стены, черный грязный пол, замазанное мелом крохотное окошко... Он присел на солому и задумался. Нога попрежнему сильно болела, опухоль дошла уже до колена. Вместо компрессов, которые предписал тюремный врач в елецкой пересыльной тюрьме, пришлось довольствоваться теплом тонкого

заштопанного арестантского халата и гнилой соломы... Невольно вспомнился карцер в Петропавловской крепости: те же сырые, осклизлые стены, полумрак и холод, пронизывающий до костей холод.

— Ну, что же? Не будем унывать: бороться можно и нужно даже в карцере, — произнес Николай Эрнестович, вытягивая поудобнее больную ногу.

Ночь казалась бесконечной... Вся жизнь припомнилась...

Несколько лет спустя Николай Эрнестович говорил одному из своих друзей-искровцев:

— Я тогда спросил себя: ну, а если бы мне предложили начать жизнь снова, избрать какой мне угодно путь? Пошел ли бы я опять в ссылку, в крепость, по этапам, в карцер? И я тогда же ответил себе: — Да, пошел бы!

...Утром принесли кружку мутного кипятку и ломоть кислого, непропеченного черного хлеба. На заявление Баумана о том, что у него болит нога и он требует вызвать врача, хмурый надзиратель бросил через плечо:

— Не полагается. — И уже в дверях добавил: — Карцерный срок кончится, тогда и врач осмотрит.

Трое суток, проведенных Николаем Эрнестовичем в карцере, показались ему тремя годами... Но холод и голод, назойливые набеги крыс не заставили его обратиться к тюремщикам с просьбой.

Через несколько часов после выхода из карцера Баумана отправили в тюремной карете на вокзал для дальнейшего следования по этапу в Вятку.

— Это поистине дорога в ад, — рассказывал впоследствии своей жене Николай Эрнестович.

Арестованных везли в наглухо закрытых вагонах четвертого класса. Хотя Бауман был «политическим ссыльным», но его поместили в общем вагоне, вместе с уголовными. В одной половине вагона находились мужчины, в другой — женщины. Вагон оказался до того переполнен, что только конвойные могли лежать на своих полках. Арестованные же были вынуждены целыми сутками то сидеть, то стоять. Едкий дым махорки, запах грязных, потных арестантских халатов, зло-

воние... Бауман чувствовал сильную головную боль, его знобило. Боль в ноге уменьшилась, но общее самочувствие резко ухудшилось.

Желая сломить стойкость политических заключенных, царское правительство отменило льготы для «следующих этапным порядком лиц, обвиняемых в политических преступлениях». Конвойные офицеры и солдаты чувствовали себя неограниченными властелинами этапной партии. Николай Эрнестович вспоминал в беседе с друзьями, что в сравнении с перенесенными им этапными мытарствами даже одиночка Петропавловской крепости была мягким наказанием: «Я насмотрелся и натерпелся на этом проклятом этапе всего: и голода, и холода, и всевозможных оскорблений... конвойные обращались с нами буквально как с гуртом скота... а ведь по этапу гнали не только здоровых мужчин, но и больных, и женщин, и детей».

В Уфе у Баумана произошло столкновение с начальником конвоя. Этап прибыл на рассвете, и конвойный офицер, невыспавшийся и злой, торопил арестованных:

— Стройтесь в ряды! Скорее! Нечего прохлаждаться! Не на блины к теще приехали! — кричал он, пересыпая свои приказания самыми отборными ругательствами.

В Самаре к этапной партии присоединилась молодая учительница, высланная в Вятскую губернию по политическому делу. Чахоточная девушка пролежала с высокой температурой под скамейкой заплеванного арестантского вагона весь путь от Самары до Уфы. В Уфе, выйдя из вагона, она зашаталась и упала на сверкающий чистый снег, — так резок был для больного человека переход от смрадного воздуха вагона к утренней свежести.

— Эт-то что такое? Ты что разлеглась? — неистово заорал конвойный, подбегая к больной. — Вставай сию же минуту, а не то я тебя... — и он замахнулся ножнами шашки.

Несмотря на боль в ноге, Бауман подбежал к конвойному:

— Разве вы не видете, что она больна? Стыдитесь!

— А ты что за защитник выискался? Марш на свое место! — обернулся к нему офицер.

— Не пойду. Никуда не пойду до тех пор, пока вы не посадите больную на повозку, — заявил Николай Эрнестович.

Конвойный офицер махнул рукой солдатам. Двое из них подбежали и схватили было Баумана под руки.

Но Бауман, глядя в упор на начальника конвоя, решительно повторил:

— Ни я и ни один из арестованных мужчин не двинутся с места, пока вы не отправите больную на повозке.

Глухой гул одобрения пробежал по рядам.

— Да я вас... я вас всех!.. — закричал было офицер. Но во всей фигуре Баумана, в его твердом, пристальном взгляде было столько непреклонной решимости, что офицер круто повернулся и отдал приказание поднять больную и посадить на повозку.

— Я с тобой рассчитаюсь в тюрьме! — крикнул он Бауману.

Николай Эрнестович усмехнулся и встал на свое место в шеренге мужчин. Этап тронулся к уфимской тюрьме.

По жалобе конвойного офицера Бауман «за дерзкое поведение» был посажен в карцер. Карцер содержался несколько лучше, чем в воронежской тюрьме: в нем было относительно тепло, достаточно света и даже имелся топчан с грубой подстилкой, прикрытой серым солдатским одеялом. Бауман немедленно потребовал представителя прокурорского надзора, протестуя против незаконного заключения в карцер. Старший надзиратель обещал «доложить по начальству» и ушел, заперев дверь. Николай Эрнестович остался один в четырех стенах тюремного карцера.

«Долго ли придется ожидать результатов доклада по начальству?» — думал он.

На этот раз пребывание в карцере было недолгим. Утром следующего дня уфимский губернатор и начальник жандармского управления получили из департамента полиции срочную шифрованную телеграмму: «Придавая личности Баумана первостепенное

значение и опасаясь побега, прошу ваше превосходительство безотлагательно телеграфировать на соответствующий этапный пункт о приостановлении следования Баумана в Вятскую губернию и об отправлении его под надежным конвоем, с обеспечением полной невозможности побега, в распоряжение начальника Киевского губернского жандармского управления». Такая же телеграмма была послана и в самарский пересыльный пункт, так как департамент полиции не знал, где в данный момент находится Бауман. Вслед за этой телеграммой пришла еще одна с требованиями: «При отправлении Киев Баумана снарядите надежный конвой обеспечив полную невозможность побега».

Чиновники департамента полиции, так долго и безуспешно разыскивавшие Баумана по всей России, узнав о его аресте, торжествовали и в то же время боялись, чтобы он снова не ушел из их рук. Директор департамента полиции пометил на телеграмме об аресте Баумана: «Беречь крепко: это — господин первостепенной важности». Он доложил «о важном извещении воронежского губернатора» Николаю II. В еженедельных докладах департамента полиции царь требовал подробных сообщений о принимаемых департаментом «действенных мерах борьбы с крамолой».

Получив такие категорические приказания, уфимская администрация немедленно отправила Баумана под усиленным конвоем в Киев. Конвой состоял из четырех человек: двое дежурили при арестованном, двое отдыхали. Конвойные менялись каждые четыре часа, они не позволяли арестованному даже подходить к забранному густой решеткой окну, и Николай Эрнестович долгое время не мог понять, куда его везут.

Только когда поезд подошел к Киеву, Бауман сразу узнал окрестности города и вокзал.

— В Лукьяновку! — крикнул конвойный, сажая Баумана в тюремную карету.

XI. ПОБЕГ ДЕСЯТИ ИСКРОВЦЕВ

Начальник киевского жандармского управления генерал-майор Новицкий в феврале 1902 года торжествовал победу: в киевской тюрьме был собран весь цвет искровской организации, так долго и тщательно разыскиваемой департаментом полиции. Новицкий сам принимал участие в допросах, писал пространные доклады в департамент полиции и усиленно подготавливал «большой политический процесс», на котором, конечно, неоднократно будет упомянуто его имя как «своевременно пресекшего развитие крамольной деятельности». Он старательно подбирал обвинительный материал для предстоящего «процесса искровских агентов».

Крепостной тюремный за́мок Лукьяновка находился в предместье города и был обнесен высокой стеной. Часовые и надзиратели должны были, согласно тюремной инструкции, «не только пресекать в корне, применяя огнестрельное и холодное оружие, но и не допускать попыток каких-либо покушений заключенных выйти каким-либо способом за ограду крепостного замка». Охранное отделение несколько раз обращало внимание губернатора и администрации тюрьмы на «необходимость строжайшего обеспечения невозможности побега заключенных по делам государственных преступлений». Но по стечению обстоятельств тюремщикам не удавалось поддерживать строгий режим.

Ранней весной 1902 года в Киеве произошли волнения учащейся молодежи. Толпа студентов вышла на Крещатик в знак протеста против реакционных действий правительства. Студенты выкрикивали революционные лозунги, произносили речи, направленные против правительства, которое глушило всякое проявление самостоятельности в студенческой среде, два года назад даже приказывало отдавать бастующих студентов в солдаты. Полиция и жандармерия оцепили демонстрантов двойным кольцом сыщиков, городовых и солдат местного гарнизона. Многие из участников демонстрации были переписаны, арестованы и отправлены в тюремный за́мок. Камеры для политических были переполнены. Тюрьма огласилась шумом, пением и криками протеста студенческой молодежи.

Немного позже по Украине, Воронежской, Курской и другим губерниям прокатилась волна крестьянских выступлений против помещиков и правительства на почве острого безземелья и повышения арендных платежей.

Начавшийся в 1900 году экономический кризис и неурожай 1901 года еще более обострили нищенское положение украинских хлеборобов. Крестьянство задыхалось под гнетом помещиков и кулаков. Доведенные до крайней нищеты крестьяне изгоняли из помещичьих экономий управляющих, отказывались заключать договоры с повышенной арендной платой, рубили помещичьи леса, косили луга и т. п.

В. И. Ленин внимательно следил за развертывавшимся движением крестьян.

«Искра» систематически[1] освещала ход крестьянской борьбы и «подвиги» посланных на усмирение царских карателей. Власти были настолько напуганы крестьянским движением, охватившим несколько губерний, что сам министр внутренних дел Плеве выехал из Петербурга на Украину для «восстановления спокойствия». Его примеру последовали полтавский и харьковский губернаторы, отправившиеся во

---

[1] № 20, 21, 22 — май 1902 года.

главе больших отрядов войск для «вразумления» крестьян. В Константиноградском уезде Полтавской губернии голодающие крестьяне пытались захватить семена из складов и общественных магазинов. Столкновение крестьян с войсками произошло в селе Карловке (того же уезда), неподалеку от латифундии герцога Мекленбургского, поля которого обрабатывала целая армия — около шести тысяч батраков.

«Искра» (в № 20) писала, что «крестьяне действуют спокойно, с полным сознанием своей правоты. Чинно, со старостами и сотскими во главе, подъезжают они к усадьбам и экономиям и требуют ключей от амбаров и складов... Крестьяне объясняют, что «царству панов наступил конец» и что «велено забирать по 5 пудов на душу...». «Большую часть этого района заняли крупные имения... вроде Карловки, имений Дурново и т. д. У окрестных крестьян — ничтожные наделы, скудные заработки, почти полное отсутствие выпасов и т. д. Процент безземельных и малоземельных чрезвычайно высок».

Власти не стеснялись в выборе средств для «усмирения бунта». «Искра» (в № 21) приводила потрясающие подробности экзекуций. Так, в селении Ковалевке «по команде офицера раздался залп — трое убито, двадцать ранено, из них двое уже умерли в больнице...». Экзекуции носили массовый характер: «сперва порют чинов сельской администрации, потом «зачинщиков», если таковые находятся, — дают по 200—250 розог... Все стоявшее в Полтаве войско ушло в губернию». Вскоре в Киеве появились многочисленные трофеи «боевых» действий войск — арестованные «аграрщики», как тогда называли крестьян, выступавших или подозреваемых в выступлениях против помещиков.

Летом Лукьяновка оказалась переполненной крестьянами и студентами. Среди заключенных студентов были сыновья видных киевских интеллигентов. Родители пустили в ход все свои служебные и родственные связи для того, чтобы добиться льгот для арестованных сыновей. Надзиратели, начальник тюрьмы и его

помощники не устояли против «благодарностей» и сквозь пальцы смотрели на нарушение тюремной инструкции, разрешив родственникам арестованных студентов присылать в их камеры не только белье и продовольствие, но даже и кое-какую мебель.

После утренней поверки и чаепития искровцы выходили во двор на прогулку. Двор был неширок — всего восемь шагов, зато в длину он достигал семидесяти пяти шагов. Бауман в первый же день заключения тщательно вымерил это расстояние и внимательно осмотрел ближайшие строения. Здание тюрьмы тянулось с левой стороны прогулочного двора. В тюрьме было два выхода: первый вел в камеры политических заключенных, которые находились на третьем этаже крепостного замка, а второй — в подвальный этаж — в цейхгауз, кухню и баню. В конце двора были еще два маленьких дворика. Здесь под конвоем гуляли политические заключенные, для которых был установлен, по предписанию жандармского управления, строгий режим одиночного заключения. Но летом 1902 года все одиночные камеры были превращены в общие, а маленькие дворики пустовали.

Выйдя на прогулку, искровцы, если позволяла погода, усаживались тесным кружком и беседовали. Темой бесед были, конечно, вопросы текущей партийной жизни. Бауман, еще так недавно общавшийся с Лениным, с увлечением рассказывал товарищам по заключению о работе редакции «Искры», о том, что группа Ленина установила прочные связи с многими городами России. Ближайшими товарищами Николая Эрнестовича были «твердые искровцы» — М. М. Литвинов, В. С. Бобровский, М. А. Сильвин (Таганский). «Твердые искровцы» вели долгие споры с «колеблющимися» о тактике революционной борьбы, о принципах построения партии, об отношении пролетариата к крестьянству.

Членам Киевского социал-демократического комитета удавалось передавать в Лукьяновку полученные из-за границы искровские брошюры и листовки. Нелегальную литературу ухитрялись передавать искровцам их «невесты», приходившие на свидание к своим

«Женихам» два раза в месяц. Надзиратели, получив очередную «благодарность», не очень строго следили за тем, какую книгу передает курсистка своему «жениху» — студенту. Таким образом в тюрьме появилась вызвавшая оживленное обсуждение и споры работа В. И. Ленина «Что делать?».

Николай Эрнестович, как вспоминает сидевший с ним в одной камере А. Петренко, настойчиво разъяснял «колеблющимся» основные положения этой выдающейся работы Ленина.

— Ведь это же поистине гениальный план! — восклицал Николай Эрнестович, с воодушевлением читая передовую первого номера «Искры» — статью Ленина «Насущные задачи нашего движения»:

— «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» [1].

На скептическое замечание одного из «колеблющихся» о том, что сначала, перед штурмом неприятельской крепости российского царизма, надо суметь освободиться из крепостных стен Лукьяновки, Бауман уверенно заявил:

— Сумеем! Желать — значит сделать!

Искровцы обсуждали вопросы истории революционного движения, этнографии и географии. Особых споров эти обсуждения не вызывали, но как только в камеру проникала с воли тоненькая, напечатанная на папиросной бумаге искровская листовка, тотчас же разгорались споры. Бауман принимал в них горячее участие, отстаивая позиции своего великого учителя.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 346.

Перед вечерней поверкой заключенные занимались физическими упражнениями и играми.

Николай Эрнестович был душой «ограниченных тюремным двором развлечений» искровцев. Почти все товарищи, сидевшие вместе с Бауманом в Лукьяновке, вспоминают о неистощимой энергии и веселье Николая Эрнестовича. Он организовал «правильную чехарду»: участники игры прыгали друг через друга в строгом порядке. Затем победители торжественно объезжали тюремный двор верхом на побежденных.

Неистощим был Бауман и в придумывании всякого рода шумных забав и игр: искровцы старались как можно больше шуметь на тюремном дворе.

Иногда они принимались в шутку «наказывать телесно» кого-нибудь из своих товарищей, и «наказуемый» кричал во весь голос. На крик прибегали надзиратели, но, узнав, что это игра, удалялись на свои посты. Конечно, «за беспокойство» тюремные стражи получали от заключенных «благодарность» при получении очередной передачи с воли.

Неподражаем был Николай Эрнестович и в танцах: он великолепно исполнял на тюремном дворе лихую мазурку, гопак, а чаще всего русскую...

В. С. Бобровский вспоминал, что, зная о юношеском увлечении Баумана танцами, «товарищи по заключению в Лукьяновской тюрьме прозвали его балериной. Ловок, гибок, силен он был и умел в минуты бесшабашного веселья, которое порою находило на всех нас, ловко подражать танцам балерины...».

«Льготные условия тюремного режима» — так называли искровцы распорядок в Лукьяновке — дали возможность Бауману и его друзьям с первых же дней заключения приступить к разработке плана побега. Были установлены связи с Киевским комитетом социал-демократов. Товарищи из комитета сообщили, что в назначенное время искровцев будут ждать в условленных местах на Днепре лодки, а в пригородах их встретят товарищи с одеждой и обувью.

План побега был прост, но в то же время дерзок и смел. Для выполнения этого плана искровцы и приучали администрацию тюрьмы к шуму.

В течение нескольких недель Бауман и его товарищи играли в городки, бегали и упражнялись в построении пирамиды. Этому занятию заключенные уделяли много внимания: от быстрой постройки пирамиды (или «слона») зависел успех намеченного плана. «Слон» строился так: на спины двух самых крепких искровцев становились двое менее тяжеловесных, но гибких и проворных. Наконец на вершину пирамиды взбирался с балансиром — палкой в руках — Бауман. Отсюда уже легко было взобраться на крепостную стену.

Вскоре искровцы великолепно освоили технику построения «слона». По сигналу Баумана они сооружали пирамиду меньше чем за минуту.

Николай Эрнестович строго придерживался выработанного им еще в Петропавловской крепости режима дня: утром занимался гимнастикой, старался как можно больше гулять на общем дворе, пользуясь погожими летними днями. А вечерами, после поверки, заключенные составляли хоровой кружок. Бауман дирижировал хором. Обычно «музыкальный вечер» начинался одной из его любимых песен «Сижу за решеткой в темнице сырой...».

Лето проходило.

Несколько раз Баумана вызывал на допрос начальник жандармского управления. Новицкий решил сам вести допрос видного деятеля подпольной революционной организации.

— Нам хорошо известен каждый ваш шаг в качестве агента заграничного издательства «Искра», — заявил Новицкий Бауману на первом же допросе.

— Вот как? Каждый шаг? — осведомился Николай Эрнестович. — Кстати, где же это издательство находится?

Новицкий пробормотал что-то и принялся перелистывать объемистое дело Баумана.

— Почему вы при аресте назвались не своей фамилией? Зачем вы увеличиваете свою вину, скрываясь под чужим именем? — спросил Новицкий.

— Вину? Да в чем же она заключается? — удивленно спросил Бауман.

Новицкий доказывал арестованному, что отрицание вины и запирательство приведут только к длительному содержанию Баумана в крепостном замке.

— А каковы последствия длительного заключения в тюрьме, вы сами хорошо знаете, проведя почти два года в Петропавловской крепости, — с угрозой заявил жандарм.

Бауман попрежнему спокойно ответил, что он не знает, за что его арестовали.

— Ну, конечно, конечно! Уже известная мне по вашему делу манера: ни в чем не сознаваться и все отрицать! Но я заставлю вас дать показания!.. — не выдержав, закричал Новицкий.

— Это не в вашей власти, — коротко возразил Николай Эрнестович и категорически отказался отвечать на дальнейшие вопросы.

Баумана отвезли обратно в Лукьяновку, и Николай Эрнестович с юмором рассказал товарищам об угрозах разгневанного жандармского начальства.

Заведующий политическим отделением тюрьмы Сулима тоже пытался убедить упорного арестованного прекратить запирательство.

Бауман, вызванный в канцелярию тюрьмы, внимательно посмотрел на Сулиму:

— Это вам жандармы приказали или вы по собственному почину решили заняться увещаниями?

Не обладавший особым красноречием Сулима старался запугать арестованного «самыми тяжелыми последствиями».

— Ваш процесс будет назначен в скором времени. На что вы надеетесь? Думаете получить добрые вести от своего адвоката? — спросил он.

— Как знать? Может быть, и получу, — усмехнулся Николай Эрнестович.

* * *

В начале августа заключенные получили долгожданный подарок.

С воли им иногда передавали продукты, цветы и даже вина. Сулима, обязанный наблюдать за тюремными надзирателями, был весьма неравнодушен

к спиртному и не препятствовал передачам, тем более, что и на его долю перепадала бутылка-другая лучшего коньяка.

Однажды в тюрьму пришла жена Баумана и принесла мужу-«имениннику» пирог, закуску и большой букет роз. Она так мило упрашивала Сулиму передать цветы не помятыми, что тот не стал осматривать букет.

Когда заключенные получили подарок, то больше всего обрадовались розам: в середине букета была искусно спрятана небольшая, но очень прочная кошка (стальной крючок). Теперь можно было в сумерки, после ужина, тренироваться в забрасывании кошки с привязанной к ней веревкой на зубцы крепостной стены. Лестницу исподволь сплетали и связывали из небольших, но прочных кусков материи, переданных с воли и из простыней, разрезанных на длинные полосы и туго скрученных. Ступеньками должны были служить ножки стульев и табуреток, находившихся в камерах, и городошные биты.

Осень в тот год была дождливая и холодная. В половине восьмого уже темнело. Побег назначался семь раз, товарищам на воле сообщалось точное его время, но каждый раз по каким-либо причинам откладывался.

Но заключенные не падали духом. Бауман настойчиво убеждал своих товарищей, что «представление непременно состоится... оно отложено по техническим причинам».

И действительно, восьмая по счету попытка увенчалась успехом. Вечером 18 августа 1902 года искровцы устроили празднование «именин» одного из заключенных искровцев — Басовского. Это послужило предлогом для того, чтобы хорошенько угостить надзирателя и часового. В спиртное добавили снотворного порошка. После ужина, когда уже стало совсем темно, искровцы вышли «подышать перед сном свежим воздухом».

Громко разговаривая, они гуляли во дворе тюрьмы. План побега был разработан до мелочей. Каждый знал, за кем он должен подниматься на «пирамиду», за кем спускаться по лестнице со стены.

Бауман, спрятав лестницу под накинутым на плечи халатом, подошел к крепостной стене.

— «Слона»!.. — раздался условный возглас.

Через секунду часовой лежал на земле, с закутанной одеялом головой. Трое искровцев крепко держали его за руки... Заключенные продолжали громко разговаривать и смеяться, в то время как один из искровцев метким броском укрепил кошку наверху стены.

Лестница натянулась. Поодиночке, в строгом порядке искровцы стали взбираться на стену... Это делать было трудно, многие срывались; собрав все свои силы и ловкость, снова карабкались вверх по лестнице... Бауман подбежал к стене одним из последних, но он поднялся на крепостную стену удачнее всех. В. С. Бобровский вспоминал, что «его движения напоминали полет легкой птицы».

Второпях заключенные не разрядили винтовку часового, он высвободился из-под одеяла и выстрелил. Поднялась суматоха: забегали с фонарями надзиратели и солдаты, помчался гонец к начальнику тюрьмы на городскую квартиру.

Не теряя ни минуты, искровцы рассыпались по окрестностям.

Бобровский и Бауман шли вместе, чутко прислушиваясь к каждому звуку и шороху. Оставалось всего несколько сот шагов до городских улиц, как вдруг впереди послышался стук экипажа. Беглецы решили разделиться и итти дальше порознь. Бобровский укрылся в придорожном рве, Бауман — под небольшим мостиком.

Когда экипаж проехал и Бобровский выглянул из рва, Баумана уже не было: он скрылся в темноте.

Члены Киевского социал-демократического комитета заранее сообщили искровцам адреса конспиративных квартир, куда можно было явиться беглецам. Медведева дожидалась Николая Эрнестовича в отдельном номере «Северной гостиницы». Но непредвиденные обстоятельства помешали Бауману тотчас же отправиться в условленное место. Он сильно «обжег» руку при спуске с высокой стены, а на дороге споткнулся и попал в овражек. При падении оторвалась

подметка сапога, а лицо и руки Николая Эрнестовича забрызгались грязью. Конечно, появиться в таком виде в «Северной гостинице» было более чем рискованно. Поэтому Бауман отправился по другому конспиративному адресу. Часов с девяти вечера, как только стемнело и наступила пасмурная, безлунная ночь, один из товарищей, по кличке «Дед» [1], сидел у открытого окна своей квартиры, поджидая беглецов. Огонь был потушен, все приготовлено к тому, чтобы по первому знаку быстро и бесшумно открыть дверь.

Томительно тянулось время. Казалось, что скоро уже наступит полночь, а часы с кукушкой в маленькой кухоньке неторопливо прозвонили только половину десятого, потом десять... «Дед» уговорился с Дроздовым, хозяином другой явочной квартиры, которая была ближе к Лукьяновке, что ровно в одиннадцать часов вечера Дроздов сообщит, удался ли побег. «Дед» сидел, напрягая слух и вглядываясь в пустынную, слабо освещенную улицу. Что это: выстрел, крики, или это только показалось? В передней раздался тихий звонок. «Дед» и его жена бросились открывать дверь.

— «Дед», вы? — спросил пришедший и опустился на маленький детский стул, стоявший у входа в кухню. Хозяин квартиры зажег свечу и увидел взволнованного, грязного человека. Это был Бауман.

— Удачно? — шопотом спросил «Дед».

— Вполне, — так же тихо ответил Николай Эрнестович: — все направились на разные квартиры... трое пошли к перевозу, чтобы сегодня же попытаться уехать из города...

И, проведя рукой по спутавшимся, потным от быстрой ходьбы волосам, Бауман вдруг рассмеялся:

— А там-то... там-то, в Лукьяновке, что теперь делается!..

«Дед» тоже рассмеялся:

— Да, надо полагать, столпотворение.

В тюрьму в это время из города прискакали

---

[1] Воспоминания «Деда» опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1923 г., № 3.

прокурор, начальник жандармского управления, а от губернатора — старший чиновник по особым поручениям. Все они бестолково метались по камерам, бегали по прогулочному двору, измеряли высоту стены, рассматривали лестницу и кошку, допрашивали Сулиму, надзирателей, часовых, составляли подробный «протокол осмотра места побега».

В тот же вечер в Петербург полетела телеграмма с сообщением о побеге. В ответ было получено строжайшее предписание «о принятии всех зависящих мер к безусловному розыску и аресту всех бежавших».

Всю ночь на 19 августа сыщики и переодетые полицейские шныряли по киевским улицам, разыскивая беглецов.

Около полуночи, отдохнув и переодевшись, Николай Эрнестович отправился в «Северную гостиницу» под руку с приятельницей жены «Деда». Беспечно, точно возвращаясь из театра или из гостей, парочка прошла по центральным улицам города, и Бауман без помех достиг гостиницы, где его ждала жена. Расставшись со своей спутницей в переулке, Николай Эрнестович уверенной походкой прошел мимо швейцара и постучался в дверь номера. Швейцар, получавший не раз щедрые чаевые от Медведевой, и не подумал остановить позднего посетителя.

Несколько дней Бауман прожил в гостинице, прописавшись по фиктивному паспорту, а затем переехал на квартиру сочувствовавшего социал-демократам видного киевского адвоката. Благодаря стараниям жены и друзей Николай Эрнестович «принял вполне независимый вид».

Недели через две к вокзалу подкатил лихач. Богато одетые Бауман и его жена проследовали к билетной кассе на глазах жандармов, не узнавших в загримированном господине недавнего заключенного.

Поезд умчал Баумана и его жену за границу...

Сначала Бауман поселился в Берлине, где жили М. Ф. Владимирский, П. Г. Смидович и другие агенты «Искры». Чувствуя себя «вне сферы воздействия полиции», Николай Эрнестович послал родителям из Берлина две открытки, сообщая в довольно оригиналь-

ной форме о своем побеге из Лукьяновки. На одной открытке было несколько слов приветствий и добрых пожеланий, а на другой—картинка [1]: мальчик с гусенком подмышкой убегает от преследующей его разъяренной гусыни...

Родители Баумана в это время переехали из Казани на Паратский завод, неподалеку от города. Эрнест Андреевич работал в столярной мастерской завода.

Получив вести от сына, Эрнест Андреевич и Мина Карловна порадовались подтверждению уже дошедших до революционных кругов казанской молодежи слухов о смелом побеге десяти искровцев. Жандармы несколько раз справлялись у Э. А. Баумана о том, не знает ли он местопребывания своего сына, но Эрнест Андреевич заявил им, что никаких сведений о сыне у него нет. Через некоторое время Бауман послал отцу письмо, в котором сообщал о своем здоровье, спрашивал о семейных делах, заботливо осведомлялся о матери и в конце, вероятно в целях конспирации, добавлял, что думает «переменить место жительства коренным образом» — эмигрировать в Америку. Письмо это было вскрыто казанскими жандармами: 6 ноября 1902 года начальник казанского губернского жандармского управления сообщил департаменту полиции, что «разыскиваемый циркуляром департамента... ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, проживающий ныне в Берлине, в письме, присланном на-днях к отцу своему Эрнесту Андрееву Бауману, сообщает, что в скором времени намерен переехать на постоянное местожительство в Америку».

Но не в Америку стремился верный ученик В. И. Ленина: он отправился к своему гениальному учителю в Лондон. Приближались ответственные дни подготовки II съезда РСДРП.

---

[1] Хранится в фондах Музея Революции.

XII. ДЕЛЕГАТ II СЪЕЗДА РСДРП

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и лондонские искровцы сердечно встретили Баумана. Все они радовались удаче смелого побега Баумана и его товарищей.

В Лондоне в это время находился и И. В. Бабушкин. Николай Эрнестович был доволен встречей со своим другом.

В июле 1902 года И. В. Бабушкину тоже удалось бежать из екатеринославского арестного дома. Он был арестован 23 декабря 1901 года на заседании подпольного Орехово-Богородского комитета РСДРП. Немало пришлось испытать Ивану Васильевичу: так же как и Бауману, его неоднократно заключали в тюрьмы (в Покрове, Владимире, Екатеринославе), он выдерживал длительные допросы жандармских и тюремных властей. Эти власти добивались от стойкого искровца показаний о его связях с редакцией «Искры» и с подпольными рабочими кружками в Никольском, Покрове, Орехове и других фабричных городках Подмосковья.

Приезд Баумана в Лондон совпал с горячей, напряженной деятельностью В. И. Ленина и его соратников по подготовке к II съезду РСДРП.

Ленин и его верные ученики Бауман и Бабушкин провели немало вечеров вместе, разрабатывая принципиальные положения программы и устава партии, которые «Искра» должна выдвинуть и отстаивать на II съезде РСДРП от покушений всякого рода замас-

кированных и открытых врагов боевой, революционной партии пролетариата.

Они часто вспоминали работу в Петербурге. Ленин интересовался техникой конспиративной перевозки и распространения искровских изданий среди рабочих Москвы, Иванова, Орехова, Шуи. Бауман и Бабушкин подробно рассказывали ему о партийной работе в России. Они вместе думали о том, как улучшить связь между местными социал-демократическими комитетами и шире охватить их влиянием «Искры».

Летом 1902 года Петербургский социал-демократический комитет перешел на платформу «Искры» и признал ее идейное и организационное руководство. Но осенью того же года «экономисты» попытались помешать торжеству ленинских принципов. Надо было разоблачить перед рабочими «экономистов». Особенно важно было сделать это в дни подготовки местных социал-демократических комитетов ко II съезду партии. Решено было отправить для этого в Петербург И. В. Бабушкина.

Провожая его, Бауман взволнованно сказал своему товарищу:

— Ну вот, дружище, опять ты в путь-дорогу собрался... Помнишь, как бывало коробейником по лесам близ Покрова и Орехова расхаживал?.. А как в Марьиной роще слесарную мастерскую открыл?.. Трудно было, что и говорить! И вот все-таки мы снова встретились, опять идем рука об руку. Я глубоко убежден, что мы не раз еще встретимся с тобой и добьемся победы нашего общего дела!

Но не суждено было встретиться этим смелым бойцам великой армии пролетариата... По приезде в Петербург Бабушкин успешно боролся за окончательный переход Петербургского комитета на платформу «Искры». «Экономисты» были разоблачены. Однако жандармам 7 января 1903 года удалось выследить и арестовать Бабушкина вместе с его женой.

Он был заключен почти на год в тюрьму, а затем выслан в Верхоянск, на полюс холода.

Как только грянула в 1905 году первая русская революция, И. В. Бабушкин приехал в Якутск. Горячая

революционная борьба захватила его. В Иркутске и Чите он становится во главе комитета РСДРП, организует вооруженное восстание рабочих.

18 января 1906 года отряд царского карателя настиг поезд, в котором вез оружие Бабушкин, и расстрелял на станции Мысовая этого выдающегося борца партии пролетариата...

Не дрогнув под наведенными дулами винтовок, он погиб как народный герой.

* * *

После отъезда Бабушкина в Петербург Бауман работал под руководством В. И. Ленина в Лондоне, а затем в Женеве. Ему не раз приходилось выезжать в Германию, проверять и восстанавливать транспортные связи с Россией.

Вторая половина 1902 года — ответственный период борьбы за создание революционной партии пролетариата. И в этой борьбе «Искра» сыграла историческую роль.

Распространение «Искры» и книги Ленина «Что делать?» повело к полному идейному разгрому «экономизма». В упорной принципиальной борьбе с «экономистами» победила революционная линия ленинской «Искры», был преодолен идейный разброд и кустарничество. «Искра» связала между собой разрозненные социал-демократические кружки и группы, подготовила II съезд партии.

Исключительно большое значение придавал В. И. Ленин организационным вопросам партийного строительства, которые должен был решить II съезд. Поэтому он обратился к социал-демократическим организациям с просьбой подготовить обстоятельные доклады о состоянии партийной работы. В работе «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду» В. И. Ленин писал:

«Наш 2-ой съезд будет носить еще более *учредительный* характер, чем первый, и потому надо приложить все силы, чтобы доклады были полнее и солиднее: чем большую *долю* идеальной программы доклада вы-

полнит каждая группа, тем полнее и точнее будет представлено на нашем съезде все движение в целом, тем прочнее будут результаты съезда» [1].

Бауман, изучив по поручению В. И. Ленина материалы о партийной работе, составил доклад о рабочем движении в Москве.

Доклад Баумана начинался с освещения рабочего движения в Москве в 1894—1895 годах. В эти годы произошло несколько стачек, рабочие провели свою первую маевку. Стачки были в депо Московско-Курского вокзала, на ткацкой фабрике Прохорова, на складе чаеторговцев К. и С. Поповых и на других предприятиях.

В феврале 1896 года было послано от имени рабочих двадцати восьми крупных московских предприятий приветствие французским рабочим по поводу двадцатипятилетия Парижской Коммуны. Приветствие было приурочено к знаменательной дате провозглашения Коммуны — 18 марта.

Весной бастовали рабочие завода К. Вейхельта, но полиция приняла все меры к подавлению забастовки в связи с коронационными «торжествами» и приездом в Москву царской фамилии. Начались аресты. В июне возник «Московский рабочий союз». Вскоре забастовали рабочие мастерских Курской и Смоленской железных дорог и крупных заводов — «Новый Бромлей» и Гужона. «Еще несколько дней, — писал в своем докладе Бауман, — и в Москве разразилась бы всеобщая забастовка, но 6 июля были произведены большие аресты» [2].

Конец года ознаменовался новым нарастанием стачечной волны: на заводах Дангауэра, «Старый Бромлей», Фогельзанга и других, в железнодорожных мастерских Ярославской, Смоленской и Рязанской железных дорог рабочие активно боролись за уменьшение рабочего дня, за улучшение условий труда.

Последующие три года (1897—1899), несмотря на отдельные выступления рабочих (однодневная стачка

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 259.

[2] «Николай Эрнестович Бауман». Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1937, стр. 70.

на Прохоровской бумаготкацкой мануфактуре, стачка на фабрике шелка и парчовых изделий Сапожникова, на парфюмерной фабрике Келлера), характеризовались некоторым уменьшением рабочего движения, спадом стачечной волны. Причина этого понижения боеспособности московского пролетариата заключается, как отмечал Бауман, в глубоком промышленном кризисе, с одной стороны, и в решительных мерах предпринимателей против революционно настроенных рабочих — с другой: «с фабрик и заводов рассчитывались, прежде всего, наиболее развитые, сознательные рабочие и, следовательно, самые беспокойные головы». Сильно тормозил партийную работу и крайний недостаток средств.

Затем Бауман перешел к освещению условий появления в Москве зубатовщины; он выявил подлинное лицо самого Зубатова, которому удалось поймать в свои сети Л. Рума, Кварцева и некоторых других членов молодой социал-демократической организации.

Приводя письма (из архива «Искры») московских рабочих в связи с делом Рума и его сообщников по предательству, Бауман показал, «как хитро умел воспользоваться новый начальник охранного отделения (Зубатов. — *М. Н.*) гнусностью одних и непростительным легкомыслием других...». Он бичевал разгильдяйство и полное пренебрежение к революционным традициям людей неустойчивых, морально разложившихся, легко подпадавших под влияние Зубатова.

Ослабление работы социал-демократического комитета, подорванного провокаторской деятельностью зубатовцев, сказалось особенно сильно в феврале 1901 года, «когда, можно сказать, вся Москва волновалась, социал-демократический комитет молчал. Рабочие вышли на демонстрацию без всякого руководства. В марте же комитет проваливается почти в полном составе».

Далее Бауман обрисовал тяжелое положение в московской социал-демократической организации весной — летом 1901 года, трудную работу русского отдела организации «Искры», который, «найдя Москву в таком печальном положении, вынужден был при первых

же своих шагах обратить особое внимание на восстановление здешнего комитета. Вся весна и лето проходят в поисках остатков комитета и связей с рабочими... Только в августе удается познакомиться с одним из деятелей комитета. По его словам, он разрывается на части, почти один на своих плечах выносит всю организационную работу. Нужда в людях, нужда в литературе, нужда во всем. Правда, в течение осени ожидается присоединение нескольких новых товарищей и, следовательно, улучшение дел», — отмечал Бауман. Но в начале 1902 года «жандармы начали генеральную чистку Москвы. Почти ежедневно арестовывалось до пятидесяти человек. Среди захваченных оказались почти все наиболее активные и сознательные рабочие, весь Рабочий комитет и студенты-пропагандисты, а часть организаторов-искровцев попала в ловушку в других городах».

Главную причину этих провалов Бауман видел в зубатовщине. «Искра» правильно утверждала, что «полицейский разврат нам страшнее полицейского насилия».

Бауман показывал, как опасны происки Зубатова в рабочей среде. Зубатов уже тогда «завербовал довольно значительное количество провокаторов из рабочих. Афанасьев, Красивский, Слепов — теперешние лидеры полицейского социализма (1902—1903 годов. — *М. Н.*) — сначала очень скромно подвизались, расплываясь в рабочей массе».

В своем докладе Бауман приводил и другие причины, затруднявшие развитие социал-демократического движения в Москве: отсутствие опытных революционеров, недостаток революционной молодежи по сравнению, например, с Петербургом; он отметил также, что «работницы почти не затронуты до сих пор социал-демократическим влиянием».

Какие же пути улучшения и развития социал-демократической работы намечал в своем докладе Бауман?

Он пришел к выводу, что одни московские социал-демократы не в силах добиться крупных успехов. «Но что было недоступно отдельным организациям, то может и должна сделать партия, — писал Николай Эрнестович. — Прежде всего партия при помощи Централь-

ного Комитета должна взять в свои собственные руки распределение революционных сил.

И на самой первой очереди стоит Москва. Сюда необходимо командировать сразу значительную группу истинных революционеров, чтобы они могли взять все дело в свои руки, поставив организацию на принципы строгого разделения труда».

Таковы были основные выводы доклада Баумана, подготовленного им для II съезда.

День открытия съезда приближался. В местных организациях социал-демократы выбирали делегатов на съезд.

В московской организации выборы на II съезд РСДРП происходили в июне 1903 года. Последовательным сторонникам Ленина приходилось бороться с неустойчивыми, колеблющимися членами организации. Несмотря на то, что нелегальные собрания московских искровцев не раз оказывались под угрозой налета полиции, искровцы два раза собирались на даче на станции Братовщино для обсуждения кандидатур и проведения выборов. Первым делегатом II съезда РСДРП от московской организации был единогласно избран Н. Э. Бауман. Московские искровцы хорошо знали, какую важную работу по подготовке съезда ведет сейчас Николай Эрнестович [1].

II съезд открылся в Брюсселе 17 июля 1903 года в два часа 55 минут. На съезде присутствовало 43 делегата от 26 организаций. Но так как не все организации использовали свое право послать двух делегатов (некоторые послали лишь одного делегата), то у 43 делегатов был 51 решающий голос.

Некоторые делегаты оказались скрытыми «экономистами»; они ожесточенно нападали по всякому поводу на ленинскую группировку искровцев. На позициях «экономистов» стояли, по сути дела, и делегаты Бунда [2].

---

[1] Вторым делегатом был избран молодой студент Л. С. Цетлин, только что вступивший в московскую организацию «Искры». Цетлин принял участие в работах II съезда под псевдонимом Белова.

[2] Всеобщий еврейский социал-демократический союз, созданный в октябре 1897 года в западных губерниях России.

Расстановка сил на II съезде была следующей: большинство составляли сторонники «Искры» (33 голоса). Но среди них девять делегатов, изменивших революционным принципам «Искры», голосовали при решении важнейших вопросов не за предложения Ленина, а за формулировки Мартова. Кроме того, на съезде образовался центр из делегатов, колебавшихся в ответственные моменты голосования между последователями Ленина и противниками ленинской «Искры». У делегатов центра было десять голосов. Три «экономиста» и пять бундовцев являлись открытыми противниками «Искры». Поэтому всякое колебание неустойчивых искровцев, их присоединение к противникам «Искры» могло повести к перевесу врагов «Искры».

С большой страстностью происходило на II съезде обсуждение важнейшего вопроса — программы партии. Против ленинских предложений с ожесточением выступили оппортунисты, не согласные с требованием Ленина признать необходимость диктатуры пролетариата. Возражали оппортунисты и против включения в программу партии требований по крестьянскому вопросу. Ленин в своих выступлениях на съезде разоблачил противников «Искры». II съезд принял революционную программу партии рабочего класса, предложенную «Искрой».

При обсуждении съездом вопроса об Уставе партии особо острые споры вызвало требование Ленина считать членом лишь того, кто признает программу партии, поддерживает партию материально и состоит членом одной из ее организаций. Мартов, опираясь на неустойчивых искровцев и оппортунистов, считал необязательным строгое подчинение членов партии дисциплине. Член партии, по предложению Мартова, мог не входить ни в одну из организаций партии. Более того, меньшевики предлагали считать членами партии даже буржуазных интеллигентов, лишь временно сочувствовавших революции. Эти непролетарские, неустойчивые элементы могли сами себя зачислять в партию, не подчиняясь партийной дисциплине и не выполняя заданий партии. Меньшевиков вполне устраивала партия, организационно неоформленная,

сходная с реформистскими партиями II Интернационала.

Ленин, разоблачал реформизм и оппортунизм сторонников Мартова. «В целях сохранения единства в партии — учил Ленин — необходима железная пролетарская дисциплина, твердые нормы партийной жизни, регулируемые Уставом, одинаково обязательные для всех членов партии как для руководителей, так и для рядовых»[1].

При голосовании вопроса о формулировке первого параграфа Устава партии (о членстве в партии) неустойчивые искровцы пошли за Мартовым, а не за Лениным, и съезд принял (28 голосов «за», 22 голоса «против», 1 воздержался) формулировку Мартова. Этот раскол искровцев еще более обострил борьбу на II съезде.

Вскоре работа съезда привлекла внимание полиции. За делегатами началась усиленная слежка со стороны бельгийской полиции и русских охранников, присланных в Брюссель из Берлина, где царский охранник Гартинг (Линднер) организовал отделение тайного политического сыска. Следили и за Бауманом и за его товарищами, в особенности когда делегаты после вечерних заседаний расходились по гостиницам.

М. Н. Лядов, делегат II съезда, вспоминал о характерном эпизоде этой слежки. После одного из заседаний он и Бауман, оживленно разговаривая и обсуждая подробности страстных прений на съезде, возвращались в гостиницу. Вскоре они заметили, что за ними упорно следует какой-то подозрительный субъект. Бауман и Лядов прибавили шагу — и навязчивый спутник поспешил за ними, стараясь не отстать. Делегаты пошли медленнее, замедлил шаги и их непрошенный попутчик.

— Явный шпик, — сказал Бауман.

Решили применить испытанный прием: пошли к товарным складам у подъездных путей станции. Был

---

[1] «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)». М., 1953, стр. 9.

поздний вечер, и вокруг не видно было ни прохожих, ни полицейских. Сыщик поколебался было, но все же продолжал итти за делегатами, держась в тени складов и навесов станции. Внезапно Бауман и Лядов круто повернулись к преследователю и в упор спросили его: «Что вам нужно?», добавив при этом, что если он немедленно не исчезнет, то будет жестоко избит. Для большей внушительности сунули руки в карманы, как бы готовясь выхватить револьверы, которых, конечно, ни у кого из делегатов съезда не было. Перепуганный сыщик моментально исчез, и довольные своим решительным маневром Бауман и Лядов спокойно добрались до своей гостиницы.

Но так как слежка продолжалась и в следующие дни, а четырем делегатам бельгийская полиция даже предложила в двадцать четыре часа покинуть Бельгию, то съезд решил перенести свою работу из Брюсселя в Лондон. Там и проходила остальная часть работ II съезда.

По воспоминаниям М. Н. Лядова [1], на пароходе, на котором ехали делегаты съезда в Лондон, Николай Эрнестович оживленно беседовал с Лениным о складывающейся расстановке сил на съезде. Бауман был полон уверенности в победе твердых искровцев.

И действительно, во время голосования на съезде по вопросу о центральных учреждениях партии получили большинство голосов сторонники Ленина, а мартовцы остались в меньшинстве.

Сторонников Ленина, получивших большинство при голосовании по вопросу о составе центральных учреждений партии, стали называть большевиками, а их противников, шедших из Мартовым, — меньшевиками.

О работе московской организации Бауман докладывал 24 июля на тринадцатом заседании съезда.

Бауман выступал в прениях под псевдонимом Сорокина. Он поддерживал твердых искровцев, группировавшихся вокруг Ленина. Подробно освещая в своей книге «Шаг вперед, два шага назад» ход борьбы на

---

[1] В беседе с автором.

II съезде между искровцами и их противниками, Ленин в числе твердых искровцев называет Баумана.

Так, излагая ход прений о приглашении группы «Борьба» на II съезд, Ленин отмечает, что «рабочедельцы» высказались за участие этой группы в работе съезда, а твердые искровцы (Сорокин и другие) решительно возражали против приглашения этой оппортунистической группы.

Бауман отстаивал на съезде принципиальность членов партии. Единственный критерий выступления члена партии, по мнению Баумана, — это политические задачи, политические соображения, а не временные, преходящие мотивы, зачастую носящие недостойный члена партии узко личный характер. Как отметил Ленин, Бауман выступил на съезде с резким протестом против меньшинства, пытавшегося занять *«принципиально неправильную и недопустимую* позицию *обывательских* соображений» [1].

Ленин в своей классической работе «Шаг вперед, два шага назад», разгромившей меньшевистский оппортунизм в организационных вопросах, отмечает совершенно справедливые протесты Сорокина, выступившего против Дейча, который пытался, по определению Ленина, «пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним» [2].

Бауман заявил Дейчу: «Мы здесь члены партии и должны, следовательно, поступать, руководствуясь исключительно политическими соображениями» [3].

Заседания съезда нередко носили бурный характер, причем оппортунисты предлагали множество поправок (так, например, «экономист» Акимов внес двадцать поправок).

При всех голосованиях Бауман неизменно оставался на стороне Ленина, поддерживал все вносимые Лениным предложения. Второй член московской делегации, Л. С. Цетлин, перешел на сторону Мартова и стал на меньшевистские позиции.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 291.
[2] Там же.
[3] «Протоколы II съезда РСДРП». М., 1932, стр. 369.

Съезд работал до 10 августа 1903 года. Было проведено тридцать восемь заседаний.

По окончании съезда, 11 августа, делегаты-большевики во главе с Лениным посетили могилу Карла Маркса на Хайгетском кладбище.

По воспоминаниям М. Н. Лядова, Ленин у входа на кладбище предложил своим спутникам спросить у сторожей, где находится могила Карла Маркса. Ответ кладбищенских сторожей был поразителен: они знают могилы известных людей, а эту редко посещаемую могилу указать не могут. Но Ленин сам провел своих друзей к скромной могиле.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Карл Маркс уснул навеки в своем рабочем кресле 2 марта 1883 года...

И теперь у его могилы, украшенной свежей травой и вечнозеленым кустарником, склонили головы члены великой партии пролетариата, взявшие в свои руки дело освобождения трудящихся всего мира.

Это были незабываемые минуты молчаливой клятвы большевиков, пришедших к могиле Маркса со своим вождем и учителем Лениным перед началом решающих битв с самодержавием и буржуазией...

Чувствуя огромный прилив энергии, уверенные в своей окончательной победе, покинули Хайгетское кладбище делегаты-искровцы.

Они знали, что II съезд, несмотря на колебания, сыграл исключительную роль в истории борьбы российского рабочего класса за свое освобождение.

II съезд РСДРП создал революционную марксистскую пролетарскую партию. Основанием для создания такой партии послужили идейные и организационные принципы, выдвинутые ленинской «Искрой». II съезд РСДРП «впервые в истории международного рабочего движения после смерти Маркса и Энгельса принял революционную программу, в которой выдвигалась как основная задача — борьба за диктатуру пролетариата»[1].

---

[1] «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)». М., 1953, стр. 7.

* * *

Вскоре после окончания работ съезда выяснилось, что меньшевики не намерены всерьез выполнять резолюции съезда. Они пытались овладеть центральными органами партии, надеясь затем сорвать решения съезда. Меньшевики старались провести в редакцию «Искры» как можно больше своих представителей, чтобы иметь перевес над представителями большевиков. Они потребовали, чтобы в ЦК партии было столько же представителей меньшевиков, сколько и большевиков. Это требование также открыто противоречило постановлениям II съезда. Более того, меньшевики во главе с Троцким, Мартовым и Аксельродом решили поднять, по выражению Мартова, «восстание против ленинизма». На помощь меньшевикам пришел Плеханов, который на II съезде РСДРП разделял позиции Ленина, а вскоре после съезда перешел в лагерь меньшевиков. Он испугался угроз меньшевиков о «неизбежном расколе партии» и отказался от ленинских революционных принципов. У Плеханова и до II съезда были оппортунистические ошибки, которые привели его сначала к примирению с меньшевиками, а в дальнейшем и к переходу на их сторону.

Плеханов нарушил решения II съезда по вопросу о составе редакции «Искры». Он кооптировал в редакцию старых редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Несмотря на решение съезда, Плеханов создал такую редакцию, в которой меньшевики, после включения в ее состав кооптированных, получили большинство голосов. Тогда Ленин вышел из состава редакции.

Таким образом, начиная с № 52, «Искра» стала меньшевистской, оппортунистической, стала органом борьбы с Лениным, с идеями большевизма.

Меньшевики повели на страницах «Искры» яростную борьбу против организационных и тактических принципов большевизма. Они не останавливались перед извращениями решений II съезда, перед прямой клеветой на Ленина и большевиков. В этих условиях громадное значение приобрела книга Ленина «Шаг

вперед, два шага назад», вышедшая в свет в мае 1904 года. Эта работа Ленина разгромила оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах. Вместе с тем в этой книге В. И. Ленин впервые в истории марксизма разработал учение о партии как передовом отряде пролетариата. Пролетариат должен выковывать свое главнейшее оружие — партию. Это даст ему возможность победить буржуазию, установить свою диктатуру.

Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» имела громадное влияние на рабочих. Большинство местных партийных организаций перешло на платформу большевиков, сплотилось вокруг В. И. Ленина.

Промежуток времени с окончания работ II съезда до появления книги «Шаг вперед, два шага назад» был чрезвычайно ответственным в ожесточенной идейной и организационной борьбе большевиков с меньшевиками. Меньшевики, захватив центральные учреждения партии, стали распоряжаться партийными финансами, полиграфической базой, техническими средствами транспортировки литературы и т. п. Большевикам, тесно сплотившимся вокруг Ленина, пришлось приложить большие усилия для создания в Швейцарии новой технической базы и для налаживания новых транспортных связей и т. д.

Бауман по поручению Ленина побывал в различных городах Швейцарии, чтобы выяснить, где можно создать полиграфическую базу для печатания большевистской литературы. Необходимо было разоблачить перед рабочим классом России предательскую роль меньшевиков после II съезда РСДРП.

Несмотря на напряженную работу, Николай Эрнестович не забывал послать весточки родным [1].

26 августа он писал из Брюсселя сестре Эльзе:

«Милая Эльзурка. Давным-давно у меня нет никаких сведений от тебя. Быть может, ты писала мне, но твои письма могли случайно еще не дойти до меня, так как я все еще скитаюсь по белу-свету.

---

[1] Письмо и две открытки, посланные Бауманом родным в этот период, хранятся в Музее Революции.

Дом № 26 по улице Баумана, у которого был убит Н. Э. Бауман.

Похороны Н. Э. Баумана. Общий вид демонстрации.

На жизнь свою пожаловаться не могу; дни, недели, месяцы пролетают незаметно, не успеваешь справляться с впечатлениями».

Затем Николай Эрнестович справляется о настроении, работе сестры, просит ее «не полениться и немедленно ответить». Бауман шлет Эльзе сердечный привет, кланяется и просит передать поцелуй братьям Саше и Эрочке.

На другой день он послал отцу большое письмо, заботливо спрашивая о здоровье Эрнеста Андреевича и Мины Карловны. В конце августа Эльза получила от Николая Эрнестовича еще одну открытку:

«Привет с гор швейцарских! Живу в маленьком домике, недалеко от изображенной здесь деревеньки. Целую. Твой Коля».

Во время разъездов по Швейцарии Николай Эрнестович побывал в знаменитом Шильонском замке. Как писал Николай Эрнестович сестре Эльзе, его привлекали к замку не только легенды, он хотел посмотреть, в каких условиях содержались в средневековых тюрьмах борцы за свободу.

Шильонский замок одиноко возвышается на скале, далеко врезавшейся в Женевское озеро. Тюрьма устроена в подземелье, вырубленном в скале. Тусклые, узкие окошки ее почти на одном уровне с водами озера, а холодный каменный пол тюрьмы ниже уровня воды, и окошки находятся высоко над головой узника. Бауман молча осматривал семь каменных столбов, поддерживающих свод подземной темницы. На трех из них висели наглухо заклепанные толстые железные кольца. К столбам приковывались обвиняемые в измене — смелые бойцы с варварским, деспотическим правлением династии герцогов Савойских. Над подземельем — зал суда, в котором допрашивали и пытали заподозренных в борьбе против гнета и тирании. Кажется, что громадный столб посреди зала еще хранит следы крови... Рядом с этим залом — маленькое узкое помещение с каменной скамьей, на которой осужденные проводили свою последнюю ночь. В углу — виселица, а в другом углу — люк, в который выбрасывали трупы.

Пройдя через несколько каменных, вырубленных в скалах темниц, Николай Эрнестович попал в «уголок милосердия» — так называлась камера, куда бросали людей, приговоренных «выбирать смерть». Этот «выбор» был единственным и чудовищным: несчастные делали несколько шагов во тьме и падали в глубокий колодец, на дне которого торчали остро отточенные ножи...

А над этой страшной подземной тюрьмой, где томились полуживые от пыток борцы за свободу, — во дворце герцога — днем раздавалась органная музыка в придворной капелле, а вечерами и по ночам играл оркестр...

Бауман долго стоял у столба, к которому семь лет был прикован предводитель восставших крестьян Бонивар. На глазах Бонивара умерли медленной смертью два его брата, не выдержавшие долгих лет мучительного заключения. Но он сумел сохранить не только жажду к жизни, но и к борьбе. Когда открылись, наконец, двери его темницы и друзья окружили Бонивара, первый его вопрос был о родном городе:

— Свободна ли Женева?..

Выходя из подземелий Шильонского замка, Бауман невольно прикрыл глаза от ослепительного полуденного света. Вспомнив легенду об освобождении Бонивара, он задумчиво повторил его вопрос:

— Свободна ли Женева?..

* * *

Вернувшись в Женеву, Бауман выступил 26 октября 1903 года на II съезде «Заграничной лиги» русской революционной социал-демократии как непреклонный сторонник Ленина. Из конспиративных соображений Бауман называл себя в то время Сарафским.

«Лига» оказалась в руках меньшевиков, в ней преобладали интеллигенты-эмигранты, оторвавшиеся от партийной работы в России. Но вылазки меньшевиков не могли остановить большевиков. Бауман вел разъяснительную работу среди находившихся за границей

социал-демократов о значении II съезда, о правильности ленинской линии.

В конце 1903 года Ленин дал Бауману новое, крайне важное поручение, — он направил его на подпольную работу в Россию. Большевики перенесли борьбу с меньшевиками в рабочие организации, они были уверены, что рабочие отбросят оппортунистов со своей дороги и присоединятся к большевистской партии. Но для этого необходимо было нести живое слово большевистской агитации в широкие слои рабочих, обратиться непосредственно к местным комитетам.

И вот для разоблачения дезорганизаторской политики меньшевиков после II съезда РСДРП, для того, чтобы помочь местным комитетам РСДРП перейти на позиции большевиков, Ленин направил в Москву, на Кавказ, на Украину своих лучших соратников.

«В целях создания в Москве Северного бюро Центрального Комитета из крепких, устойчивых большевиков, — вспоминала Ц. С. Зеликсон-Бобровская, жившая осенью 1903 года в Швейцарии, — Владимир Ильич прежде всего отправил туда нашего общего любимца Николая Баумана — беглеца из Киевской тюрьмы и главного организатора этого известного в истории нашей партии смелого побега 10 искровцев»[1].

Вторым членом «Северного бюро» был направлен в Москву Ф. В. Ленгник (подпольные партийные клички его были «Курц», «Зарин», «Кол»). В. С. Бобровский получил поручение выехать на Кавказ.

Большевики шли в новый бой.

Товарищи по ленинской «Искре» вспоминают, что Бауман «буквально горел при мысли о том, какую важную работу придется ему провести в Москве».

Друг Н. Э. Баумана В. С. Бобровский вспоминал:

«Николай Эрнестович, будучи человеком с высшим образованием, не имел никаких интеллигентских «настроений». В нем не было и следа душевной расхлябанности... Верный товарищ, коренной партиец-подпольщик, он нес с собою, помимо горячей веры

---

[1] Ц. С. Зеликсон-Бобровская. Незабываемые встречи. Воспоминания о Ленине. М., 1947, стр. 44.

в дело, за которое он отдал свою жизнь, бодрость, смелость, неутомимость, жизнерадостность».

В этом боевом, жизнерадостном настроении Бауман и тронулся в путь. Когда Бобровский в беседе с ним упомянул, что в Москве, по последним сообщениям, средняя продолжительность работы искровских агентов не превышает трех месяцев, Николай Эрнестович улыбнулся и ответил своей любимой поговоркой:

— Желать — значит сделать! Если взяться за дело как следует, то и трех месяцев хватит для выполнения этой работы.

XIII. ПРОПАГАНДИСТ И ОРГАНИЗАТОР

Готовясь к новой поездке в Россию, Бауман приобрел паспорт на имя Вильгельма Земпфега, германского подданного. С помощью друзей ему удалось изменить свою наружность применительно к приметам, обозначенным в паспорте. Он преобразился в элегантного коммивояжера: модная прическа, нафабренные усы, шляпа, трость с не менее модным набалдашником. Одежда и манеры его соответствовали принятой им на себя роли.

Бауман намеревался переехать границу в Австрии. Его жена тоже должна была выехать в Москву, но немного позже после его отъезда, во избежание слежки.

12 декабря 1903 года Н. Э. Бауман сел на поезд, идущий в Австрию. Однако отъезд его не остался незамеченным заграничной агентурой царской охранки. В департамент полиции полетела шифрованная телеграмма: «В четверг утром уехал из Цюриха в Россию через Вену и австрийскую границу, вероятно Граево, Николай Бауман; его жена, урожденная Уварова, поедет через три дня на Вержболово или Александрово. Ее необходимо филировать».

Вице-директор департамента полиции тотчас же телеграфировал во все пограничные пункты (Граево, Сосновицы, Граница, Радзивилов, Волочиск): «Разыскиваемый Николай Бауман направился из Цюриха через Вену нелегально Россию. Примите меры аресту».

Но «Грач» и на этот раз «перелетел» границу без осложнений. Труднее оказалось в Москве: едва лишь Бауман остановился в московской гостинице «Париж», как заметил за собой искусно замаскированную слежку.

Заведующий берлинской агентурой департамента полиции Гартинг 28 декабря шифрованной телеграммой сообщил директору департамента:

«Узнаю под величайшим секретом: Бауман уехал под именем Земпфега, можно проследить, но не арестовывать сразу, дабы не провалить источник».

Московская охранка тоже сообщила департаменту полиции, что «эмигрант Николай Бауман проживает в Москве... по паспорту германского подданного Вильгельма Земпфега и значится прибывшим в Москву 19 сего декабря. За Бауманом учреждено секретное наблюдение».

В свою очередь, департамент полиции прислал начальнику московского охранного отделения «полученную совершенно секретным путем, в двух видах, фотографическую карточку Николая Эрнестова Баумана, прибывшего в Россию по паспорту Земпфега». При этом департамент полиции «считает долгом добавить, что означенные карточки надлежит предъявить наблюдательным агентам с особой осторожностью, дабы не обнаружить источника, из коего таковые получены».

Как ни осторожно вели слежку агенты охранки, Бауман все же догадался о ней, покинул гостиницу «Париж» и нашел приют у друзей-рабочих, с которыми он установил тесные товарищеские отношения еще в первый свой приезд в Москву, в конце 1901 года.

Одним из надежных, испытанных товарищей Николая Эрнестовича был наборщик Николай Николаевич Кудряшов, долгие годы проработавший в типографиях и на иваново-вознесенских и московских фабриках и заводах.

Переодевшись в рабочее платье, Бауман днем отсиживался в маленькой комнатке у Кудряшова. Выходил Николай Эрнестович только вечером и переулками окраинных улиц пробирался на конспи-

ративную явку, чтобы повидаться и побеседовать со связным какого-либо района Москвы.

В конце 1903 и начале 1904 года у Баумана было несколько явок в рабочих слободках. Одна из них — на Немецкой улице, во дворе дома № 27, в маленьком деревянном флигеле, где жил знакомый Кудряшову иваново-вознесенский ткач. Неподалеку находился старый кирпичный дом (№ 23). Здесь еще в 1894—1895 годах на квартире рабочего К. Ф. Бойе собирался центральный рабочий кружок. Старые рабочие фабрик и заводов Лефортовского района помнили об этом кружке, и Николай Эрнестович установил связь с некоторыми из них. Явочная квартира на Немецкой улице, в доме № 27, носила условное название: «неподалеку от старого мезонина» (кружок 1894—1895 годов собирался у Бойе в мезонине)[1].

Бауман пробирался на квартиру на Немецкой улице переулками. Сделав большой крюк от Земляного вала к Яузе, он шел затем по набережной этой реки. Неприглядными были заваленные всевозможными нечистотами берега Яузы. Приходилось обходить ямы и рытвины, лавировать между лужами. Над лениво текущей речкой с размытыми берегами, осыпями мусора и навоза почти всегда висело зловонное облако испарений... Неудивительно, что Городская дума вынуждена была в своем отчете за 1903 год отметить «явные очаги сыпного и в особенности брюшного тифа по берегам Яузы, у Синичкина пруда, а также на Ямском поле...»

Переночевав несколько раз у Кудряшова, Бауман должен был «переменить место своего непрописанного жительства». Он направился в рабочую слободку близ Симонова монастыря, где расположились бараки рабочих трех крупных заводов — Бари, «Динамо» и Гана. В шесть часов утра далеко вокруг разносился сиплый гудок завода Бари. Из Симоновой слободы спешили на работу тысячи людей в блузах, кацавейках, стареньких пиджаках. Рабочий день длился одиннадцать-двенадцать часов, на заводах Бари и Га-

---

[1] Эти сведения сообщены автору В. Г. Сущинским.

на практиковалась система обязательных сверхурочных. Поздним вечером рабочие возвращались в каморки своих общежитий, где человеку полагалось место на нарах меньше метра в ширину.

В одном из таких общежитий Симоновой слободы Бауман провел несколько ночей. Рано утром он со своим хозяином, старым рабочим, который выдавал Баумана за своего земляка, уходил «на поиски работы» и возвращался поздним вечером. Трудно было узнать в этом парне элегантного коммивояжера Земпфега, которого безуспешно разыскивали жандармы в центре города. В воскресенье Бауман беседовал с молодыми рабочими о необходимости организованного, совместного выступления пролетариата против царизма и капиталистов. Николай Эрнестович умел говорить удивительно просто, произнося слова по-волжски мягко, с чуть заметным оканьем.

Через неделю Николай Эрнестович с помощью Чугаева, рабочего завода Листа, перебрался в Сокольники, установив связи с рабочими «Богатыря» — крупного завода резиновых изделий. Бывал Бауман и на Трехгорной мануфактуре: наладить связь с ней через орехово-зуевских ткачей ему помог И. В. Бабушкин.

Бауман находил поддержку и среди московской интеллигенции. Надежное убежище он нашел у замечательного артиста Художественного театра Василия Ивановича Качалова. Его квартира была конспиративным адресом для связи редакции «Искры» с московскими искровцами.

В архиве ИМЭЛС хранятся письма В. И. Ленина в московскую организацию «Искры», отправленные в адрес Качалова. Встречаясь у Качалова, агенты «Искры» передавали и получали искровскую литературу.

Бауман был радушно встречен хозяином. Качалов пригласил своего гостя в Художественный театр на встречу Нового года. На этом веселом новогоднем маскараде большинство участников было загримировано, что было очень кстати для «гостившего» у Качалова Баумана.

По воспоминаниям В. И. Качалова, «Грач» в этот вечер веселился и танцевал со всей присущей ему жизнерадостностью и неутомимостью».

Как опытный конспиратор, Бауман всегда принимал меры предосторожности: была изобретена целая система крестов и точек мелом на водосточной трубе одного из домов, расположенных неподалеку от квартиры Качалова. Отсутствие условного знака должно было служить сигналом о провале явки, и Бауман с присущей ему в подпольной работе аккуратностью и точностью, прежде чем возвратиться на квартиру Качалова, неизменно убеждался в «хорошей погоде», то-есть в том, что цела условная пометка на водосточной трубе [1].

В. И. Качалов так рассказывал о своих встречах с Николаем Эрнестовичем: «Много воспоминаний, много встреч... Из них самая незабываемая, наиболее дорогая, радостная и вместе с тем печальная — это встреча с Николаем Эрнестовичем Бауманом. Он жил у меня на московской квартире, скрываясь от охранки... Бауман поражал своей исключительной жизнерадостностью, талантливостью натуры, широтой интересов живого, творческого ума. Пламенность и непримиримость революционера соединялись в нем с душевной мягкостью, добродушием. Он очень любил искусство, хорошо понимал его, умел и любил о нем говорить. У меня осталось впечатление, что это был лучший человек из всех, с кем я близко встречался за всю мою жизнь» [2].

Такие же воспоминания о Николае Эрнестовиче сохранились и у жены В. И. Качалова — Н. Н. Литовцевой. «Я помню... его (В. И. Качалова. — *М. Н.*) восторженное, почти влюбленное отношение к Н. Э. Бауману в те счастливые для нас дни, когда он жил у нас. Василий Иванович ловил каждую минуту возможности быть с ним. После спектакля он, обычно уходивший из театра после всех, тут спешно разгримиро-

---

[1] Эти сведения сообщены автору В. И. Качаловым.

[2] Е. Пятакова. Качалов рассказывает, «Театральная неделя», 1941, № 11, стр. 5.

вывался и бежал домой, чтобы до глубокой ночи, а иногда и до утра слушать увлекательные и волнующие рассказы и воспоминания Николая Эрнестовича, его мечты и светлые, яркие мысли о будущем, стараясь не потерять минуты общения с ним, точно предчувствуя, что минуты эти считанные. И как мучительно и гневно переживал он его кончину»[1].

В одной из бесед с Николаем Эрнестовичем Бауманом Василий Иванович Качалов вспоминал свое детство, годы ранней юности, когда он в конце 1895 года выступал в рабочем театре за Невской заставой. Еще студентом он приезжал в этот район на паровичке и играл в маленьком театрике, переполненном рабочими Семянниковского, Александровского, Фарфорового заводов, фабрик Паля и Максвеля.

— Отличная публика! Как непосредственно и тепло принимают они нашу игру! Какое это великое удовольствие и счастье для актера — играть перед такой чуткой, отзывчивой аудиторией! — говорил В. И. Качалов.

Бауман вспоминал подпольные кружки за Невской заставой. Затем говорили о пьесе Чехова «Дядя Ваня». В этой пьесе один из скромных персонажей, Вафля, почтительно говорит профессору Серебрякову: «Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства, — брат жены моего брата был магистром». Качалов нередко цитировал эти слова Вафли. Потом Василий Иванович заговорил о своих революционных связях, упомянув о двоюродном брате, который был первым его революционным учителем.

Николай Эрнестович, взглянув с улыбкой на Качалова, перебил его:

— Ага, стало быть, вы питаете к революционерам не только благоговейные, но даже родственные чувства?

Эта остроумная реплика вызвала общий смех.

...Бауман поддерживал связи с товарищами-под-

---

[1] «Василий Иванович Качалов». Сборник статей, воспоминаний, писем. М., 1954, стр. 436.

польщиками и на конспиративных явках в Измайловской больнице, и в конторе Морозова, и в тесных каморках рабочих.

Поддержка рабочих и революционно настроенной интеллигенции помогала Бауману избегать разыскивавших его охранников. Бауман умело конспирировал свою работу. В то время у него было несколько кличек: «Дерево», «Виктор», «Грач», «Иван Сергеевич».

Встретиться с ним можно было на одной из явочных квартир, строго соблюдая правила конспирации. Лицо, желавшее свидеться с «Грачом», должно было явиться по московскому адресу Ногина на Варварку в контору Викулы Морозова, подняться во второй этаж, вызвать Павла Ногина и наедине сказать ему: «Позвольте получить по счету Леопольда».

* * *

В Москве Бауман разоблачал оппортунистические раскольнические действия меньшевиков, налаживал новые и восстанавливал старые связи в широких слоях московских рабочих (организация конспиративных явок для проведения бесед, собраний); организовал издание большевистской литературы, в особенности листовок и брошюр В. И. Ленина, разъяснявших рабочим смысл и значение раскола партии на II съезде, — вот краткий перечень очередных дел «Ивана Сергеевича».

Вместе со своими ближайшими товарищами и соратниками Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгником и П. А. Красиковым Бауман создал в Москве «Северное бюро ЦК» — прочный центр большевистского влияния и ленинского руководства рабочим движением не только в Москве, но и в крупных промышленных городах северо-востока России.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская поддерживали тесную связь с «Северным бюро ЦК». В январе 1904 года Н. К. Крупская от имени В. И. Ленина сообщила Бауману об усилившейся дезорганизаторской деятельности меньшевистских агентов, указывая на необходимость немедленной подготовки к созыву III съезда

партии. «...Все более становится очевидным, — писала она, — что так дальше идти не может. Перед ЦК стоит дилемма — или сдать все меньшинству и уйти оплеванным и оклеветанным, или немедля созвать съезд. Одно только это может спасти честь большинства, да и честь партии вообще. Нет другого выхода, кроме как съезд, и, так как, в конечном счете, это зависит от комитетов, а не от ЦК, то надо вести агитацию по комитетам и подготовлять делегатов... Повредить это ничему не может. А быть на-чеку необходимо» [1].

Завоевание местных организаций большевиками было боевой задачей дня. Этому препятствовали меньшевики. Московские меньшевики были такими же дезорганизаторами и изменниками, как и их лидеры, захватившие ЦК путем кооптации и даже выпустившие «декларацию», направленную против Ленина. В такой обстановке без своей газеты, листовок и брошюр было крайне трудно выполнять указание Ленина о «завоевании местных организаций».

Бауман горячо взялся за организацию большевистской подпольной типографии. Нелегко было подыскать подходящее помещение. Большую помощь Бауману оказал Н. Н. Кудряшов. Он был связан с рабочими многих типографий, и ему удалось достать часть шрифта в Москве, а часть привезти из других городов. Шрифт был старый, сбитый, печатный станок примитивный. Но все же на нем можно было отпечатать не одну тысячу листовок.

Вначале подпольная типография помещалась в церковном домике на Плющихе, где жил знакомый Кудряшову студент с женой. Неподалеку находился полицейский участок, и Бауман говорил, что вряд ли полиция догадается искать подпольную типографию в соседнем с ним дворе.

Более месяца прошло, а «синодальная типография», как шутливо называл ее Бауман, все не могла приступить к работе: не хватало опытных наборщиков.

---

[1] «Из истории московской организации ВКП(б) (1894—1904 гг.)». М., 1947, стр. 100.

Бауман обратился за помощью к товарищам в Петербург, и оттуда вскоре приехала А. М. Тараева [1], которая вместе с женой Баумана и Кудряшовым стала помогать Николаю Эрнестовичу в издании большевистской литературы.

По конспиративным соображениям Бауман и его друзья перенесли типографию в другое место. На этот раз сняли небольшое помещение на втором этаже в районе Таганки. Но вскоре выяснилось, что оно выбрано неудачно: как раз под типографией оказался большой зал, в котором нередко происходили танцы. Резонанс в зале усиливал шум печатного станка, и он был слышен далеко. Бауман до подыскания нового помещения перевез оборудование типографии на квартиру жены, в доме № 69 (по старой нумерации 39) на Нижней Красносельской улице. Жена его проживала по паспорту умершей Надежды Кузьминой. Полиция же разыскивала Надежду Уварову, и поэтому ей удавалось избегнуть слежки и ареста.

После длительных поисков более подходящего помещения было решено начать работу в квартире жены Баумана. Это было, конечно, рискованно, но иного выхода Бауман и Кудряшов не видели: надо было немедленно печатать листовки, полученные от Ленина.

Зимой 1903/04 года на Нижней Красносельской улице начала работать подпольная большевистская типография. Несмотря на то, что Бауман вел большую организационную работу, он нередко, придя поздним вечером, сам набирал принесенные им листовки.

К 1 мая 1904 года удалось напечатать около двух тысяч первомайских листовок, составленных Бауманом. В них популярно объяснялось положение рабочего класса, его насущные нужды и пути борьбы с капитализмом и всем самодержавным строем.

Листовки были распространены в Лефортове, в Сокольниках, в Бутырском районе и в Замоскворечье. Они нарасхват читались рабочими московских предприятий.

---

[1] Умерла в 1942 году в Ленинграде во время блокады.

Ободренные первым успехом, Бауман и Кудряшов энергично взялись за расширение подпольной группы наборщиков, чтобы в десятках тысяч листовок осветить текущие события: войну с Японией, нарастающую волну стачек в городах и аграрных выступлений в деревнях. К весне 1904 года в подпольной большевистской типографии было уже около двадцати наборщиков, транспортеров и связистов.

Баумана и его товарищей не удовлетворяло примитивное оборудование типографии. Николай Эрнестович принимает меры к тому, чтобы расширить работу типографии, заменить старый печатный станок более совершенной машиной.

Бауман в то же время продолжал руководить подпольными кружками. Он полагал, что лучшей связью пропагандистов с рабочими являются беседы на регулярных занятиях в кружках.

Николай Эрнестович весной 1904 года руководил двумя кружками в Лефортовском районе. Один из кружков помещался на Соколиной улице, в доме № 9, а другой — на Михайловской улице (ныне Щербаковская), в мезонине небольшого деревянного дома № 18. По воспоминаниям члена этого кружка А. Г. Кузнецова [1], кружок на Михайловской улице состоял из пятишести рабочих окрестных фабрик и заводов (фабрики Ронталлера, завода инженера Ветчинкина и других). Кружок организовался в середине марта 1904 года. Вначале с кружковцами занимался пропагандист «товарищ Евгений» (фамилию его никто из членов кружка не знал). Свои беседы он посвящал истории развития общества, культуре древнего мира. Молодым кружковцам было трудно и даже порой скучно слушать его суховатый пересказ учебников.

Им хотелось бы знать о том, как живут рабочие по всей России, о росте революционного движения. Беседы «товарища Евгения» их не удовлетворяли.

Перед 1 мая был арестован один из членов кружка, Федя Матвеев, а затем и «товарищ Евгений» (он вскоре умер в Харькове). Кружок лишился руководителя,

---

[1] В беседах с автором.

и рабочие попросили через своего связного по заводу Московский комитет партии прислать нового пропагандиста. И в мае в их кружке появился новый руководитель. Обменявшись паролями, он начал первую беседу.

— Нас прежде всего поразили, — вспоминает А. Г. Кузнецов, — умные, проницательные глаза этого товарища, назвавшегося «Иваном Сергеевичем». Он спокойно и как-то необычайно тепло, словно старший брат, умел разговаривать с каждым из нас, умел с первого же занятия так заинтересовать кружковцев, что они с увлечением принялись читать и изучать рекомендуемые им брошюры и книги. Ясный, живой язык нашего нового пропагандиста, какая-то особая задушевная манера освещать факты нашей жизни с нашей же, рабочей, точки зрения крайне нравились всем кружковцам.

«Иван Сергеевич» рекомендовал своим слушателям ознакомиться с историей революционного движения в России по известной в пропагандистских кругах книге профессора Туна. Однако достать эту книгу было очень трудно. «Иван Сергеевич» решил, по его выражению, «взять быка за рога» и вести с кружковцами беседы не только на исторические темы (о появлении в России рабочего класса, этапах его революционной борьбы, о морозовской стачке и т. п.), но и о современных текущих вопросах борьбы пролетариата.

Особенное влияние на кружковцев-рабочих произвела принесенная «Иваном Сергеевичем» и прочитанная вслух статья Ленина «Рабочая партия и крестьянство», напечатанная в третьем номере «Искры».

Кружковцы с глубоким вниманием слушали о том, что рабочие борются за интересы трудящихся не только города, но и деревни, и о необходимости классовой борьбы в деревне.

«Иван Сергеевич» по нескольку раз прочитывал кружковцам основные положения этой статьи, а затем молодые рабочие обсуждали насущные вопросы жизни.

Он занимался регулярно, один-два раза в неделю, стараясь в несколько бесед подготовить своих слуша-

телей для практической пропагандистской работы среди широких масс. «Иван Сергеевич» полагал, что кружковые занятия только тогда можно считать удавшимися, если через два-три месяца сами кружковцы начнут работать как пропагандисты в рабочих общежитиях, в деревнях во время летнего отпуска.

— Старайся в кружке не только узнать побольше, но и стремись поскорее передать свои знания товарищам, которые всю свою жизнь не слыхали свободного слова! — настойчиво повторял «Иван Сергеевич» почти на каждой беседе.

В этом кружке он вел занятия вплоть до середины июня.

А в это время жандармы и полиция усиленно разыскивали Баумана. Департамент полиции 17 февраля 1904 года запросил начальника московской охранки о «результатах наблюдения по г. Москве за представителем заграничного центра Российской социал-демократической рабочей партии... какие имеются сведения о настоящем местопребывании помянутого революционного деятеля». На полях документа, испещренного восклицательными знаками начальника департамента полиции, была наложена категорическая резолюция: «принять все зависящие меры к аресту».

В марте Бауман заметил опасные признаки: сыщики, повидимому, каким-то образом обнаружили местонахождение типографии. Бауман и его жена решили ранней весной выехать в дачный пригород.

«Ирина» [1] сняла дачу в Зыкове. С большими предосторожностями типографию перевезли на квартиру Кудряшова неподалеку от Бутырской заставы, на 2-й Вятской улице. Сюда приходили работать А. М. Тараева и жена Баумана.

Ц. С. Зеликсон-Бобровская пишет в своих воспоминаниях, что «одна, бывало, шумит на швейной машинке, чтобы производить впечатление, будто здесь портняжная мастерская, т. Кудряшов в это время печатает, другая помогает ему. Печатали максимум по две тысячи листовок, причем часто самим же ра-

---

[1] Подпольная кличка жены Баумана.

ботающим в типографии приходилось искать пути к читателям этих листовок, к рабочим. Тут много помогали Серов от «Листа» и водопроводчик Чукаев»[1].

* * *

В середине мая Бауман заметил, что за дачей в Зыкове следят. Он еще более законспирировал свои посещения подпольной типографии.

Однако полицейско-охранная сеть стягивалась все туже. В начале июня дача, где жила жена Баумана и ее «прислуга», оказалась под явным наблюдением. Бауман в течение суток никуда не выходил и послал жену к Кудряшову с просьбой дать ему рабочий костюм. У Кудряшова запасного костюма не оказалось. Пришлось ему самому пойти к Бауману и поменяться одеждой. Лишь только Кудряшов вышел из дачи в изящном костюме, по пятам за ним двинулись сыщики. Кудряшову пришлось перелезть через несколько заборов, чтобы отвязаться от непрошенных наблюдателей. Он поспешно вернулся в свою квартиру и облачился в кое-какое старье.

Только Кудряшов успел превратиться в обычного мастерового, как раздался стук в дверь: полиция с дворником и сыщиками производила облаву, разыскивая «интеллигента в шляпе». Увидев более чем скромно одетого рабочего, полицейские даже не стали обыскивать бедно обставленную комнатку Кудряшова. На этот раз гроза прошла мимо: типографию не обнаружили.

Бауману из дачи уйти не удалось. В ночь на 19 июня 1904 года «в квартире дочери коллежского советника Надежды Константиновны Кузьминой, на даче Дубровина, 2-го участка Сущевской части», как значится в деле № 514, хранящемся в ЦГИАМ, был произведен обыск. В квартире, кроме прописанных Кузьминой и «прислуги» (Тараевой), оказался еще «неизвестный человек, ночевавший без прописки». Его

---

[1] «Николай Эрнестович Бауман». Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1937, стр. 22.

задержали и доставили в московское охранное отделение. Здесь сыщики опознали давно разыскиваемого Баумана. Николай Эрнестович и арестованные вместе с ним жена и Тараева отказались дать какие-либо показания.

При обыске жандармы нашли немало подпольной литературы.

В «Описи предметов, оказавшихся 19 июня месяца 1904 года при обыске», значатся: 5 экземпляров № 53 «Искры» 1903 года, 13 экземпляров № 54; 14 экземпляров брошюры «К деревенской бедноте»; 171 экземпляр несброшированной брошюры «Ко всему рабочему народу», изданной в апреле 1904 года Московским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии; 1 527 экземпляров брошюры МК от 10 июня 1904 года «Ко всем запасным рядовым»; 34 экземпляра брошюры МК от 9 апреля 1904 года «Уроки истории» и т. п. Найдена также тетрадь-рукопись «Материалы к вопросу о провокаторских приемах Зубатова» и другие брошюры. Особое внимание полиции при обыске привлекло обращение ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», изданное в январе 1904 года. Этого обращения было найдено 61 экземпляр.

Все эти материалы жандармы тщательно пронумеровали, упаковали и отправили вместе с арестованным в охранное отделение.

Перед Николаем Эрнестовичем снова открылись двери тюрьмы.

XIV. В ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Баумана заключили в Таганскую тюрьму.

Жандармы опасались нового побега «Грача», поэтому его поместили в изолятор — в особую камеру в конце коридора. Эта камера предназначалась для «наиболее важных преступников». Маленькое окошечко ее почти всегда было закрыто железным колпаком; при уборке камеры этот колпак со страшным скрежетом открывался на несколько минут, но тот же час надзиратели закрывали окно наглухо. Круглые сутки в изоляторе горела электрическая лампочка. Тюремщики, инструктируемые охранным отделением, приняли «все зависящие меры» к полной изоляции узника: у дверей камеры неотлучно дежурил специально приставленный надзиратель, двое других находились в коридоре.

Судебные власти не спешили с допросами и составлением обвинительного заключения — месяц за месяцем проходил в ожидании... После первого допроса, 2 июля 1904 года, о Баумане «забыли»... Единственной льготой было разрешение вести переписку с родителями. И Николай Эрнестович написал отцу несколько задушевных, теплых писем.

В 1897 году он писал родителям из Петропавловской крепости о своей готовности к трудной революционной борьбе.

Мужественно звучал его голос: «Я твердо надеюсь вести победоносную борьбу».

Прошли годы подпольной работы. Он испытал тяжесть ссылки и тюремного заключения, этапных мытарств... Но в письмах его звучал все тот же мужественный, уверенный голос. В ответ на письмо, в котором Эрнест Андреевич сожалел о судьбе сына, Николай Эрнестович пишет:

«Мне очень прискорбно слышать, что Вы до сих пор не можете или не желаете понять меня. Неужели Ваш долгий жизненный опыт не подсказывает Вам, что каждый человек должен идти своим собственным путем, что в жизни нет одной широкой проторенной дороги для тех, кто способен мыслить и чувствовать?.. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения, туда и прямо, куда указывают ему его совесть и убеждения. Не может быть счастлив человек, если он сбречен на постоянную борьбу со своим внутренним голосом, если он вступил в сделку со своей совестью».

Он убеждает отца в том, что не было бы современной культуры, не было бы прогресса, если бы люди мирились с идеалом «близкого благополучия».

Горячо и взволнованно звучат последние строки письма:

«...мы так любим человеческий гений, красоту, свободу, что с радостью и бодро смотрим в лицо самой страшной опасности, не боимся тернистой дороги, лишь бы перед нами светила яркая заря нашего идеала. Вы же советуете мне — в своем прошлом письме — свернуть с моей дороги. Если бы я поступил таким образом, то бросил бы себя в пропасть самых ужасных, неизлечимых мук. Нет, милый и дорогой папа! Постарайтесь вникнуть в мое сердце, и Вы поймете, что иначе я не могу жить: мой путь давным-давно намечен, свернуть с него — значит убить свою совесть. Последнее же — самое ужасное преступление, для него нет искупления. Если бы Вы могли видеть меня сейчас, то, я уверен, к Вам никогда не вернулась бы подобная мысль, Вы благословили бы меня идти дальше и оставаться самим собой. Пишите больше о себе. Целую крепко. Ваш Коля».

В заключение письма Николай Эрнестович добавил: «Где Саша? Попросите его написать мне. Пришлите непременно свою карточку».

28 октября 1904 года Бауман сообщает отцу о состоянии своего дела, которое все еще «на точке замерзания. По крайней мере, до сих пор я не получил ни одного извещения, ни одной бумаги».

Затем Бауман возвращается к теме, затронутой в предыдущем письме: он получил ответ отца, в котором Эрнест Андреевич убеждал сына в своей правоте.

«Вы пытаетесь доказать мне, — отвечал Николай Эрнестович, — что все мои рассуждения и убеждения лишь плод холодного ума.

Поверьте, дорогой папа, Вы жестоко ошибаетесь. Только потому, что у меня мозг и сердце идут нога в ногу, неразлучно, я так непоколебим в избранном мною пути».

Заключает свое письмо Бауман пожеланием отцу «всего лучшего, главное — здоровья» и в приписке снова благодарит:

«Вашу карточку я вставил в рамку, и она украшает теперь мою камеру»[1].

Переписка с родными и получаемая с воли подпольная литература скрашивали одиночество Николая Эрнестовича.

Под влиянием нараставшего рабочего движения и неудач русско-японской войны тюремные власти несколько ослабили режим. Друзья политических заключенных через надзирателей, а иногда через уголовных арестантов, убиравших камеры, ухитрялись передавать с воли деньги, записки и даже подпольную литературу. Арестованная в конце июня 1904 года и заключенная, как и Бауман, в Таганскую тюрьму Е. Д. Стасова впоследствии вспоминала[2], какое громадное впечатление произвела на политических заключенных книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад», переданная им с воли осенью 1904 года:

---

[1] Все письма Н. Э. Баумана родителям хранятся в фондах Музея Революции. Опубликованы они в сборнике «Николай Эрнестович Бауман». М., 1937, стр. 117—125.

[2] В беседах с автором.

«...Мы так горячо, так подробно обсуждали эту книгу... Даже, помнится, написали целую статью о ней в нашем подпольном тюремном журнале».

Осенью правительство ввело в действие новое уголовное уложение. Несколько политических заключенных Таганской тюрьмы, дела которых уже были решены в административном порядке, неожиданно были привлечены к суду на основании только что введенного уложения. Вместо административной высылки заключенным предстояло ожидание суда и мучительный путь по этапу.

Когда было объявлено заключенным о том, что их отправят в Одессу, они потребовали, чтобы суд не оттягивали, иначе в знак протеста они объявят голодовку. Все остальные политические заключенные, дела которых еще не рассматривались, решили присоединиться к голодовке на пятый и шестой день. В Таганской тюрьме в то время среди политических было немало совсем еще молодых людей, которые, не рассчитав свои силы, могли сорвать голодовку. Присоединение же к голодовке на шестой день обеспечивало длительное и стойкое сопротивление.

1 ноября, не получив ответа на свое заявление, трое заключенных начали голодовку. В тюрьму приехал прокурор, безуспешно пытавшийся уговорить их прекратить ее. Весть о голодовке быстро разнеслась по городу. Родственники настойчиво хлопотали об освобождении голодающих под залог. Под давлением общественного мнения тюремные власти и прокуратура вынуждены были пойти на уступки: они стали отпускать голодающих на поруки. Однако к 6 ноября в тюрьме все еще оставалось восемь человек голодающих, которых власти «не успели» выпустить.

Тогда к голодающим примкнули все остальные политические узники. В тюрьму снова приехал прокурор, он убеждал прекратить голодовку, доказывая, что «это их не касается» и что дела привлеченных к суду по новому судебному уложению «будут разобраны согласно закону». Политические продолжали голодать, они выбрасывали еду в коридор, разрешая себе выпить в сутки лишь полстакана воды... На второй день

массовой голодовки в тюрьму явился врач, который тоже всячески уговаривал прекратить сопротивление.

Бауман тоже присоединился к голодовке. Как врач, он понимал, что длительная голодовка опасна для здоровья и даже для жизни, но все же решил выдержать эту борьбу.

Чтобы возможно дольше сохранить силы, он неподвижно лежал на узкой, жесткой койке, стараясь делать поменьше движений.

Первые два дня голодовки были, пожалуй, самыми мучительными. Нужно было собрать всю силу воли, мобилизовать всю твердость духа, чтобы не отвечать на уговоры тюремщиков и не наброситься на вкусно пахнущий, только что выпеченный хлеб. Рядом с хлебом — кувшин молока, который надзиратели приносили в изолятор и оставляли на столике. Они вкрадчиво убеждали заключенного попробовать всего несколько ложек специально сваренного для политических супа. Бауман упорно отмалчивался, закрыв глаза от надоедливого, раздражающего света электрической лампочки, горевшей в изоляторе и днем и ночью.

На третий день голодовки появилась сильная слабость и головокружение... Шум в ушах усиливался с каждым днем...

Тюремный врач не раз принимался убеждать Баумана «перестать разрушать свое здоровье». Он так живо описывал «неизбежные губительные последствия столь длительного перерыва в питании», что Николай Эрнестович хмуро усмехнулся и, не поднимая с подушки отяжелевшей головы, спросил:

— Вы чего же опасаетесь: ухудшения моего здоровья или нарушения тюремной инструкции?

Врач забормотал что-то о «святом долге врачебной профессии», но Николай Эрнестович перебил его:

— Как можете говорить об этом долге вы, тюремный врач?

Заключенные держались стойко. Узнав о том, что голодовка продолжается и жизнь некоторых заключенных в опасности, рабочие многих московских заводов и фабрик объявили забастовку. Они требовали их освобождения. И департамент полиции вынужден был

пойти на уступки: многих политических заключенных освободили до суда под залог.

Но освободить Баумана власти отказались.

* * *

Осень и зима 1904 года были богаты большими политическими событиями. В ряде городов возникали стачки, рабочие выступали не только против предпринимателей, но и против правительства. Неудачи царских войск в русско-японской войне еще более обострили внутриполитическое положение. Падение Порт-Артура нанесло сильный удар по престижу царского правительства. По определению В. И. Ленина, это было началом падения самодержавия.

Правительство надеялось на то, что война поможет подавить революционное движение в стране, но оно просчиталось: война приблизила революцию, показав народу гнилость царизма.

Большое значение для развития революционных событий имела стачка рабочих в Баку, проведенная большевиками в декабре 1904 года. За ней последовали выступления рабочих по всей России. В начале января 1905 года забастовали рабочие Путиловского завода, а вслед за ними — рабочие многих крупных предприятий столицы.

9 января царское правительство встретило пулями тысячи рабочих, шедших с петицией к «царю-батюшке».

В этот день произошел расстрел царскими властями «веры народа в царя». Кровавые события 9 января дали мощный толчок дальнейшему развитию стачек в городах и аграрных волнений в деревнях.

Все это заставило администрацию тюрьмы еще более смягчить условия заключения: узникам разрешили даже пользоваться книгами из тюремной библиотеки.

Бауман обладал удивительным уменьем воздействовать на врагов. Он подчинял своему влиянию и тюремную стражу. Однажды ему удалось заставить дежурившего около его камеры надзирателя нарушить строгие тюремные правила.

О том, как это произошло, вспоминает П. Ларионов (С. Черномордик):

«Среди наших партийцев в старые годы была славная порода людей, которые с головы до ног были пропитаны духом революционного энтузиазма и самоотвержения. Таким именно и был, сколько я его знаю, Николай Эрнестович Бауман. Самоотверженный революционер, прекрасный, с большой выдержкой организатор и жизнерадостный, веселый человек, которому «ничто человеческое не было чуждо». Да, этим веяло от всей его прекрасной и крепко сложенной фигуры, от открытого лица, от приветливых его глаз. Впервые я встретился с Бауманом в Таганской тюрьме летом 1904 года.

В один прекрасный день в часы прогулок открывается «форточка» в дверь моей камеры и просовывается симпатичнейшая голова с широким лбом, веселыми глазами, русой бородкой — лицо необычайное, сразу останавливающее на себе внимание. Познакомились. Пожали друг другу руки. Поболтали. И здесь же надзиратель, который открыл «форточку» по просьбе этого «арестанта», умевшего, очевидно, влиять на людей, так как редко кому удавалось уговорить тюремных надзирателей нарушить «правила». Этот «политик» был Н. Э. Бауман. Его держали под строгой охраной, в изоляторе, а «форточку» моей камеры все-таки открыли».

Несколько позже Бауман установил «телефонную связь» со своей женой и друзьями.

Один из них, заключенный в одном крыле с Медведевой, вспоминал:

«Мне пришлось наловчиться действовать «телефоном», передавая письма Николая Баумана его жене, которая сидела наискосок под моею камерой. Сам Николай Бауман сидел в изоляторе против моей камеры, и мое географическое положение обязывало меня к роли почтальона. Переписка между ними была оживленная... Бауман с точки зрения жандармов был очень важным преступником, поэтому его заключили в изолятор... Казалось, человек лишен всякой возможности сношений с внешним миром: у дверей страж, из окна

ничего не видно, но это не помешало мне, его соседу, ходить ежедневно к его камере за корреспонденцией, благодаря содействию одного из надзирателей».

Бауману удалось при помощи этого же надзирателя передавать письма жене в нижний этаж тюрьмы. Как только раздавался условный стук «телефон, телефон!», открывалась форточка в камере нижнего этажа и Бауман ловко забрасывал в нее привязанную к нитке записку. Заключенный, помещавшийся над камерой жены Баумана, не менее ловким маневром перебрасывал затем эту бумажку на нитке (с мешочком песка для тяжести) в форточку камеры Медведевой.

Когда же были разрешены свидания с родными, товарищи заключенных, находившиеся на воле, широко воспользовались этой новой уступкой тюремной администрации. Друзья и «невесты», придя на свидание, передавали политическим в папиросах и булках крохотные, написанные микроскопическим почерком на клочках папиросной бумаги шифрованные сообщения.

К Николаю Эрнестовичу несколько раз приходила посланная политическим «Красным крестом» «сестра невесты». Бауман беседовал с ней «эзоповским языком» о здоровье «общих знакомых», о «состоянии погоды» в Саратове, Казани и Киеве. Особенно интересовался он «погодой» в Москве и в подмосковных промышленных городах.

Таким образом, Бауман, находясь в заключении за высокими стенами Таганской тюрьмы, все же имел представление о событиях, происходивших на воле. Друзья по подпольным рабочим кружкам почти каждую неделю ухитрялись сообщать Николаю Эрнестовичу о том, как развивается борьба против царизма.

Бауман получал вести не только от московских товарищей, но и от своего великого руководителя — В. И. Ленина. Н. К. Крупская несколько раз пересылала письма Бауману и его товарищам по заключению, в которых сообщала о текущих событиях партийной жизни и об энергичной борьбе В. И. Ленина за созыв III съезда партии. В августе 1904 года в Швейцарии

произошло «Совещание двадцати двух большевиков», которое приняло обращение «К партии» о необходимости созыва III съезда.

Ленин решил окончательно изолировать меньшевиков, положить конец внутрипартийному расколу. Съезд должен был покончить с оппортунизмом меньшевиков в организационных вопросах, установить единую тактику пролетариата в демократической революции.

Большевистские комитеты на трех конференциях — Южной, Кавказской и Северной — избрали Бюро Комитетов большинства — орган, энергично взявшийся за практическую подготовку к III съезду партии. Большим достижением партийной жизни был выход 4 января 1905 года большевистской газеты «Вперед». Большевики получили теперь свой печатный орган.

Вскоре после «Совещания двадцати двух» посланные В. И. Лениным в Россию большевики привезли в местные комитеты резолюцию этого совещания, написанную Лениным, и занялись разъяснением ее существа. В Москву ее привезла Р. С. Землячка, запрятав в зеркале, которое хранится теперь в Музее Революции.

Этот документ вскоре стал широко известен московским рабочим.

«...в результате ожесточенной длительной борьбы с меньшевиками, к концу 1904, началу 1905 г., накануне III съезда партии, московские большевики оформились в самостоятельную партийную организацию — Московский комитет большевиков.

Борьба между большевиками и меньшевиками в Москве в период между II и III съездами партии и оформление московских большевиков в самостоятельную организацию имели огромное общепартийное значение» [1].

Обращение двадцати двух большевиков вызвало единодушный отклик среди находившихся в заключе-

---

[1] «Из истории московской организации ВКП(б) (1894—1904 гг.)». М., 1947, стр. 109.

нии членов «Северного бюро ЦК» — Баумана, Ленгника, Стасовой и других.

Обсудив создавшееся в партии положение, члены «Северного бюро ЦК» переслали В. И. Ленину конспиративным путем письмо, прося разрешить им обратиться ко всем членам партии.

«По нашему мнению,— писал 22 августа Ф. В. Ленгник из Таганской тюрьмы старику (В. И. Ленину. — *М. Н.*), — нужно во что бы то ни стало организовать литературную группу для систематической атаки на вымирающую Искру. Без этого мы ничего не можем здесь сделать» [1].

Н. К. Крупская от имени В. И. Ленина ответила товарищам (23 сентября 1904 года из Женевы):

«Дорогие друзья! Нас бесконечно обрадовало Ваше письмо, оно дышит такой бодростью, что придало и нам всем энергии. Ваш план осуществите непременно. Он прекрасен и будет иметь громадное значение... Ваш совет об издательстве уже наполовину осуществлен. Литературные силы есть, готового материала масса» [2].

Вместе с ободряющим голосом В. И. Ленина до заключенных в Таганской тюрьме большевиков все слышнее доносился голос революционных рабочих, боровшихся с царизмом.

«За высокие стены и крепкие затворы Таганки к нам все же доносилось веяние живой, свободной, могучей жизни пробудившегося народа, — вспоминал один из товарищей Баумана. — Забастовка типографских рабочих взбудоражила нас; особенно радовали и волновали известия о многолюдных митингах, о народных собраниях на улицах, о столкновениях народа с полицией... «Москва всколыхнулась, Москва воскресла», — повторяли мы друг другу» [3].

В апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд РСДРП. На съезде были определены задачи партии в революции, намечена стратегическая линия, выраба-

---

[1] «Ленинский сборник» XV, стр. 161.

[2] Там же, стр. 214.

[3] М. Сильвин. Освобождение (памяти Н. Э. Баумана). «Новая жизнь», 1905, № 3, стр. 55.

тана революционная марксистская тактика. Главной задачей партии и рабочего класса в революции съезд признал переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию.

Стачечное движение принимало огромные размеры.

Повсюду бастовали рабочие: в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Баку и других городах. Особенно важное значение имела проведенная под руководством большевиков стачка семидесяти тысяч рабочих в Иваново-Вознесенске. Во время этой стачки впервые в России возник созданный рабочими Совет уполномоченных — один из первых в России Советов рабочих депутатов. Пролетариат всей страны увидел, каких успехов он может добиться, выступая тесными, сплоченными рядами. Славный пример иваново-вознесенских пролетариев воодушевил рабочих многих городов России. 1 мая во многих городах произошли столкновения с полицией и войсками. В июне лодзинские пролетарии впервые в истории рабочего движения в России выступили против царских войск с оружием в руках, начав баррикадные бои.

В Черноморском флоте восстал броненосец «Потемкин». По всей стране разлились массовые выступления крестьян.

Все эти революционные события не могли не отразиться на поведении судебных властей: для некоторых политических заключенных прокуратура «нашла возможным изменить, впредь до суда, меру пресечения». Но Бауман попрежнему оставался в тюрьме.

Об освобождении Николая Эрнестовича хлопотали его друзья. Е. Д. Стасова, как только ее выпустили из Таганской тюрьмы под залог, поехала в Петербург и добивалась освобождения Баумана с помощью своего отца, присяжного поверенного Д. В. Стасова.

По воспоминаниям Е. Д. Стасовой, товарищи поручили ей «немедленно снестись с тов. Лениным, так как целому ряду товарищей, сидевших в Таганке, предстоял суд в январе 1905 года, после голодовки в течение одиннадцати дней в ноябре 1904 г. ...Я привлекалась по делу «Северного бюро ЦК», в состав ко-

торого входили тт. Ник. Эрн. Бауман, П. А. Красиков («Август Иванович»), Ф. В. Ленгник, Гальперин («Коняга», «Валентин») и я» [1].

Е. Д. Стасовой удалось вскоре установить связь с В. И. Лениным и спросить его, какой тактики должны держаться большевики, заключенные в Таганской тюрьме, на предварительном следствии и на суде: нужно ли отказываться от всяких показаний и какую позицию занимать на суде (приглашать ли защитников, какие инструкции им давать и т. п.). На основании нового уголовного уложения «политикам» разрешалось приглашать защитников для выступления на судебном процессе.

Ленин прислал заключенным большевикам большое письмо.

В письме Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме от 6 января 1905 года В. И. Ленин писал: «Речь с изложением profession de foi [2] вообще очень желательна, очень полезна, по-моему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль. Особенно в начале употребления правительством судов следовало бы социал-демократам выступать с речью о социал-демократической программе и тактике. Говорят: неудобно признавать себя членом партии, особенно организации, лучше ограничиваться заявлением, что я социал-демократ по убеждению. Мне кажется, организационные отношения надо прямо отвести в речи, т. е. сказать, что-де по понятным причинам я о своих организационных отношениях говорить не буду, но я социал-демократ и я буду говорить о *нашей* партии. Такая постановка имела бы две выгоды: прямо и точно оговорено, что об организационных отношениях говорить нельзя (т. е. принадлежал ли к организации, к какой etc.) и в то же время говорится о партии *нашей*. Это необходимо, чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявле-

---

[1] «Ленин и тактика социал-демократов на суде (1905 г.)», «Пролетарская революция», 1924, № 7 (30), стр. 248.

[2] Символ веры, программа, изложение миросозерцания. В данном случае — изложение революционером своих убеждений. — *М. Н.*

ниями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии»[1].

В. И. Ленин советовал: «Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемякинские стороны суда... Будь только юристом, высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее противопоставляй этакий суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей»[2].

В заключение Ленин еще раз подчеркнул необходимость принципиального, партийного поведения большевиков на следствии и во время суда:

«Во всяком случае речь о принципах, программе и тактике социал-демократии, о рабочем движении, о социалистических целях, о восстании — самое важное»[3].

Закончил он свое письмо дружеским пожеланием заключенным в Таганской тюрьме большевикам здоровья и бодрости:

«Большой, большой привет Курцу, Рубену, Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо»[4].

Это письмо произвело на заключенных большевиков огромное впечатление. И на подпольной работе и в условиях тюремного заключения они все время чувствовали твердое и уверенное руководство своего вождя и учителя — великого Ленина.

Вдохновленный письмом Ленина, Бауман стал готовиться к выступлению на суде.

Подготовка судебного процесса длилась до осени 1905 года.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 50.
[2] Там же, стр. 51.
[3] Там же, стр. 52.
[4] Там же.

Стараниями Московского комитета партии Баумену была обеспечена хорошая защита на предстоящем процессе. Е. Д. Стасова предупредила защитников, что большевистская партийная организация придает этому делу большое политическое значение и защищать Баумана на суде необходимо без всяких попыток в какой бы то ни было степени смягчить приговор. Защитник Баумана в своих воспоминаниях говорит о том, что с юридической точки зрения суд над Бауманом можно было попытаться «провести в мягких тонах», затушевав роль Баумана — профессионального революционера.

«Однако, при попытке внести примиряющий мягкий тон в процесс, личные и партийные друзья Баумана заявили самый решительный протест... Друзья Баумана самым категорическим образом заявили, что сам Бауман никогда не согласится получить свободу путем принижения революционного значения своей партии.

Было решено вести процесс с распущенными партийными знаменами, не приспуская их древка перед тяжестью угрожающего наказания»[1].

Когда защитник явился в тюрьму к Бауману, «в камеру для свиданий ввели человека, прежде всего и больше всего поражающего своей необыкновенной простотой, отсутствием всякой аффектации... В нем чувствовалась большая глубина, недюжинная сила воли и безмерная преданность революционному делу. Но все это сдерживалось уравновешенным спокойствием и исключительным тактом, так присущим Бауману».

Николай Эрнестович решительно заявил, что процесс должен итти «под распущенными партийными знаменами». Это очередная партийная задача, к которой он отнесется со всей добросовестностью партийного работника.

Защитнику оставалось только принять это заявление к руководству.

---

[1] «Н. Э. Бауман (по воспоминаниям его защитника)». «Былое», 1926, № 1, стр. 108.

На баррикаде (1905 год). *С картины худсжника И. Владимирова.*

На штурм Кремля (1917 год). *С картины художника В. Мешкова.*

Однако прошла весна, а затем и лето 1905 года, а департамент полиции и прокуратура все еще оформляли обвинительное заключение.

Наконец после долгих оттяжек и проволочек судебный процесс над Бауманом, Ленгником и их товарищами был назначен на 27 августа. Но Ленгник не явился на судебное заседание. Он привлекался по одному и тому же делу второй раз, уже после заключения в Петропавловской крепости и возвращения из ссылки. Поэтому группа большевиков, заключенных в Таганской тюрьме, вынесла в знак протеста решение о том, что Ленгник не должен являться на суд. Судебная палата и прокурор отложили дело, несмотря на требование защитников заслушать его в отсутствие Ленгника. Тогда защитники обратились к судебной палате с просьбой об освобождении под залог всех заключенных, которые еще оставались в Таганской тюрьме, и палата удовлетворила их просьбу.

Медведеву и всех арестованных в связи с делом Баумана освободили. Казалось бы, двери тюрьмы, наконец, и перед Бауманом раскроются... Но этого не произошло: в дело вмешалась прокуратура, не разрешившая освободить Баумана под залог.

Стараясь оттянуть освобождение Баумана, прокуратура ссылалась на то, что его задерживает охранное отделение, а охранное отделение — на полицию. Из секретной переписки департамента полиции с иркутским генерал-губернатором видно, что петербургские жандармы задумали было сослать Баумана в Енисейскую губернию. И пока шла переписка между судебными органами и департаментом полиции, Баумана продолжали держать в Таганской тюрьме.

Очень тяжела была неизвестность положения. Защитник вспоминает слова Николая Эрнестовича:

«Пока мы сидели все вместе, а, главное, пока свобода мне представлялась чем-то далеким и недоступным, я чувствовал себя совершенно спокойным. Но когда уже состоялось определение о моем освобождении, я стал считать себя уже на свободе. Я думал, что зайду в свою камеру только на минуту, что-

бы взять свои вещи. И опять быть запертым на неопределенный срок — это очень тяжело» [1].

Департамент полиции телеграфировал в тюрьму о «задержании Баумана в порядке охраны». Жена Баумана поехала хлопотать в Петербург — в департамент полиции и в министерство юстиции — и оттуда вернулась с радостным известием: ее заверили, что Бауман будет вскоре освобожден, как только выяснятся «некоторые дополнительные обстоятельства».

«Но, — пишет защитник, — департамент полиции, быстрый на аресты, не особенно торопился исполнить свое обещание относительно освобождения Баумана. Я не знаю вообще, был бы освобожден Бауман, если бы не события, страшные для правительства, которые уже не назревали, а властно чертили «на стене» «грозные буквы» [2].

8 сентября департамент полиции телеграфировал прокурору Московской судебной палаты:

«Товарищ министра вошел сношение министерством юстиции о высылке Баумана теперь же, не ожидая разрешения московского дела. До получения заключения министра юстиции освобождение Баумана нежелательно».

Члены Московского комитета большевиков, всеми средствами добиваясь освобождения Баумана и его друзей до суда на поруки, под залог, одновременно занялись подготовкой побега таганских заключенных.

М. А. Багаев вспоминает, что он получил от Московского комитета партии задание организовать подкоп под тюремную баню, в которой раз в две недели под конвоем надзирателей мылись политические заключенные. За Таганской тюрьмой был пустырь. Багаев должен был арендовать этот незастроенный участок и соорудить на нем большой сарай якобы для мастерской бетонных канализационных труб. Из этого сарая должен был вестись подкоп под тюремную баню. Багаев деятельно принялся за подготовку подкопа.

---

[1] «Н. Э. Бауман (по воспоминаниям его защитника)». «Былое», 1926, № 1, стр. 125—126.

[2] Там же.

Вести подкоп поручили П. А. Заломову и П. А. Грожану. Оба они бежали из ссылки и жили под Москвой нелегально (в Перловке). Деньги на аренду участка и расходы по оборудованию «мастерской» Багаев получил через артистку Художественного театра М. Ф. Андрееву от оппозиционно настроенных врачей и адвокатов. При переговорах с владельцем участка возникли осложнения. Хозяин не хотел сдавать землю в аренду и только после настойчивых уговоров согласился, наконец, потребовав восемьсот рублей арендной платы за год вперед. Деньги пришлось внести, и договор об аренде участка был оформлен.

А. М. Горький устраивал музыкальные вечера и литературные чтения, передавая вырученные средства в кассу ЦК РСДРП. В сентябре 1905 года он организовал платное чтение своей новой пьесы «Дети солнца», которую написал незадолго перед тем в одиночке Петропавловской крепости. Среди московской интеллигенции широко распространилась весть об этой пьесе, и дорогие билеты на этот вечер (по пятьдесят рублей и дороже) были раскуплены в течение одного дня. Чтение прошло с необыкновенным успехом, и партийная касса пополнилась пятью тысячами рублей.

Узнав о подготовке побега, А. М. Горький предложил лучшим певцам и артистам Москвы (Шаляпину, Книппер-Чеховой, Качалову, Москвину и другим) устроить литературно-вокальный вечер. Средства от этого вечера должны были итти «на необходимые в создавшихся условиях цели».

Но этот вечер не удалось организовать в сентябре, а в начале октября, когда почти вся Россия оказалась охваченной массовым движением рабочих и крестьян, стало очевидно, что рабочие сами добьются освобождения политических заключенных. Багаев и его друзья прекратили работу по подготовке подкопа из «мастерской».

С каждым днем росло революционное движение. К начавшейся в Москве 19 сентября стачке печатников присоединились печатники Петербурга, Киева, Одессы, Смоленска и других крупных городов центральных областей, Приволжья и Поволжья. Забастов-

ка вскоре охватила рабочих других профессий и быстро выросла в общую политическую стачку.

Через две недели забастовали рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги, с невиданной быстротой стачка охватила весь московский железнодорожный узел. К московским железнодорожникам присоединились железнодорожники всей России, транспорт оказался парализованным. К забастовавшим примкнули работники телеграфа и почты. Выступление рабочих и крестьян поддержала студенческая молодежь.

«...С начала сентября во всех высших учебных заведениях, — вспоминает С. И. Мицкевич, — начались народные митинги не только в Москве, но и во всей России. ...Партийные организации делали то или другое учебное заведение своей штаб-квартирой. Большевики обосновались в Высшем техническом училище... Много докладов и лекций прочитали на этих митингах члены нашей группы... Вчера в Межевом институте и Инженерном училище состоялось три митинга... В первом было до тысячи человек...» [1]

Товарищ Баумана Сильвин, сидевший вместе с ним в это время в Таганской тюрьме, под впечатлением своих встреч с Николаем Эрнестовичем писал в «Новой жизни»:

«Грандиозность событий повлияла, повидимому, даже на жандармов. Они стали освобождать по два и по три человека в день, новых привозили все меньше... Мы вспоминали с ним (Бауманом. — *М. Н.*) 1902 год. В то время шла горячая борьба с зубатовщиной, Московский комитет социал-демократов пытался противодействовать монархической демонстрации, организованной Зубатовым перед памятником Александра II. Условия работы были очень тяжелыми, листовки Московского комитета не смогли предотвратить этого затеянного зубатовскими агентами выражения «верноподданнических чувств». А теперь, всего лишь через три с небольшим года, революционная обстановка

---

[1] С. И. Мицкевич. Революционная Москва (1888—1905). М., 1940, стр. 386—387.

в корне изменилась: ни полиция, ни жандармерия уже не в силах задержать рабочую массу, рвущуюся на улицы с красными знаменами, флагами, политическими лозунгами.

Бауман был крайне рад развитию событий.

— Какой переворот!.. — говорил он, пока мы гуляли на тюремном дворе, делясь впечатлениями от потрясающих известий, приходивших с воли»[1].

Наконец под давлением массового движения московских рабочих, требовавших освобождения политических заключенных, 8 октября 1905 года Николай Эрнестович был выпущен из тюрьмы, где он пробыл почти шестнадцать месяцев.

Прямо из тюрьмы Бауман поехал на телеграф и отправил родителям телеграмму:

«Свободен. Целую. Коля».

И в сопровождении жены направился к своим друзьям по Московскому комитету большевиков.

---

[1] «Новая жизнь», 1905, № 3, стр. 55.

XV. ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Бауман вышел из тюрьмы в исключительно напряженные, полные историческими событиями дни: разгоралась всероссийская политическая стачка, рабочий класс готовился к вооруженной борьбе с самодержавием.

Николай Эрнестович немедленно связался с Московским комитетом большевиков и был кооптирован в члены этого комитета.

Уже через день после выхода из тюрьмы он отправился на рабочие собрания в Лефортовском и Сокольническом районах. Николай Эрнестович с радостью увидел, как далеко вперед шагнуло революционное рабочее движение за шестнадцать месяцев, которые он провел в тюрьме. Митинги в высших учебных заведениях, остановка фабрик и заводов, большевистская агитация даже в воинских частях — все это свидетельствовало о невиданном размахе событий.

Бауман посещает железнодорожные мастерские Курской дороги, выезжает к рабочим депо на станцию Перово Казанской железной дороги, выступает на рабочих собраниях в Симоновой слободке, в Сокольниках, в Черкизове, на Преображенской площади. Николай Эрнестович разыскал своего старого товарища по подпольной работе в типографии — Н. К. Кудряшова. Он подробно расспрашивал о судьбе И. В. Бабушкина, о типографии, которая перед арестом Баумана была на квартире Кудряшова.

Оказалось, Кудряшов по частям перевез типографию в Замоскворечье и там, связавшись с большевиками этого района, продолжал печатать воззвания и листовки.

В конце августа 1905 года Московский комитет большевиков через В. Л. Шанцера («Марата») поручил М. А. Багаеву организовать еще одну подпольную типографию. Типографию удалось устроить на Лесной улице под вывеской «Оптовая торговля кавказскими фруктами». В настоящее время здесь открыт филиал Музея Революции.

Посещая различные рабочие районы, Бауман с радостью видел большие перемены. Москва стала неузнаваемой: бастуют печатники, металлисты, работники связи, текстильщики, даже официанты присоединились к забастовавшим. На улицах и площадях — демонстрации с пением революционных песен. Повсюду стихийно возникают громадные митинги.

Правительство напрягало все силы в бесплодных попытках остановить разлившиеся волны народного негодования.

Полиция и охранное отделение формировали отряды «истинно русских людей» — подбирали головорезов для «защиты царя-батюшки».

Купцы, богатые домовладельцы помогали царской охранке организовывать шайки погромщиков. В Охотном ряду, в Зарядье, на Таганке возникли притоны черносотенных банд. В Лефортовском районе одним из таких осиных гнезд была хлебная биржа на Гавриковой площади. С неистовой злобой «хлебные короли» произносили речи о том, что «красные и студенты против бога и царя идут», натравливая зависящих от них мелких служащих, приказчиков на революционеров.

Боясь все возрастающего движения трудящихся, царское правительство издало пресловутый манифест 17 октября, в котором оно обещало «незыблемые основы гражданской свободы», в том числе неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов.

Большевики разъясняли рабочим, что нельзя верить лживым обещаниям правительства. Выполняя

решения III съезда РСДРП, Московский комитет большевиков звал рабочих на вооруженное восстание:

«Товарищи!.. Наша стачка нанесла царскому правительству страшный удар, но вместе с тем она ярко доказала нам, что одной забастовкой убить его, стереть с лица земли нельзя.

«Оружие! Дайте нам оружие!»[1]

По инициативе Московского комитета большевиков создавались вооруженные дружины рабочих. В Лефортове — на пустырях неподалеку от Синичкина пруда, на Коровьем Броде и в больших подвалах Высшего технического училища дружинники упражнялись в стрельбе. Были созданы склады оружия и патронов, главным образом револьверов системы «Смит и Вессон». По всей Москве возникали штабы боевых дружин, которые контролировали две-три улицы или площадь. Такие штабы помещались на углу Селезневской и Долгоруковской улиц, в подвалах отделения булочной Филиппова, на углу Ириниской улицы, в районе Немецкой улицы.

Во многих районах происходили демонстрации рабочих, служащих и учащейся молодежи, требовавшие освобождения политических заключенных.

Рабочие крупных заводов — Густава Листа, «Динамо», Гужона, «Нового Бромлея», типографии Кушнарева, кондитерской фабрики «Реномэ», мастерских Брестской железной дороги направились к Бутырской тюрьме.

Участники демонстрации вспоминают, что процессия растянулась от Страстного монастыря до Бутырок. Красные знамена развевались вокруг тюрьмы, освобожденных из тюрьмы политических заключенных встречали громким «ура», целовали, поднимали на руки.

Предусмотрительно для освобожденных большевиков демонстранты захватили одежду и парики. Несмотря на объявленные «свободы», никто не был уверен в том, что они тотчас же не будут нарушены.

---

[1] «1905 г. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии». М. — Л., 1926, стр. 301.

Порядок на демонстрации поддерживали дружинники. По распоряжению руководителей колонн почти никто не взял оружия, чтобы избежать столкновения в случае нападения черносотенцев. А попытки нападения были. На обратном пути от Бутырской тюрьмы рабочие фабрик Сиу, «Дукат», железнодорожники встретились с отрядом черной сотни. С пением «Спаси, господи» черносотенцы напали на рабочих. Раздались выстрелы провокаторов.

Упало несколько раненых рабочих... Но демонстранты держались стойко: в черносотенцев полетел град камней, и они бросились наутек, не устояв перед организованностью пролетариев. И в других районах черносотенцы нападали на рабочие демонстрации.

В многочисленных аудиториях университета, Высшего технического училища, Межевого института, Института инженеров путей сообщения, а также Петровской сельскохозяйственной академии на митингах выступали представители различных политических партий.

По окончании митингов производились сборы на вооружение рабочих дружин.

Яркую картину этих дней рисует в своих воспоминаниях один из организаторов митингов в техническом училище:

«Наверху, в комнатке издательской комиссии, расположились студенты-агитаторы, организаторы митингов. Усталые, измученные товарищи спят вповалку в углах, на столах. Накурено. Группа — пятеро — за одним из столов пьет чай. Вот уже несколько дней питаемся только бутербродами. Один из товарищей возится с парабеллумом:

— Вот чорт, патрон заскакивает! Если бы винтовки, а то дрянь какая-то. Ну, маузеры хороши... а берданки, — ну что мы с берданками будем делать?

...Входят патрули, докладывают начальнику охраны:

— У нас все благополучно, а за Яузой слышна стрельба. Посты на местах» [1].

---

[1] А. Г. Емельянов. Смерть Баумана (октябрь 1905 г. — октябрь 1925 г.). «Известия ВЦИК», 1925, № 251.

Бауман почти двое суток не выходил из здания Высшего технического училища, по нескольку раз в день выступая на митингах и собраниях.

— Свобода не дается, а завоевывается, — страстно и горячо говорил Николай Эрнестович под оглушительные аплодисменты металлистов, печатников, текстильщиков, железнодорожников. — Правительство напугано переходом рабочего класса в решительное наступление. Оно отступает, лавирует... его задача — выждать время, собраться с силами и нанести народной революции контрудар. Не верьте обещаниям царского правительства, товарищи! Рабочие должны теперь двинуться на борьбу, на вооруженное восстание еще смелее! Запасайтесь, товарищи, оружием и будьте готовы вступить в победоносную схватку с напуганным, колеблющимся царизмом!

Вечером Николай Эрнестович направился в квартиру В. И. Качалова.

С большой радостью встретил Качалов «дядю Колю». Уходя от Качалова, он сказал: «Увидимся теперь, если не завтра или послезавтра, то во всяком случае при с о в с е м других обстоятельствах, с о в с е м других, — подчеркнул он слово «совсем», — при гораздо лучших обстоятельствах...» Качалов запомнил эту его фразу. Потом записал ее в свой дневник [1].

Рано утром 18 октября в аудиториях технического училища начались митинги. Большевистские ораторы призывали рабочих немедленно освободить всех политических заключенных. В ответ раздалось единодушное требование:

— Долой московскую Бастилию!

Бауман произнес страстную речь.

Московские рабочие встретили восторженной овацией «Ивана Сергеевича». Они знали, что он всего лишь несколько дней вышел из тюрьмы после долгих месяцев заточения.

По воспоминаниям М. Н. Лядова, в это утро Бауман был настроен очень жизнерадостно, и эта жизнера-

---

[1] Е. П я т а к о в а. Качалов рассказывает. «Театральная неделя», 1941, № 11, стр. 5.

достность, убежденность в победе рабочего класса передавалась всем его товарищам. К Николаю Эрнестовичу подошел один из рабочих-дружинников:

— Надо бы написать короткое, но сильное, боевое обращение к солдатам в ближайших казармах: пусть и они узнают правду об этом манифесте — царской ловушке!

— К солдатам? — откликнулся Бауман. — Обязательно надо написать! Подождите меня, товарищ, здесь! Через полчаса я вернусь!

В одной из удаленных аудиторий второго этажа Бауман написал листовку и прочитал ее Лядову и Шанцеру («Марату»). Они одобрили ее.

«Каким вдохновением светилось лицо Баумана в те незабываемые минуты! — вспоминал М. Н. Лядов [1]. — Как он умел поднимать на борьбу тысячи и тысячи рабочих и солдат! Он вложил в эту листовку-призыв свой необыкновенный талант убежденного бойца-революционера!»

А в это время на дворе технического училища уже строились тесные колонны рабочих.

«Свобода заключенным!»

«Требуем всеобщей амнистии!»

«Долой царский произвол!» — таковы были требования пролетариата, наскоро написанные мелом на красных полотнищах.

Выйдя во двор, Николай Эрнестович окинул глазами ряды демонстрантов.

— Подумать только — идем открыто, во главе тысяч рабочих! И куда? В тюрьму, освобождать друзей!.. — бросил он на ходу одному из своих товарищей.

Около четырех часов дня несколько тысяч рабочих, студентов, интеллигентов направились к Таганке по Бригадирскому переулку на Салтыковский мост.

Демонстрацию приветствовали из своих казарм солдаты резервного батальона. Этот эпизод сильно поднял и без того боевое настроение рабочих. Один из руководителей колонны произнес краткую речь, убеждая солдат пойти вместе с рабочими «освобождать

---

[1] В беседах с автором.

своих братьев, долго томившихся в царских застенках за общее дело». Однако солдаты жестами показали, что офицеры не выпускают их из казарм.

Демонстрация направилась на Немецкую улицу. Николай Эрнестович, Шанцер («Марат») и другие члены Московского комитета партии шли в первых рядах демонстрации. Впереди, у фабрики Щапова[1], Бауман увидел группу рабочих.

— Они пойдут вместе с нами!.. — воскликнул он и быстро направился к рабочим. Чтобы не отстать от демонстрации, он на ходу прыгнул в пролетку проезжавшего извозчика. Один из демонстрантов передал Николаю Эрнестовичу красное знамя.

— Не пройдет и пяти минут, как я буду с вами! — крикнул, уезжая, Бауман.

Вдруг из ворот неподалеку от фабрики Щапова наперерез извозчику выскочил черносотенец Михалин. Трусливо озираясь на удалявшуюся демонстрацию, он подскочил сзади к пролетке и ударил Баумана по голове тяжелым отрезом водопроводной трубы.

Николай Эрнестович упал... Черносотенец стремглав бросился к поджидавшим его под воротами сообщникам.

На помощь Бауману уже бежали рабочие. Вслед черносотенцу раздались револьверные выстрелы, но Михалин скрылся в надежном убежище, в полицейском участке[2].

Друзья подняли Николая Эрнестовича на руки и понесли в ближайшую амбулаторию, на углу Немецкой улицы и Бригадирского переулка. Фельдшер Константинов пытался помочь раненому. Но все средства были бессильны. Через несколько минут, не приходя в сознание, Бауман скончался[3].

---

[1] Фабрика Щапова — ныне «Красная работница».

[2] Михалин был осужден Московским окружным судом лишь к тюремному заключению на полтора года. Но уже через пять месяцев Николай II его помиловал. В двадцатых годах убийца-черносотенец был обнаружен и понес заслуженную кару.

[3] В беседе с автором тов. Константинов вспоминал, что «удар был смертельным: в большой, раздробленной ране виднелся поврежденный мозг. Николай Эрнестович скончался почти на моих руках...».

Ближайшие друзья понесли труп Николая Эрнестовича в техническое училище. Красное знамя, которое Бауман так недавно еще высоко поднимал над рядами рабочей колонны, покрывало его бездыханное тело...

Убитого большевика внесли в здание технического училища, положили на стол в большом чертежном зале.

Вскоре в техническое училище стали звонить с фабрик и заводов Сокольнического, Лефортовского, Замоскворецкого районов, из университета, подмосковных железнодорожных мастерских. Во дворе технического училища появились делегации, пришедшие отдать последний долг погибшему другу и товарищу.

Весть об убийстве Баумана быстро облетела Москву.

В пять часов вечера началась гражданская панихида. Вечером следующего дня «все университетские аудитории на Моховой были набиты доотказа массой рабочих, студентов, интеллигенции, всюду говорили о Баумане, речи ораторов дышали ненавистью к поработителям, раздавались требования беспощадной мести за смерть большевика — за убийство Баумана» [1].

Тысячи людей устремились к техническому училищу. Гроб Баумана стоял в актовом зале. У изголовья его — большое красное знамя. На нем горели золотые буквы:

«Погибшему борцу за свободу
От рабочих фабрик и заводов».

Рядом с гробом — столик, на который приходившие, кто сколько мог, клали деньги. Они знали, что эти трудовые деньги пойдут на вооружение рабочих дружин. В соседней аудитории шили красное покрывало на гроб и траурные черно-красные флаги.

Многочисленные делегации проходили в торжественно-скорбной тишине, низко наклоняли знамена, приносили новые и новые венки.

Вокруг технического училища дежурили вооруженные отряды рабочих.

---

[1] Сборник «Николай Эрнестович Бауман». М., 1937, стр. 27.

Жандармерия понимала, что публичные похороны неминуемо превратятся в грандиозную демонстрацию, и решила помешать этому.

В техническое училище явился полицейский пристав, заявивший, что для предания убийцы Баумана суду труп убитого необходимо подвергнуть вскрытию. Товарищи Николая Эрнестовича сразу разгадали этот ход полицейских властей: после краткого и категорического их ответа пристав поспешно покинул здание технического училища.

Московский комитет большевиков решил превратить похороны любимого рабочими большевика-ленинца в мощное и гневное выступление пролетариата.

XVI. МОСКВА ХОРОНИТ БАУМАНА

20 октября 1905 года.

Площадь перед техническим училищем, прилегающие переулки и улицы заполнены рабочими. Они идут сомкнутыми рядами, плечом к плечу, неся красные знамена, перевитые крепом, и полотнища с лозунгами:

«Долой самодержавие!»

«Долой подлых убийц!»

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Да здравствует демократическая республика!»

«Смерть царизму и его агентам!»

Красные ленточки, красные цветы — на отворотах пиджаков и пальто рабочих.

Из окрестных городов — Орехово-Зуева, Шуи, Серпухова, Павлово-Посада, Иваново-Вознесенска — приехали на похороны рабочие делегации.

Революционно настроенная интеллигенция, союзы служащих разных профессий, студенческие организации примкнули к рабочим колоннам.

Решение Московского комитета большевиков о превращении похорон Баумана в грандиозную политическую демонстрацию вызвало единодушный отклик трудовой Москвы.

По воспоминаниям участников этого выступления московского пролетариата, ранним утром 20 октября улицы города были полны народа. От центра города к техническому училищу идут группы людей, группы увеличиваются, превращаются в колонны.

Вот идет семья: старый литейщик, не один десяток лет проведший на «огненной работе»; рядом с ним — два уже взрослых сына, тоже литейщики, и третий сын — подросток. Идут молча, нахлобучив на лоб картузы и засунув руки в карманы. От Театральной площади поднимаются к Лубянке, сворачивают к Ильинским воротам и, ускорив шаги, направляются по Маросейке и Покровке к Земляному валу.

— В техническое? — коротко спрашивает старого рабочего высокий железнодорожник.

— Туда, — отвечает литейщик и, взглянув на товарищей железнодорожника, в свою очередь, спрашивает:

— Делегация?

Железнодорожник утвердительно кивает головой:

— Из Перовских мастерских. Как узнали... так тут же на паровоз — и в Москву.

Делегаты несут полотнище, на котором написано:

«Товарищу и другу — Н. Э. Бауману
От рабочих Казанской железной дороги».

...В полдень в зале технического училища состоялась прощальная гражданская панихида.

Под звуки траурного марша члены Московского комитета большевиков подняли и вынесли из актового зала гроб Баумана.

Тысячи людей обнажили головы...

Построились колонны демонстрантов. Рабочие образовали прочную двойную цепь, крепко взяв друг друга за руки, чтобы предотвратить нападение черной сотни из-за угла. Узкие и кривые переулки в районе Коровьего Брода, Елоховской площади и Разгуляя давали полиции и провокаторам возможность внезапно напасть на демонстрацию.

Процессия по Бригадирскому переулку, Немецкой улице, Елоховской площади, а затем по Ново-Басманной улице направилась к Красным воротам.

У Красных ворот к демонстрации присоединились студенты Межевого института. Они хотели было встретить процессию тремя залпами из берданок, но руководители похорон предупредили студентов, что выстре-

лами могут воспользоваться черносотенцы, начав стрелять в демонстрантов.

Во главе этой организованной, невиданной в Москве демонстрации шли члены Московского комитета большевиков. Громадная, все увеличивающаяся толпа была разделена на десятки, из двадцати-тридцати десятков составлялись отряды. Такая организация обеспечивала порядок в колоннах и служила надежной защитой от возможных провокационных нападений черносотенцев.

Большое красное знамя указывало путь сотням тысяч рабочих, пришедших отдать последний долг одному из своих самых верных товарищей...

На знамени золотом было вышито:

«Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»[1].

Впереди и сзади процессии шли отряды студентов-медиков с повязками Красного креста на рукавах. В самом конце ехали три фуры Красного креста Старо-Екатерининской больницы.

Жандармы и полиция не посмели помешать движению траурной процессии. Градоначальник пытался было убедить руководителей похорон «не следовать, для безопасности провожающих, через центральные улицы», на что ему ответили, что он напрасно беспокоится. Если же демонстрации попытается мешать полиция или руководимые ею убийцы, рабочие сумеют дать должный отпор. И градоначальник должен был отступить. Демонстрация не встретила препятствий со стороны напуганных властей.

Городовые, сыщики, жандармы — все слуги самодержавия были смыты потоком демонстрантов. Черносотенцы трусливо выглядывали из окон купеческих домов, из ворот. Вышедший на улицы московский пролетариат в этот день стал хозяином города.

«Необходимо перенестись в ту эпоху, чтобы по-

---

[1] Долгое время после похорон Н. Э. Баумана члены Московского комитета большевиков сохраняли это знамя, искусно спрятав его в обшивке стены, за доской, в одной из аудиторий технического училища.

нять — что значило тогда появление на улицах Москвы первого красного гроба, сопровождаемого огромной массой демонстрантов...» [1] — вспоминают участники шествия.

По пути к похоронной процессии присоединялись не только рабочие и студенты, но и несколько делегаций от воинских частей. Группа военных несла гроб. Объединение солдат и рабочих произвело большое впечатление на всех участников демонстрации.

Одна из участниц похорон Баумана вспоминает:

«Вот усеяли весь забор железнодорожники Московско-Казанской линии и ждут. Чего они хотят? Присоединятся или нет? С таким внутренним вопросом встречалась всякая новая, неизвестная группа. Но только поравнялась с ней процессия — «Ура!» — и она вливается в наши ряды за красным гробом.

А вот отряд солдат-саперов смело марширует по направлению к нам и занимает место около самого знамени МК. Их особенно горячо приветствуют демонстранты» [2].

Руководители похорон получили сообщение, что в одной из чайных засели черносотенцы и переодетые полицейские. Туда немедленно был направлен отряд дружинников. Дружинники вошли в чайную, держа револьверы наготове. Это предостережение подействовало: «молодцы» с хлебной биржи и черносотенцы с извозчичьей биржи не посмели напасть на демонстрацию. Полицейские поспешно покидали свои посты при приближении процессии.

На паровичке, ходившем в то время от Петровской сельскохозяйственной академии, в город приехали студенты и присоединились к траурной процессии. У многих из них в руках были внушительные палки, похожие на дубинки.

Градоначальник Москвы, полицмейстер, начальник жандармского управления в бессильной злобе отдавали противоречивые приказания. Но достаточно было взглянуть на улицы и площади, не вмещавшие

---

[1] Сборник «Николай Эрнестович Бауман». М., 1937, стр. 27.
[2] Там же.

многотысячных колонн демонстрантов, чтобы понять нелепость попыток помешать выступлению московского пролетариата.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» — пели демонстранты.

Над улицами и площадями Москвы звучали гордые и гневные слова:

Настанет пора — и проснется народ,
Великий, могучий, свободный.
Прощайте же, братья, — вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный!..

По мере приближения к центру города демонстрация приобретала все более внушительные размеры.

Невозможно точно сказать, сколько человек было на похоронах Баумана. Надо полагать, что число демонстрантов превышало двести и даже триста тысяч человек. О грандиозности процессии можно судить по тому, что передовые ряды процессии шли уже по Большой Никитской (ныне улице Герцена), а последние шеренги демонстрантов находились еще у Красных ворот.

Траурные флаги, алые знамена на балконах и в окнах многих домов... балконы и даже крыши усеяны людьми.

Рабочие замоскворецких фабрик и заводов, мастерских Брянского и Александровского вокзалов поджидали траурную процессию неподалеку от Большого театра. Они решили присоединиться к своим товарищам в полном боевом порядке.

«На Театральной площади стоял длинный ряд делегаций с венками. Совершенно неожиданно вижу в этом ряду своего знакомого из Саратова.

— Вы как? — спрашиваю.

— Делегатом на похороны из саратовской парторганизации», — вспоминает один из участников демонстрации. Пожалуй, не было ни одной московской фабрики, ни одного завода, не приславшего со своей делегацией венок.

Когда демонстрация вступила на Никитскую улицу, навстречу процессии вышел оркестр и хор Московской консерватории. Дирижер взмахнул рукой — и за-

звучала грустная и торжественная мелодия похоронного марша. К оркестру присоединился хор:

Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу...

Все дальше и дальше двигалась процессия.

Наконец в дрожащих отблесках факелов показалась ограда Ваганьковского кладбища.

И здесь, в конце траурного пути, окружавшие гроб Баумана товарищи и друзья запели революционную песню «Замучен тяжелой неволей». Тысячи демонстрантов подхватили:

В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...
Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли...

Грозно и сурово, как вызов врагу и вместе с тем как великое пророчество, утверждавшее близость победы, звучали заключительные слова:

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый
И будет он нас посильней!

Было уже больше восьми часов вечера, когда в полном молчании друзья и родственники Баумана остановились у вырытой могилы.

Среди густой тьмы светлыми пятнами выделялись группы рабочих с факелами, фонарями, свечами в руках. Громадное большинство провожающих не смогло войти на кладбище, и рабочие теснились у ограды.

Далеко-далеко вокруг разнеслись величаво-скорбные звуки траурного марша «На смерть героя».

Взволнованно звучали последние речи.

Первым у могилы говорил В. А. Шанцер («Марат»):

— Мы опускаем в могилу гроб одного из передовых бойцов за права пролетариата. Всю свою жизнь он боролся за эти права и не переставал бороться даже тогда, когда бывал в тюрьме или ссылке. Как

только ему удавалось вырваться на свободу, он был на своем посту!..

Проникновенно звучали слова «Марата» о непоколебимом большевике, ни разу не отступившем перед тяжелыми испытаниями жизни профессионального революционера: перед крепостной одиночкой, ссылкой, этапными мытарствами, голодовкой в тюрьме...

«Марат» говорил прерывающимся глухим голосом... С непередаваемой скорбью прозвучали его последние слова:

— Прощай, наш дорогой товарищ! Прощай, наш друг!..

К самому краю могилы подошла жена Баумана.

— Перед вами женщина, — сказала она, — оплакивающая не только мужа, но и друга, товарища, в котором она всегда находила поддержку в борьбе. Я плакала здесь как человек, потерявший одну сторону своей жизни — личную жизнь... Враги хотели нам нанести ущерб этой смертью, совершенной наемным убийцей, но вышло наоборот. Несметная толпа пролетариата вышла на улицу, организовалась там, произвела грандиозную манифестацию... она расправила крылья и показала свои силы врагам!..[1]

Свою речь она закончила призывом к вооруженному восстанию, призывом дать клятву бороться с царизмом так же, как всю свою жизнь боролся Николай Бауман. И, как грозный прибой, прозвучал единодушный ответ многотысячной рабочей массы:

— Клянемся!..

Поэт Максим Горемыка (М. Л. Леонов) прочел свое стихотворение «Памяти борца (Н. Э. Баумана)»:

В дни движения народного
С нами нет тебя, свободного.
Мы над раннею могилою
Вдохновимся новой силою!..

Во всех речах звучала скорбь о трагически прервавшейся жизни пламенного большевика и призывы к восстанию.

---

[1] «20 октября 1905 г. (речь жены Баумана на его могиле)». М., 1905, стр. 3.

...В последний раз склонились знамена... Отзвучали аккорды траурного марша...

С кладбища расходились организованно. Ни полиции, ни черносотенцев не было видно. Лишь поздно вечером враги осмелели. Большая группа рабочих и студентов возвращалась по Кудринской площади, Большой Никитской улице, мимо университета и манежа в Замоскворечье. Тускло мерцали фонари у длинного здания манежа. Участники похорон шли тихо, невольно вновь и вновь возвращаясь в своих думах к засыпанной цветами могиле Николая Баумана...

Внезапно раздался выстрел.. Из манежа выскочили затаившиеся там казаки и полицейские. Залп, а затем частые одиночные выстрелы прорезали тишину глубокого вечера. Снова залп, другой... Стреляли на близком расстоянии в толпу народа, проходившую близ университета. Ворота оказались по чьему-то приказанию запертыми. Раздались отчаянные крики, стоны раненых, полилась кровь... Люди пытались перелезть через высокую металлическую решетку университетского двора, но падали убитыми или ранеными... Восемь безоружных человек было убито и около тридцати тяжело ранено.

Это новое преступление царского правительства вызвало волну возмущения не только среди трудящихся Москвы, но и по всей России.

В листовках, выпущенных по поводу этого нового злодеяния царских слуг, Московский комитет большевиков призывал рабочих Москвы к дальнейшей борьбе с правительством:

«Теперь весь мир убедился, что мы были правы, требуя революционного устранения всей царской администрации, начиная с самого царя и кончая последним городовым. И мы добьемся этого, товарищи, добьемся вооруженной рукой!..» [1]

Это обращение Московского комитета большевиков вызвало единодушный отклик среди рабочих и прогрессивной интеллигенции.

---

[1] «1905 г. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии». М. — Л., 1926, стр. 345—346.

Возмущенная расстрелом безоружной толпы у манежа, группа артистов, врачей, художников, писателей подала в Московскую городскую думу резкий протест:

«Возмутительное расстреливание народа, возвращавшегося с похорон Баумана, казаками... лишний раз показывает, в какой мере мирное население Москвы лишено самой элементарной безопасности... Необходимо учредить особый комитет общественной безопасности, составленный из представителей организованных общественных учреждений, и организовать правильную городскую милицию» [1].

Протест был подписан многими видными общественными деятелями и виднейшими артистами, в том числе В. И. Качаловым, К. С. Станиславским, О. Л. Книппер-Чеховой, И. М. Москвиным и другими.

Это заявление было заслушано на заседании думы 21 октября, но, конечно, никаких реальных мер дума принять не захотела.

Лишь московский пролетариат продолжал борьбу с самодержавием... Через два месяца после похорон Баумана московские рабочие подняли знамя вооруженного восстания.

Первая русская революция достигла высшей точки своего развития.

---

[1] Н. Телешов. Записки писателя. М., 1953, стр. 285—286.

XVII. В ПОБЕДНЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

Николай Эрнестович погиб в дни нарастания революционных событий 1905 года. Московские рабочие в декабре начали вооруженное восстание. Особенно ожесточенные бои происходили на Пресне, в Замоскворечье, в Рогожско-Симоновском районе.

Однако декабрьское вооруженное восстание не переросло в выступление всего пролетариата России. Руководство восстанием не смогло своевременно и полностью возглавить борьбу рабочих с царскими войсками. И после ареста Московского комитета большевиков вооруженное выступление превратилось в разобщенные между собой выступления отдельных районов. Кроме того, восстание началось с опозданием и рабочие не сумели использовать колебания отдельных частей московского гарнизона.

У рабочих было мало оружия, мало обученных дружинников. Но хотя восстание в Москве и в других городах России царским правительством было подавлено, выступления рабочих с оружием в руках имели исключительно важное значение для дальнейшего накопления сил и опыта пролетариата.

«Первый раз во всемирной истории, — отметил В. И. Ленин, — была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием.

Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций»[1].

В. И. Ленин указывал, что без «генеральной репетиции» — героического выступления пролетариата с оружием в руках в декабре 1905 года — невозможна была бы в 1917 году победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция.

Потерпев временное поражение в революции 1905 года, рабочий класс отступил, готовясь к новому, решительному наступлению на помещичье-буржуазный строй царской России.

Во время свирепой столыпинской реакции, наступившей после спада революционной волны, когда царское правительство карательными экспедициями, казнями, убийствами в тюрьмах лучших борцов за дело пролетариата пыталось затушить революционное движение, Коммунистическая партия сплачивала пролетариат, укрепляла связи партии с широчайшими массами трудящихся города и деревни.

И в самые тяжелые годы реакции московские рабочие свято хранили память о своем верном руководителе и друге — Н. Э. Баумане. Небольшими группами приходили они в первомайский день и в годовщину похорон Николая Эрнестовича на Ваганьковское кладбище, украшали его могилу цветами. Полиция запретила какие-либо сборища и речи на кладбище. Сторожам кладбища был отдан строжайший приказ: следить за тем, чтобы на могилу не возлагали венков и цветов. И все же, как символ грядущих боев пролетариата за свое освобождение, на могиле Баумана появлялись яркокрасные, огненные цветы...

Шли годы. Приближалась решающая битва рабочего класса с самодержавием.

20 октября 1917 года, в годовщину похорон Николая Эрнестовича, Московский комитет РСДРП(б) вынес решение «О чествовании памяти т. Баумана», а 23 октября 1917 года, за два дня до начала боев за власть Советов в Петрограде, многие фабрики и заво-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 315.

ды Москвы отправили своих делегатов в Ходынские казармы.

Делегаты несли красные полотнища, на которых было написано: «Да здравствует единение рабочих и солдат!» Затем с Ходынского поля «огромная процессия выстроившихся солдат с оркестром музыки, вместе с рабочими делегациями, в пятом часу двинулась на Ваганьковское кладбище, на могилу т. Баумана.

...Под звуки похоронного марша клялись рабочие и солдаты умереть за дело революции!

Эта картина единения рабочих и солдат и клятвы их на могиле борца никогда не изгладятся из памяти участников шествия»[1].

Свое слово рабочие Москвы сдержали. Через несколько дней неподалеку от Ваганьковского кладбища рабочие-красногвардейцы и перешедшие на сторону большевиков артиллеристы наводили орудия на позиции юнкеров у Кудринской площади.

Орудийные удары гулко разносились по всей Москве...

Пролетариат шел в свой последний, решительный бой.

* * *

Освобожденные от оков самодержавия и капитализма народы нашей великой Родины, преодолевая трудности, отбивая многочисленные атаки врагов, построили социалистическое общество. Под руководством Коммунистической партии они уверенно идут к коммунизму.

Союз Советских Социалистических Республик превратился в могучую индустриальную державу, оплот мира во всем мире.

Неузнаваема стала и Москва. Лефортовский район, где Николай Эрнестович Бауман создавал подпольные марксистские кружки, превратился в один из ведущих индустриальных районов столицы. Новые вузы, научно-

---

[1] «Документы Великой пролетарской революции» (сост. Г. Костомаров), т. II. М., 1948, стр. 46.

исследовательские институты, школы, клубы возникли в этом районе в годы советской власти.

Теперь Лефортово носит славное имя Н. Э. Баумана. На центральной площади района стоит памятник большевику-ленинцу. Имя Баумана присвоено одному из крупнейших и старейших высших учебных заведений — Московскому высшему техническому училищу. Перед входом в МВТУ возвышается памятник Н. Э. Бауману. Скульптор запечатлел Николая Эрнестовича со знаменем в руке, воспроизведя один из эпизодов его замечательной жизни.

Памятник Н. Э. Бауману поставлен также и в саду культуры и отдыха, носящем его имя. На углу Денисовского переулка и улицы Баумана, на стене дома № 26, помещена мемориальная доска с барельефным изображением Николая Эрнестовича и надписью:

Здесь 31 (18) октября 1905 года был злодейски убит агентом царской охранки член московской организации большевиков

НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ БАУМАН

Трудящиеся нашей страны хранят светлую память о смелом борце за их освобождение, они с глубокой благодарностью вспоминают тех, кто отдал все свои силы и даже жизнь за победу пролетариата.

Жизнь верного ученика и соратника великого Ленина Н. Э. Баумана — яркий пример беззаветного служения рабочему классу, прекрасный образец благородного подвига за освобождение народа.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Э. БАУМАНА

1873, 17 (29) мая — Рождение Н. Э. Баумана в Казани.
1881 — Поступление в приготовительный класс второй Казанской гимназии.
1887, 4 (16) декабря — Выступление В. И. Ленина на демонстрации в Казанском университете.
1888—1889 — Организация в Казани рабочего кружка Н. Е. Федосеевым.
1891 — Н. Э. Бауман уходит из 7-го класса гимназии и поступает в Казанский ветеринарный институт.
1892, 1 (13) мая — Н. Э. Бауман участвует в первой рабочей маевке (в Адмиралтейской слободке Казани).
1892—1893 — Н. Э. Бауман и А. М. Стопани работают в подпольных рабочих кружках Казани.
1893 — Н. Э. Бауман организует выступления студентов ветеринарного института на похоронах студента Аполлонова.
1895 — Окончание Н. Э. Бауманом ветеринарного института.
1895 (весна) — 1896 (осень) — Н. Э. Бауман работает участковым ветеринарным врачом в селе Новые Бурасы Саратовского уезда Саратовской губернии.
1896, 1 (13) мая — Н. Э. Бауман организует среди местных крестьян празднование 1 Мая.
1896, осень — Отъезд Н. Э. Баумана в Петербург.
1896 (осень) — 1897 (весна) — Н. Э. Бауман работает в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге.
1897, 21 марта (2 апреля) — Арест Н. Э. Баумана в Петербурге и заключение его в Петропавловскую крепость.
1899, январь — октябрь — Ссылка Н. Э. Баумана в город Орлов Вятской губернии (ныне Халтурин Кировской области).
1899— Н. Э. Бауман присоединяется к написанному В. И. Лениным «Протесту российских социал-демократов».
1899, 15 (27) октября — Н. Э. Бауман бежит из орловской ссылки.
1900, лето — Первая встреча Н. Э. Баумана с В. И. Лениным. Бауман принимает активное участие в подготовке к изданию и транспортировке «Искры».
1900, 11 (24) декабря — Выход первого номера «Искры».

1901 — Н. Э. Бауман работает по поручению В. И. Ленина агентом и транспортировщиком «Искры».

1901 (декабрь) — По поручению В. И. Ленина Н. Э. Бауман выезжает в Москву в качестве представителя «Искры».

1901 (декабрь) — 1902 (февраль) — Н. Э. Бауман работает членом Московского комитета РСДРП, распространяя ленинскую «Искру» и организуя подпольные рабочие кружки.

1902, февраль — Н. Э. Бауман выезжает в Киев для установления связи с киевской организацией «Искры».

1902, 8 (21) февраля — Арест Н. Э. Баумана в селе Хлевном Задонского уезда Воронежской губернии.

1902, 16 февраля (1 марта) — Отправка Н. Э. Баумана по этапу из Задонска в Вятку.

1902, март — август — Н. Э. Бауман в киевской тюрьме.

1902, 18 (31) августа — Побег 10 искровцев во главе с Н. Э. Бауманом из киевской тюрьмы.

1902 (осень) — 1903 (весна) — Н. Э. Бауман работает за границей под руководством В. И. Ленина и готовится к докладу на II съезде РСДРП о работе московской организации.

1903, июль — август — Участие Н. Э. Баумана (Сорокина) как делегата московской организации на II съезде РСДРП.

1903, октябрь — Н. Э. Бауман участвует на II съезде «Заграничной лиги» русских социал-демократов.

1903, 12 (25) декабря — Н. Э. Бауман по поручению В. И. Ленина выезжает в Россию для борьбы с меньшевиками и создания в Москве «Северного бюро ЦК».

1903 (декабрь) — 1904 (июнь) — Н. Э. Бауман работает в «Северном бюро ЦК».

1903 (декабрь) — 1904 (весна) — Организация Н. Э. Бауманом подпольной большевистской типографии на Нижне-Красносельской улице и затем в дачном районе Зыково.

1904 (июнь) — 1905 (октябрь) — Заключение Н. Э. Баумана в Таганской тюрьме.

1904, август — Совещание под руководством В. И. Ленина (в Швейцарии) 22 большевиков, подготовившее созыв III съезда РСДРП.

1904, октябрь — Обращение Ф. В. Ленгника, Н. Э. Баумана, Е. Д. Стасовой и других большевиков, заключенных в Таганской тюрьме, к В. И. Ленину по поводу «Совещания 22-х большевиков».

1905, 6 (19) января — Письмо В. И. Ленина Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме.

1905, 8 (21) октября — Освобождение Н. Э. Баумана из Таганской тюрьмы.

1905, 9—17 (22—30) октября — Н. Э. Бауман принимает деятельное участие в работе МК большевиков.

1905, 18 (31) октября — Убийство Н. Э. Баумана черносотенцем.

1905, 19 октября (1 ноября) — массовые демонстрации протеста рабочих Москвы против убийства Н. Э. Баумана.

1905, 20 октября (2 ноября) — Грандиозная демонстрация — похороны Н. Э. Баумана.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин.

Соч., т. 1. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)»;

т. 4. «Протест российских социал-демократов», «Как чуть не потухла «Искра»?», «Насущные задачи нашего движения»;

т. 5. «С чего начать?», «Что делать?»;

т. 6. «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП Общепартийному съезду»;

т. 7. «Шаг вперед, два шага назад», «Рассказ о втором съезде РСДРП»;

т. 8. «Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме»;

т. 9. «Николай Эрнестович Бауман», «Всероссийская политическая стачка»;

т. 13. «Предисловие к сборнику «За 12 лет»;

т. 21. «Социализм и война (отношение РСДРП к войне), гл. IV — «История раскола и теперешнее положение социал-демократии в России».

Ленинские сборники.

VIII. Письмо В. И. Ленина Н. Э. Бауману. 24 мая 1901 г. Письмо В. И. Ленина Н. Э. Бауману в Москву. 26 июня 1901 г. Письмо Н. К. Крупской Н. Э. Бауману в Москву. 3 июля 1901 г.

XV. Письмо Н. К. Крупской М. И. Ульяновой. 14 августа 1904 г.

Письмо Ф. В. Ленгника В. И. Ленину и Н. К. Крупской 4 сентября 1904 г. Москва, Таганская тюрьма.

И. В. Сталин.

Соч., т. 1. «Класс пролетариев и партия пролетариев», «Коротко о партийных разногласиях», «Две схватки»;

т. 4. «Ленин, как организатор и вождь РКП».

Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. М., 1955.

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1955.

Ленин и тактика социал-демократов на суде (1905 г.). «Пролетарская революция», 1924, № 7 (30).

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1955.

II. СБОРНИКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. Э. БАУМАНУ, И ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ О ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Протоколы II съезда РСДРП. М., 1932.

Николай Эрнестович Бауман. Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1937.

Из переписки редакции «Искры» с И. В. Бабушкиным и Н. Э. Бауманом. «Пролетарская революция», 1939, № 1.

III. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ О Н. Э. БАУМАНЕ

М. Сильвин. Освобождение. «Новая жизнь», 1905, № 3.

М. Н. Лядов. 1905. М., 1930.

И. Н. Белокуров. Встречи с Н. Э. Бауманом. «Каторга и ссылка», 1931, № 4 (77).

Н. Э. Бауман (по воспоминаниям его защитника). «Былое», 1926, № 1.

Ц. С. Зеликсон-Бобровская. Незабываемые встречи. Воспоминания о Ленине. М., 1947.

Ц. С. Бобровская (Зеликсон). Страницы из революционного прошлого (1903—1908). М., 1955.

С. Кукушкин. Ленинская «Искра» в Москве. М., 1955.

С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя. М., 1938.

Н. Гусев. Н. Э. Бауман. В сборнике: «Жизнь замечательных людей в Казани», вып. 1-й. Казань, 1941.

М. Багаев. Моя жизнь. Иваново, 1949.

Из истории московской организации ВКП(б) (1894—1904 гг.). М., 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Памятник большевику 5
II. На просторах Поволжья 7
III. В подпольных кружках Казани 24
IV. Знамя над пашней 50
V. В подпольных кружках петербургских рабочих 67
VI. Узник одиночки № 56 85
VII. В ссылке 104
VIII. Ученик В. И. Ленина 117
IX. Агент «Искры» 131
X. По тюрьмам и этапам 147
XI. Побег десяти искровцев 158
XII. Делегат II съезда РСДРП 171
XIII. Пропагандист и организатор 189
XIV. В Таганской тюрьме 203
XV. Под красным знаменем 222
XVI. Москва хоронит Баумана 231
XVII. В победные дни Октября 240
Основные даты жизни и деятельности Н. Э. Баумана 244
Библиография 246

Новоселов Михаил Андреевич

Н. Э. БАУМАН

Редактор *Е. Грушко*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А04999 Подп. к печ. 16/X 1955 г. Бумага 84×108¹/₃₂=3,875 бум. л.= 12,71 печ. л.+9 вкл Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 90 000 экз. Заказ 1746.
Цена 5 р. 60 к.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.